

ПЕРВЫЙ УДАР Сталина

Алексей
ИСАЕВ

★ 1941

Михаил БАРЯТИНСКИЙ
Михаил МЕЛЬТЮХОВ
Сергей КРЕМЛЕВ
Александр БОЛЬНЫХ

Андрей БУРОВСКИЙ
Дмитрий ХМЕЛЬНИЦКИЙ
Валентин РУНОВ
Владислав САВИН

АЛЬТЕРНАТИВЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

АЛЬТЕРНАТИВЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Михаил МИЛЬТЮХОВ
Сергей КРЕМЛЕВ
Александр БОЛЬНЫХ
Дмитрий ХМЕЛЬНИЦКИЙ
Андрей БУРОВСКИЙ
Валентин РУНОВ
Владислав САВИН

Алексей ИСАЕВ

ПЕРВЫЙ УДАР Сталина 1941

Оформление художника *С. Курбатова*

Исаев А. В.

И 85 Первый удар Сталина 1941 / Алексей Исаев, Виктор Суворов, Михаил Барятинский. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 352 с. — (Альтернативы Великой Отечественной).

ISBN 978-5-699-43818-1

Трагедия 1941 года оставила в народной памяти настолько глубокую рану, что шрам продолжает болеть даже семь десятилетий спустя — до сих пор не стихают ожесточенные споры о причинах и виновниках катастрофы, а главное, можно ли было ее избежать.

Самую сенсационную альтернативу предложил Виктор Суворов, утверждающий, что летом 1941 года Сталин сам готовился напасть на гитлеровскую Германию и что, если бы Красная Армия успела ударить первой, «поймав немцев на замахе», Вермахт был бы разгромлен за считанные недели. Впрочем, по этому вопросу с Суворовым не согласны даже многие его сторонники, уверенные, что и в случае упреждающего удара советские войска все равно потерпели бы сокрушительное поражение, о чем свидетельствуют неудачные действия РККА против Финляндии.

Чья точка зрения ближе к истине? Привел бы **ПЕРВЫЙ УДАР СТАЛИНА** к триумфу Красной Армии — или разгрому еще более страшному, чем в текущей реальности? И был ли такой удар вообще возможен? На все эти вопросы отвечают ведущие военные историки.

УДК 355/359
ББК 68

© Исаев А.В., 2010
© Суворов В., 2010
© Барятинский М.Б., 2010
© Мельтюхов М.И., 2010
© Кремлёв С., 2010
© Больных А.Г., 2010
© Хмельницкий Д.С., 2010
© Буровский А.М., 2010
© Рунов В.А., 2010
© Савин В.О., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-43818-1

СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Весной и летом 1941 г. нарушения границы совсем не были из ряда вон выходящим происшествием в Генерал-губернаторстве. Однако обычно заблудившиеся красноармейцы стремились как можно быстрее покинуть территорию чужого государства. Этот же солдат со знаками различия Красной Армии, напротив, сразу же бросился навстречу немецкому патрулю. Он повторял только одно слово «Ангриф! Ангриф!» (наступление — нем.). Солдат промок до нитки: было понятно, что он вплавь преодолел Буг. Перебежчика доставили в штаб. Добровольный помощник Вермахта с белой повязкой на руке, сбиваясь, торопливо переводил офицеру слова нежданного гостя из СССР. Однако при всех недостатках перевода основная мысль была понятна: Красная Армия скоро перейдет границу и ударит по Германии. Перебежчик был призван в недавно присоединенных к СССР западных областях Украины и отнюдь не горел желанием принимать участие в войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Еще до окончания допроса последовал звонок в вышестоящий штаб. Нельзя сказать, что там эти сведения вызвали удивление: донесения разведки в последние дни были все тревожнее. Однако в готовившихся к операции «Барбаросса» штабах эти доклады воспринимали лишь как вполне ожидаемые контрмеры Красной Армии перед лицом возможного нападения. Теперь же события принимали неожиданный оборот. Вскоре сотни тысяч людей пришли в движение. Солдаты и офицеры пехотных частей Вермахта занимали позиции в приграничных укреплениях. Томительное ожидание длилось недолго: буквально на следующее утро загрохотала артиллерийская подготовка. Война началась...

Я буду описывать такими вставками курсивом эпизоды войны, которой никогда не было: первого удара Красной Армии в 1941 г. Прошу не забывать, что реальные события были куда страшнее и трагичнее. Однако прошу отнестись к этому снисходительно: анализ альтернативных вариантов развития событий является одним из инструментов изучения истории. Это своего рода мысленный эксперимент, позволяющий нам понять узловые точки и оценить наиболее значимые факторы реальных событий. Лирические отступления с моделированием событий лишь призваны иллюстрировать анализ ситуации и вариантов развития боевых действий. Представьте, что это строки из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Удар по Гитлеру первыми традиционно негативно оценивается в отечественной литературе. Впрочем, нельзя сказать, что эта точка зрения является доминирующей. Тем не менее иногда даже звучат слова о том, что Сталин правильно сделал, что дождался нападения Гитлера и не стал нападать сам. Это якобы дало неоспоримые моральные преимущества. Однако это представляется попыткой сделать хорошую мину при плохой игре. Никакого перевешивающего все и вся морального преимущества этот факт не давал.

Германия себя уже достаточно дискредитировала и в достаточной мере сама проявила себя как агрессор. Поэтому вступление в войну против нее с большим трудом можно было бы интерпретировать как агрессию. Ситуация с Финляндией в 1939 г. была все же принципиально другой. Сомнения относительно адекватной оценки вступления СССР в войну ударом по Германии протекают не в последнюю очередь ввиду демонизации Запада.

Однако демонизированный Запад имеет примерно такое же отношение к действительности, как и голли-

вудский советский генерал, пьющий водку из samovar в промежутках между играми с дрессированным медведем. У Запада были свои интересы и изничтожение как «первого в мире государства рабочих и крестьян», так и России в том или ином виде никогда не было *idee fixe* западных стран. Я веду здесь речь не об отдельных политиках, а об общих тенденциях европейской и англо-американской политики. Более жесткое разделение на два противоборствующих лагеря произошло только с началом «холодной» войны.

Политические и военные реалии 1941 г. все же принципиально отличались от реалий 1947 г. или 1950—1960 гг. На внешнеполитическом фронте вступление СССР в войну с Гитлером в любом случае было бы воспринято как возвращение в клуб Сил Добра. Из которого он оказался исключен сначала ввиду пакта Молотова — Риббентропа (но это еще было полбеда), а затем ввиду нападения на Финляндию и силового присоединения прибалтийских государств.

К слову о Финляндии. Вполне возможно, что в случае первого удара Красной Армии Финляндия заморозила бы свои планы по вступлению в войну совместно с немцами. Впрочем, если бы даже финское руководство сохранило бы свой прежний курс, вряд ли бы это оказало немедленное воздействие на ход боевых действий.

С точки зрения внутренней пропаганды, объяснение «почему мы начали первыми?» будет, разумеется, непростым делом. Однако в определенной степени это будет соответствовать слоганам предвоенной агитации о «малой крови» и «чужой территории» (в их поп-восприятии). Кроме того, лучшей пропагандой правильности выбранного курса всегда были военные успехи. Или же, скажем мягче, отсутствие крупных провалов. Потеря сначала вновь приобретенных в 1939—1940 гг. земель, а затем и Минска, Смоленска, Киева была куда более значимым ударом по общественному сознанию, чем гипотетические моральные терзания относительно бремени ответственности за первые выстрелы. Если положить на одну чашу весов удар первыми, а на другую —

потерю большой территории и бомбежки городов в глубине страны, то вторая чаша однозначно перевешивает. Многие люди попросту теряли веру в победу, начинали сомневаться в целесообразности жертв. В концентрированном виде это выглядело примерно так: «Если мы все равно проиграем (проигрываем), то кому будет нужна моя гибель?» Также крупные и очевидные неудачи неизбежно порождали сомнения в эффективности высшего руководства страны. На всякий случай подчеркну: «крупные и очевидные неудачи». То есть те, которые невозможно скрыть средствами военной цензуры и которые придется признавать публично в прессе и на радио голосом Левитана. Провал масштаба окружения армии Самсонова в 1914 г. советская пропаганда смогла бы без труда скрыть от широкой общественности. В отличие от Николая Второго у Сталина не было в столице парламентского балагана, в котором малосведущие люди учили бы его что делать и морально осуждали его реальные и мнимые просчеты. Слухи и сплетни в армейской среде также можно было без труда подавлять средствами цензуры и нажимом со стороны политорганов.

На бытовом уровне люди все же понимали, что превентивный удар может быть вызван военной необходимостью. Несмотря на паузу с осени 1939 г. по весну 1941 г. «фашизм» (принятое в СССР наименование нацизма) был вполне успешно позиционирован как абсолютное зло. Превентивный удар по такому врагу был бы, несомненно, воспринят населением СССР в целом благожелательно. На фоне сообщений ровным голосом Левитана о боях в районе Ломжи, Перемышля, а то и Седлеца решение руководства ударить первыми получило бы поддержку общества. В СССР чувствовали приближение войны, ее начало хотя и было неприятным известием, но, по большому счету, никого не удивило и не поразило как гром среди ясного неба.

Первые выстрелы быстро делят мир на своих и чужих. Слова известной песни «Киев бомбили» наверняка останутся на своем месте даже в случае «начинаем первыми». И Минск, и Киев, и многие другие города на-

верняка подвергнутся немецким бомбардировкам с воздуха вне зависимости от того, кто будет инициатором войны. Разрушенные здания, убитые мирные жители будут взывать к мщению. Одним словом, на внутривойсковом фронте удар первыми был бы также воспринят скорее благожелательно, нежели однозначно отрицательно.

«МОГЛА БЫ ПРОИЗОЙТИ КАТАСТРОФА...»

Если с политическими последствиями и перспективами ситуация практически очевидная, то оценка возможностей Красной Армии в «первом ударе» является куда более сложным делом. Неудачи лета 1941 г. — это достаточно серьезный аргумент против возможности успешного ведения советскими войсками наступательных операций против германской армии. В сущности, когда мы рассуждаем о возможном исходе сражения полностью развернутой и отмобилизованной РККА с Вермахтом, мы должны ранжировать причины поражений в реальном 1941 г. Что было главным в длинном списке причин неудач? Упреждение в развертывании и мобилизации? Низкие профессиональные качества командного состава? Неудовлетворительная тактическая выучка бойцов и младших командиров? Посредственные характеристики боевой техники?

Как многие, наверное, и так знают, я придерживаюсь мнения о преобладании стратегических причин неудач 1941 г. По моему мнению, по своей значимости и весу фактор «упреждение в мобилизации и развертывании» значительно превосходит все остальное. Причем дело не только в ближайших последствиях упреждения Красной Армии Вермахтом, но и в долгосрочных последствиях этого события. Разгром армий особых округов ухудшал условия вступления в бой для остальных соединений и объединений Красной Армии. Соотношение сил, в котором в бой вступали армии из внутренних округов, было заведомо хуже, чем в отсутствие разгрома многих дивизий и корпусов в Приграничном сражении.

Соответственно после разгрома армий внутренних округов новые формирования опять же вступали в бой в худшем соотношении сил с немцами, нежели в отсутствие поражения (и исключения из боевого состава Красной Армии) своих предшественников. Поэтому фактор «упреждение в развертывании» оказывается весьма значимым и «долгоиграющим». Фактически вся летне-осенняя кампания 1941 г. была для Красной Армии преодолением печальных последствий упреждения в мобилизации и развертывании.

Однако было бы непростительной ошибкой приравнять к нулю значимость и вес всех остальных факторов поражения советских войск. Серьезные проблемы с боевой подготовкой и отсутствие полноценных механизированных соединений тоже играли свою роль. Также будет влиять на исход многих сражений недостаточный опыт советских командиров и командующих. Разумеется, в варианте «Красная Армия начинает» все эти факторы сохранятся и будут влиять на развитие событий. Весь вопрос в том, насколько сильно будет это влияние? Приведет оно или нет к поражению советских войск в первой операции?

Надо сказать, что нам в какой-то мере повезло. Относительно перспектив такого сражения есть мнение, безусловно, авторитетного человека — маршала Г. К. Жукова. Причем он высказывался на эту тему даже дважды. В первый раз это был не опубликованный при жизни Георгия Константиновича отзыв на статью Василевского. В нем Жуков сформулировал свою мысль следующим образом:

«Думаю, что Советский Союз был бы разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе... Хорошо, что этого не случилось, а если бы главные наши силы были бы разбиты в районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году».

Формулировка, надо сказать, предельно жесткая. Вместе с тем следует отметить, что главные силы Крас-

ной Армии и так были разгромлены в первые недели войны. Произошло это, правда, последовательно, в Приграничном сражении и в боях на рубеже Западной Двины и Днепра. Жуков это прекрасно знал.

Через некоторое время он снова высказался на эту же тему в разговоре с историком В. А. Анфиловым о проекте «Соображений...» от 15 мая 1941 г. в 1965 г. Георгий Константинович тогда сказал: «Сейчас же я считаю: хорошо, что он не согласился тогда с нами. Иначе, при том состоянии наших войск, могла бы произойти катастрофа гораздо более крупная, чем та, которая постигла наши войска в мае 1942 года под Харьковом».

Обычно этими двумя фразами Жукова размахивают в качестве оценки возможностей Красной Армии противостоять Вермахту даже в самых благоприятных для нее условиях. Звучат грозные слова: «Вот и ответ тем, кто ныне считает, что напади Красная Армия первой в 1941 г., то она бы показала рейху «кузькину мать»...». Фактически здесь получается продолжение спора о роли различных факторов в поражении Красной Армии. С опорой на слова Жукова выдвигается тезис о доминировании такого фактора, как боевая подготовка войск и штабов в трагедии 1941 г.

Однако так ли очевидны и однозначны оценки советского военачальника? Должен сказать, что Георгий Константинович был человеком неглупым, а местами даже ехидным. В тех случаях, когда он не мог по цензурным соображениям высказаться прямо, он вполне успешно использовал эзопов язык, понятный посвященным. Человеку, знакомому со статистикой войны, в глаза сразу бросится сравнение с Харьковом 1942 г. Собственно, упомянутая Жуковым катастрофа Юго-Западного фронта была далеко не самым крупным поражением советских войск. Киевский «котел», поражение под Вязьмой и Брянском на начальном этапе битвы за Москву оставляют харьковский провал далеко позади. Тогда, в мае 1942 г., в окружение попали 250 тыс. человек. Под Киевом немцы окружили более 500 тыс. человек, окружение трех фронтов в октябре 1941 г. поглотит-

ло почти 600 тыс. человек. Харьков вполне уверенно занимает промежуточное положение между разгромами одной-двух армий (Умань, Мелитополь, Белосток, Смоленск) и окружением сразу целых фронтов.

Это означает, что два высказывания Жукова ни в коей мере не являются эквивалентными друг другу. В первом случае оценки предельно жесткие и перспективы мрачные, во втором — Жуков достаточно оптимистично оценивает масштабы возможной катастрофы. Это заставляет сделать вывод, что Георгий Константинович откорректировал свое мнение и значительно смягчил оценку ситуации. От «Москва и Ленинград были бы заняты» он пришел к сравнению с Харьковом мая 1942 г. Можно также предложить еще одну интерпретацию слов маршала. Как известно, выстоять в 1941 г. позволила «перманентная мобилизация» то есть формирование новых соединений вразрез с МП-41. В случае начала войны с главными силами Красной Армии на границе, решение о новых формированиях могло быть принято с опозданием, а то и не принято вовсе. Это могло привести к печальным последствиям. Впрочем, скорее всего, Жуков просто изменил свое мнение и смягчил оценку ситуации.

Так или иначе, у нас есть только самая общая оценка перспектив первой операции войны без упреждения Красной Армии в мобилизации и развертывании. Что же можно сказать о ходе боевых действий? Хорошо известный многим английский публицист оценил перспективы советского наступления как радужные и даже блестящие. Он написал о «Войне, которой не было» так: «В августе 1941 года Второй стратегический эшелон завершил Висло-Одерскую операцию, захватив мосты и плацдармы на Одере. Оттуда начата новая операция на огромную глубину». То есть, по его расчетам, с 6 июля по август 1941 г. была бы пройдена вся территория от новой границы до Вислы с захватом плацдармов, а в августе — повторен успех реального января 1945 г.

Одно можно сказать определенно: проецирование на «альтернативный 1941 г.» таких блистательных опера-

ций реальной войны, как Висло-Одерская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская и «Багратион», совершенно безосновательно. Обстановка на земле и в воздухе в период проведения этих, безусловно успешных операций была принципиально другой, чем та, которая могла возникнуть в альтернативном 1941 г. без упреждения в мобилизации и развертывании. Дело даже не в очевидных частностях, например, в отправке в реальном декабре 1944 г. IV танкового корпуса СС в Венгрию. В альтернативном 1941 г. такое решение вряд ли будет принято. Просто ввиду того, что времени на прорыв к Будапешту просто не будет. В реальности к нему шли всю осень 1944 г. и даже большую часть декабря 1944 г. В альтернативе «Красная Армия бьет первой», берлинско-варшавское направление будет для немцев главным изначально, его ослабление представляется крайне маловероятным.

Каковы же перспективы наступления Красной Армии на запад в таких условиях? Прежде всего, необходимо обратить внимание на общее соотношение сил противников на Восточном фронте. В период побед Красной Армии в 1944—1945 гг. оно было иным, нежели возможное соотношение сил в ходе гипотетического «первого удара». Так, на 1 июня 1944 г. Германия имела в составе действующей армии на Восточном фронте 2,62 млн человек против 6,7 млн человек в составе советских действующих фронтов и отдельных армий. Иногда называются даже меньшие цифры. По данным Мюллера-Гиллебранда, на 1 июля 1944 г. в действующей армии на востоке было 2,16 млн человек, включая полевые части Люфтваффе и войска СС. Это был достаточно низкий показатель. Для сравнения: на 1 июля 1943 г. на востоке было 3,14 млн человек, на 22 июня 1941 г. — 3,3 млн человек, не считая Люфтваффе. Соответственно летом 1943 г. немецким войскам противостояли 6,8 млн человек в составе действующих фронтов и отдельных армий. Неудивительно, что летом 1944 г. Красная Армия быстро и успешно наступала, а летом 1943 г. наступление шло с большим трудом и немалыми

потерями, а на некоторых участках (Мгинские операции под Ленинградом, Изюм-Барвенковская операция и наступление Миус-фронта в июле 1943 г.) и вовсе оказывалось неуспешным. Одним словом, было бы странно думать, что победы 1944—1945 гг. не опирались на тяжелые бои 1942—1943 гг. Они были подготовлены в тех боях, разгром группы армий «Центр» был не в последнюю очередь следствием снятия с нее стружки в предыдущие годы войны.

Разумеется, в случае отсутствия упреждения в мобилизации и развертывании численность действующей армии Советского Союза будет иной, нежели в реальном 1941 г. Поэтому оперировать реальным соотношением сил летом 1941 г. в оценке возможного развития событий по сценарию «бьем первыми» будет грубой ошибкой. Отмобилизованная и развернутая Красная Армия сможет выставить против Вермахта куда более внушительные силы, чем слабосильные армии прикрытия особых округов. Согласно февральскому 1941 г. мобилизационному плану (известному также как МП-41) общая численность Красной Армии, не считая формирований гражданских наркоматов, должна была составить 8 682 827 чел. военнослужащих и 18 880 чел. по вольному найму. Это весьма близко к 9 млн общей численности Красной Армии к лету 1944 г. Если 9-миллионная армия 1944 г. выставила на фронт 6,7 млн человек, то 8,7-миллионная армия, поднятая по МП-41, должна выставить на фронт не менее 6,5 млн человек. Это приводит нас к реалистичной оценке общего соотношения сил для сценария «бьем первыми». Скорее всего, это будут 6,5 млн человек с советской стороны и 3,3 млн человек со стороны Германии.

Союзники Германии в этих расчетах, заметим, не учитываются. Однако использование союзных войск вряд ли будет выше уровня реального 1941 г. и реального 1944 г. Эту составляющую предлагаю сознательно вынести за скобки. Так называемая группа Антонеску на июнь 1941 г. насчитывала 326 тыс. человек. Летом 1944 г. Румыния достигла максимума мобилизационно-

го напряжения, под ружье были поставлены свыше 1 млн человек. При этом моральное состояние румын после Сталинграда и разгрома в Крыму в мае 1944 г. было куда ниже, чем в 1941 г., что нивелировало увеличение численности. Венгерская армия заметно подросла от нескольких бригад 1941 г. Тем не менее качественного изменения ситуации учет войск союзников нам не даст.

С этой точки зрения соотношение сил в расчетном 1941 г. (без упреждения в мобилизации и развертывании) будет весьма далеко от реального июня 1944 г. Можно даже сказать больше: позади будет оставлен даже июль 1943 г. с его тяжелым преодолением «Цитадели». К сожалению, соотношение сил сторон будет для СССР даже хуже, чем летом 1942 г. Тогда 2,85 млн человек в германской действующей армии на востоке противостояли 5,7 млн человек в действующих фронтах и отдельных армиях Советского Союза. Как известно, при таком соотношении сил немцы смогли обрушить весь южный сектор советско-германского фронта, дойти до Волги и Кавказа. Ожидать при схожем соотношении сил стремительного проведения Висло-Одерской операции силами КВ-2 и Т-34 с Л-11, очевидно, не приходится. Конечно, Красная Армия летом 1942 г. страдала от нехватки вооружения и боеприпасов ввиду эвакуации промышленности. Однако и Вермахт был уже изрядно потрепан зимней кампанией 1941/42 г. К тому же большая часть истребительной авиации Люфтваффе уже была на Западе. В июле 1942 г. 29 групп немецких истребителей были на Западе и Средиземноморье, 20 — на Восточном фронте и 4 — в Норвегии.

Здесь, вспомнив об авиации, мы плавно переходим от общего соотношения сил к частностям. Еще одним принципиальным отличием реального июня 1944 г. и января 1945 г. от расчетного лета «первого удара» 1941 г. будет соотношение сил в воздухе. Причем как на количественном, так и на качественном уровне. На 31 мая 1944 г. из 4475 самолетов Люфтваффе на Восточном фронте в составе 1, 6 и 4-го воздушных флотов было 1693 самолета (317, 688 и 688 самолетов в соответствующи-

щих флотах). Меньше половины общей численности германских ВВС, как мы видим. Еще 193 самолета было в 5-м воздушном флоте в Финляндии и Норвегии, действовавшем на востоке и западе одновременно. Самым многочисленным был воздушный флот «рейх», ответственный за ПВО Германии — 1348 самолетов. Из 1051 одномоторного истребителя в Люфтваффе в целом в воздушном флоте «рейх» было 444, в 6-м воздушном флоте, в центральном секторе советско-германского фронта, — всего 66. Прописью: шестьдесят шесть. К началу «Багратиона» это количество даже снизилось и упало до 40 машин. Хотим мы этого или нет, но воздушное наступление англо-американских ВВС оттягивало значительные силы с Восточного фронта. В случае «первого удара» в 1941 г. такого жесткого прессинга с воздуха на западе, разумеется, не будет. Люфтваффе сможет без особого ущерба сосредоточить все свои силы для борьбы за небо на востоке. На 21 июня 1941 г. в Люфтваффе было 4882 боевых самолета, в том числе 1440 одномоторных истребителей. Нетрудно догадаться, какой воздушный флот будет самым многочисленным в случае «первого удара». Это будет один из воздушных флотов на Восточном фронте, скорее всего, на направлении главного удара Красной Армии — на Украине (точнее, в Южной Польше). Авиации Юго-Западного фронта будет противостоять отнюдь не 40 истребителей, как трем фронтам в «Багратионе», а куда большее их число.

С позиции ВВС Красной Армии ситуация также выглядит не блестящей. Боевых самолетов в советских ВВС в 1944 г. было все же больше, чем в июне 1941 г. Кроме того, в 1944 г. авиация объединялась в воздушные армии, позволявшие более гибко и эффективно ее использовать. На 22 июня 1941 г. фронтовая авиация, предназначенная для совместных действий с сухопутными войсками, была представлена собственно фронтовой, армейской и войсковой авиацией. В современном понимании этого термина к «фронтовой авиации» относятся все три группы. Поэтому целесообразнее называть фронтовую авиацию 1941 г. фронтовой группой

авиации. Армейская авиация в составе смешанных авиационных дивизий подчинялась непосредственно армиям, точнее, командующим ВВС общевойсковых армий. Фронтовая группа авиации, состоявшая из истребительных и бомбардировочных авиационных дивизий, подчинялась командованию фронта. Войсковая авиация — это корректировочные эскадрильи и эскадрильи связи на самолетах У-2.

Подобная схема фактически распыляла силы ВВС фронта, размазывая половину боевых самолетов по армиям. Командование фронта не имело возможности осуществить массирование ВВС в своих руках на важнейшем направлении. В отражении удара противника или в наступлении могла принять участие авиация армии, в полосе которой происходили эти события, и авиация фронта. В это же время на более спокойных участках фронта подчиненная армиям авиация бездействовала или занималась решением малозначительных задач. От этого ушли только в мае 1942 г., когда были созданы воздушные армии. Они объединяли все авиационные дивизии фронта в одну организационную структуру и облегчали маневр авиацией и в наступлении, и в обороне. Командование фронта через штаб воздушной армии могло массировать усилия авиации на ключевом направлении. Это также улучшало качество управления авиацией. Отнюдь не все общевойсковые командующие были достаточно компетентны для правильной постановки задач ВВС. Армейская авиация в реальном 1941 г. далеко не всегда использовала свой потенциал именно по этой причине.

Развитие событий в воздухе над «первым ударом» в свете вышесказанного нетрудно спрогнозировать. Первый удар, скорее всего, будет достаточно результативным. Какое-то время советские летчики будут даже господствовать в воздухе. Однако вряд ли этот удачный дебют будет длиться бесконечно. Успешное наступление войск Красной Армии на том или ином направлении, словно магнит, будет притягивать к себе группы, и даже целые эскадры немецких истребителей. Действующие в

интересах наступающих механизированных и стрелковых корпусов советские бомбардировщики и штурмовики будут встречать плотные группы немецких истребителей. Собственно, будет повторяться сценарий атак на «механизированные колонны» лета 1941 г., только в несколько откорректированном виде. Ареной ожесточенных воздушных боев станут узловые пункты советского наступления.

Специфика организационной структуры ВВС КА сыграет здесь свою отрицательную роль. Авиация армий на направлении главного удара будет быстро перемолота в таких боях. Усилить ослабевшие армейские авиадивизии фронтовому командованию будет, строго говоря, нечем. Одновременно наступающие мехкорпуса подвергнутся ожесточенным бомбардировкам. Вообще говоря, я здесь даже не просчитываю некое гипотетическое развитие событий, а описываю в общем виде их реальный ход в некоторых советских операциях 1942—1943 гг. Точно так же, как массированные бомбардировки останавливали контрудары мехкорпусов в реальном 1941 г., а также 1942 г. и 1943 г., они будут останавливать наступление мехкорпусов «первого удара» в глубине немецкой обороны.

Если летом 1943 г. немецкая авиация остановила наступление 1-го танкового корпуса под Орлом, то что ей мешает останавливать мехкорпуса в «ударе первыми»? Заметим также, что в 1941 г. советские легкие танки были все же куда уязвимее к ударам с воздуха, чем летом 1943 г. Советские танковые командиры, участвовавшие в контрударе под Лепелем в июле 1941 г., едва ли не в один голос говорят о высоких потерях от авиации.

С тактической точки зрения ситуация будет практически одинаковой с контрударами реального 1941 г. Наступающий советский мехкорпус будет встречен наспех построенной обороной немецкого резерва где-то в глубине обороны. Сломать оборону этих резервов помешает авиация. Которая будет расчищать воздух от советских «мигов» и СБ, а также наносить удары по боевым порядкам мехкорпусов. Это будет повторение атак 6-го

мехкорпуса под Гродно 25 июня или 8-го мехкорпуса под Берестечко 26 июня 1941 г. В обоих этих случаях советские танковые части были принуждены к отходу мощными авиаударами.

Однако на этом сравнение сил сторон можно пока завершить. Общее соотношение сил на земле и в воздухе, безусловно, важно, но в начальный период войны на него накладывается своя специфика. Войны еще нет, стороны еще только разворачивают свои вооруженные силы на общей границе. В реальном 1941 г. мы были упреждены в мобилизации и развертывании. Рассматривая альтернативные варианты, нужно, прежде всего, определиться с тем, в каком положении окажется Германия и ее Вооруженные силы. Она вполне может оказаться упрежденной в развертывании. В этом случае соотношение сил в приграничном сражении может оказаться куда более выгодным для Красной Армии, чем рассчитанное выше, исходя из фактической численности и МП-41. Очень многое зависит от «градуса» упреждения, то есть от того, на каком этапе своего развертывания германская армия попадет под удар советских войск. Вышеприведенное соотношение сил — это количество войск, которое стороны могут выставить на общую границу в наилучшем для себя варианте. Другими словами, это численность войск на общей границе в случае, если и Вермахт, и Красная Армия успевают завершить развертывание. Такой вариант тоже нельзя исключать, хотя он представляется далеко не самым вероятным.

Наилучшим, с точки зрения соотношения сил, представляется вариант, когда Гитлер вовсе отказывается от проведения «Барбароссы» в 1941 г. Например, получив новые разведданные о численности советских вооруженных сил, количестве танков и самолетов в Красной Армии. Эти данные могли заставить пересмотреть наряд сил для проведения операции по выходу на линию Архангельск — Астрахань. Соответственно подписание Директивы № 21 в декабре 1940 г. могло не состояться.

Теоретически в этом случае к июню 1941 г. могла остаться неизменной группировка войск на границе с СССР по состоянию на начало года. Это, напомним, всего 26 дивизий. В этом случае Вермахт в «Генерал-губернаторстве» (оккупированной Польше) мог ждать действительно эпический разгром в стиле Висло-Одерской операции января 1945 г. Эти 26 были бы просто сметены советским ударом.

Однако сдвиг «Барбароссы» на 1942 г. ввиду осознания военной мощи Советского Союза, скорее всего, привел бы к наращиванию группировки на востоке в оборонительных целях. На 26 дивизий надеяться не приходится. Красную Армию встретила бы развитая система инженерных заграждений, севшие в плотную оборону 70—80 пехотных дивизий с двумя-тремя моторизованными корпусами во втором эшелоне. Учитывая проблемы с взаимодействием с инженерными частями, продемонстрированные Красной Армией в Финляндии, прогрызание такой обороны могло стать достаточно долгим делом. Это дало бы немцам время на переброску резервов из фатерлянда и с запада.

Наиболее вероятным представляется вариант, когда советский удар застанет германские войска на одном из завершающих этапов развертывания для «Барбароссы». Например, если советское руководство примет решение запустить процесс мобилизации и развертывания, а Вермахт будет задержан Балканской кампанией. В этом случае Красной Армии на западе будут противостоять от 70 до 90 немецких пехотных дивизий. Основные силы танковых групп, включенные, как известно, в последний эшелон для выдвижения к границе с СССР, будут еще в пути.

«ПЕРВЫЙ РАУНД. РАЗЯ ОГНЕМ, СВЕРКАЯ БЛЕСКОМ СТАЛИ...»

Итак, предположим, что в начале июня 1941 г. Вермахт оказывается упрежден в развертывании. Танковые группы находятся на ранних стадиях перевозки на вос-

ток. Подвижные резервы трех групп армий сравнительно немногочисленны, и основным противником перешедшей в наступление Красной Армии становится пехота. Германская разведка вряд ли останется слепой и глухой, особенно в последние дни советских приготовлений. Поэтому вряд ли советские дивизии встретят на границе пустые позиции. Подготовленные для «Барбароссы» соединения будут, скорее всего, в последние дни и часы подтянуты к границе и займут пограничные укрепления.

Однако пехотные соединения германской армии в 1941 г. были «крепким орешком». Это еще были девятибатальонные дивизии, то есть из девяти батальонов в трех пехотных полках. Переход на характерные для немцев во второй половине войны шестибатальонные пехотные дивизии (по два батальона в полку) наметился в 1942 г. и состоялся окончательно во второй половине 1943 г. Немецкая пехота июня 1941 г. была хорошо укомплектована, и взломать ее оборону было бы не так просто. Это, скорее всего, удастся Красной Армии лишь на направлениях, где имеется общее двойное-тройное численное превосходство над противником, с внушительным перевесом на направлении главного удара. Такое превосходство было у Красной Армии на Украине, на Юго-Западном фронте.

Целью перешедших в наступление войск Юго-Западного фронта были классические «канны» для немецких войск в Южной Польше. 5-я армия генерала Потапова из района Ковеля была на Люблин с востока. Ее эшелонам развития успеха были два мехкорпуса: 22-й Кондрусева и 9-й Рокоссовского. В них были в основном легкие танки, только во 2-м мехкорпусе был 31 неповоротливый КВ-2. 6-я армия генерала Музыченко перешла в наступление на Люблин с северного фаса львовского выступа. Ее танковый кулак был не в пример мощнее: 4-й и 15-й механизированные корпуса генералов Власова и Карпезо с сотнями новых танков. Первые потери они понесли уже при прорыве вражеской

обороны — танковые части пришлось вводить в бой, а не в чистый прорыв. Однако, вырвавшись на оперативный простор, мехкорпуса Власова и Карпезо уверенно продвигались вперед, к Люблину. Казалось, что до замыкания кольца окружения остаются считанные часы. Центр «канн» образовывала 20-я армия Курочкина. Поворот на Люблин открывал левый фланг двух советских мехкорпусов. Однако это было предусмотрено планом. С «макушки» львовского выступа через Перемышль на Тарнов и далее к Висле прорывались войска 26-й армии Костенко. Ее главной ударной силой был 8-й механизированный корпус генерала Рябышева. За ним шел 16-й мехкорпус комдива Соколова. Под их ударами немецкие части отходили дальше на запад, к Висле. Тем самым дальше на запад сдвигалась угроза флангам 4-го и 15-го мехкорпусов. Поначалу настроение в частях было приподнятое. Однако по мере продвижения к Люблину новые КВ и Т-34 все чаще оставались на обочинах дорог. Горели фрикционы, ломались коробки передач, выходили из строя двигатели. Также все чаще над колоннами грузовиков стали появляться самолеты с крестами на крыльях. Поначалу их атаки успешно отражали остроносые «миги» 15-й авиадивизии. Но самолетов с крестами становилось все больше, а краснозвездных истребителей — все меньше. «Юнкерсы» и «хейнкели» все чаще атаковали колонны с горючим и боеприпасами. Нередко немецкие бомбардировщики появлялись над полем боя, обрушивая град бомб на артиллерийские позиции и даже атакующие танки и пехоту.

Какие контрмеры можно будет ожидать от немецкого командования? История войны дает нам обширный материал для построения возможной стратегии и тактики Вермахта в гипотетическом оборонительном сражении лета 1941 г. Типовым приемом германской армии в такого рода операциях было стягивание на опасное направление крупных сил авиации. Более того, чаще всего именно авиация прибывала к полю сражения первой и наносила первые удары по наступающим советским

частям. Люфтваффе обладали достаточно гибкой структурой в лице воздушных флотов и авиакорпусов. Также немецкие командующие не стеснялись дробить даже такие структуры, как бомбардировочные и истребительные эскадры по группам (примерно по 40 самолетов). Одна группа могла защищать рейх в ПВО, другая действовать под Ленинградом, третья — под Курском.

Авиация Юго-Западного фронта в реальном июне 1941 г. насчитывала около 2 тыс. самолетов в 46 авиаполках. Истребительная авиация насчитывала 1166 боевых машин (159 МиГ-3, 64 Як-1, 450 И-16, 493 И-153). Как мы видим, истребителей новых типов было меньшинство, 20 % общей численности. Однако не следует думать, что в варианте «Красная Армия бьет первой» эта группировка будет неизменной. По «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. Жуков широким жестом отписал юго-западному направлению 91 полк авиации. Разумеется, нужно учитывать, что этот наряд сил включает в себя полосу Одесского округа, позднее отданную Южному фронту. Тем не менее в бой Юго-Западный фронт должен был пойти не с 46 полками авиации, а с несколько большим их количеством. Нарастить группировку авиации фронта предполагалось за счет авиации внутренних округов. Вместе с армиями внутренних округов в штатном варианте прибывала также их авиация. На 1 июня 1941 г. внутренние округа (АрхВО, МВО, ПриВО, ОрВО, ХВО, СКВО, УрВО и СибВО) насчитывали 1856 боевых самолетов, в том числе 1613 исправных. Новые истребители были только в Московском округе, 67 МиГ-3 и 69 Як-1. По понятным причинам новые машины шли в первую очередь на укомплектование приграничных округов. Так что заметной качественной прибавки парка истребителей ожидать не приходится, только количественной. Однако отмобилизованный и развернутый Юго-Западный фронт пойдет в бой не менее чем с 2500—2700 самолетами.

Однако группировка ВВС противника также не останется неизменной. В реальном июне 1941 г. Украина не была для немцев точкой приложения основных усилий.

Против ВВС Юго-Западного фронта действовала всего одна эскадра одномоторных истребителей — JG3 со 109 боеготовыми самолетами в трех группах на 21 июня 1941 г. Всего же в 4-м воздушном флоте в южном секторе советско-германского фронта было около 600 самолетов. Если же немцам придется реагировать на советский удар, то в Южную Польшу будут брошены куда большие силы. Скорее всего, на юг будет перенацелен VIII авиакорпус Вольфрама фон Рихтгоффена, в реальном 1941 г. действовавший в составе 2-го воздушного флота в Белоруссии. Помимо ударных «штук» в его составе также были одномоторные истребители в количестве трех групп (123 Vf109E/F). Наверняка этим дело не ограничится и на усиление 4-го воздушного флота будет направлено еще несколько групп «мессершмиттов».

Не будет большим преувеличением сказать, что германское командование уверенно соберет против авиации наступающего Юго-Западного фронта кулак из 1400—1600 самолетов всех типов (не считая авиации в Румынии). Соотношение сил 2500—2700 советских самолетов против 1400—1600 немецких отнюдь не обещает блистательных перспектив в воздушных боях для «сталинских соколов». В 4-м воздушном флоте будет около трех-четыре сотен Me-109, в основном Vf109F. Это очень много, особенно с учетом высокой интенсивности использования своих самолетов немцами, до шести боевых вылетов в день. Даже если предположить, что самолеты 4-го воздушного флота будут летать всего в два раза чаще, количество самолето-вылетов германской авиации будет больше, чем у ВВС Ю-ЗФ. Соответственно больше будет влияние на оперативную обстановку.

В истории войны достаточно примеров для аналогии. Например, в операции «Цитадель» на северном и южном фасах Курской дуги в июле 1943 г. немцами было задействовано 339 одномоторных истребителей. Они, как известно, создали серьезные проблемы трем советским воздушным армиям, и ни о каком завоевании господства в воздухе речи тогда не было. При этом в июле 1943 г. в ВВС КА уже не было такого серьезного техни-

ческого отставания, как в 1941 г. К тому же часть авиации Ю-3Ф в разгар боев останется мертвым грузом в авиадивизиях армий на вспомогательных направлениях. Так что кулака из трехсот-четырехсот немецких истребителей более чем достаточно для разгрома воздушного «зонтика» над мехкорпусами Юго-Западного фронта в Южной Польше.

Отрицательно скажется на обстановке в воздухе над вырвавшимися вперед механизированными корпусами необходимость продвигать аэродромное хозяйство вслед за ушедшими вперед войсками. С этим были серьезные проблемы даже в успешном 1945 г. Вырвавшиеся на излете Висло-Одерской операции вперед советские части говорили даже о господстве немцев в воздухе. И это конец января — начало февраля 1945 г. Впрочем, точно так же Люфтваффе не всегда поспевало за наступающими моторизованными корпусами. Одним словом, мехкорпуса ожидает град ударов с воздуха, замедляющий их продвижение вперед.

Разумеется, авиация станет не единственным аргументом германского верховного командования. Против успешно наступающего Юго-Западного фронта наверняка были бы развернуты моторизованные корпуса сразу двух танковых групп — 1-й ТГр Клейста и 2-й ТГр Гудериана. Это шесть моторизованных корпусов, около 1800 танков и САУ. Однако танки были не единственным средством борьбы в составе танковых групп. Помимо танков они могли похвастаться многочисленной моторизованной артиллерией, вплоть до самой тяжелой. Также они обладали весьма внушительной общей численностью — 160—180 тыс. человек каждая. Для сравнения: советские механизированные корпуса даже по штату насчитывали всего по 30 тыс. человек. Поэтому превосходство мехкорпусов в числе танков было, пожалуй, их единственным преимуществом.

Столкновение со свежими силами немцев произошло неожиданно. Разведывательная авиация Юго-Западного фронта состояла всего из двух разведывательных авиа-

полков. Они не могли эффективно освещать обстановку. Кроме того, в первые дни боев они понесли тяжелые потери от истребителей противника. Поэтому мехкорпуса двигались вперед почти вслепую. Вырвавшиеся вперед механизированные корпуса 5-й армии Потапова встретили упорное сопротивление. Они напоролась на немецкие танковые части. Танковый бой превратился в настоящее избиение Т-26 и БТ. Следующим ходом стал мощный контрудар во фланг. 1-я противотанковая бригада Москаленко сдержала первый удар «панцеров». На подбитых танках советские артиллеристы обнаружили белую литеру «G». Пленные сказали, что это означает «Гудериан» — так звали командующего их танковой группой. Вскоре на позиции противотанковой бригады обрушились пикирующие бомбардировщики. Они разбивали громоздкие зенитки, сжигали тягачи и автомашины. Противотанковая бригада дрогнула, и немецкие танки вышли к дороге, по которой осуществлялось снабжение мехкорпусов Кондрусева и Рокоссовского. Остаткам мехкорпусов пришлось отходить на восток.

Рокоссовский впоследствии написал в мемуарах:

«...на КП нашего корпуса прибыл пешком командир танковой дивизии 22 мк, насколько мне память не изменяет, генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита. Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглаговольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним»¹.

¹ Приведен с сокращениями фрагмент из настоящих мемуаров Рокоссовского.

План окружения главных сил немецкой 6-й армии ударами по сходящимся направлениям на Люблин начал рассыпаться.

Тем временем замедлилось продвижение на Люблин 6-й армии. Переброшенные по железной дороге немецкие пехотные дивизии заняли оборону на широком фронте и при поддержке авиации сдержали натиск советских мехкорпусов. Они были вынуждены остановиться ждать подхода стрелковых соединений. Однако повторного наступления на Люблин не состоялось. Авиационная разведка предупредила о сосредоточении крупных сил танков противника на флангах, но было уже поздно. Мощные удары в основание вбитого армией Музыченко в построение группы армий «Юг» клина быстро создали кризисную обстановку. Первой реакцией советского командования стало выдвигание к участкам прорыва противотанковых бригад. Но эта мера уже запоздала, оснащенные тягачами СТЗ-5 бригады просто не успели вовремя. Ясным летним днем немецкие танки с буквами «К» и «G» на броне встретились. Их встреча привела к отсечению и окружению обоих мехкорпусов и двух стрелковых корпусов 6-й армии. В окружении также оказался выехавший в передовые части член Военного совета Юго-Западного фронта Вашугин.

Командование Юго-Западного фронта было вынуждено принимать срочные контрмеры. Однако деблокирующие удары снятого с наступления на Тарнов 8-го мехкорпуса результата не дали. Более того, часть сил корпуса Рябышева сама попала в окружение. Снабжение по воздуху не могло обеспечить почти 100-тысячную группировку, оказавшуюся в «котле». В этих условиях пришлось давать окруженным войскам приказ на прорыв. Лидерами прорыва стали остатки двух механизированных корпусов. Им удалось ненадолго пробить коридор к своим, через который вышла часть окруженных соединений. Большую часть своей техники окруженные мехкорпуса были вынуждены уничтожить или просто бросить. Оказавшись под угрозой плена, комиссар Вашугин застрелился.

После ликвидации «котла» под Люблином две германские танковые группы перешли в наступление против ос-

татков 6-й армии, а также 26-й и 21-й армий. Ударом 1-й танковой группы в направлении Карпат был образован еще один «котел». Для деблокирования пришлось вводить в бой прибывшую из Забайкалья 16-ю армию и 5-й мехкорпус. Однако все попытки пробиться к окруженным частям были безуспешными. 5-й мехкорпус был пополнен Т-34 и КВ за счет свежего выпуска с заводов, но основную массу его техники составляли легкие танки. Все их атаки потерпели неудачу.

Отступление войск Юго-Западного фронта остановилось только на линии государственной границы. Не законченная постройкой линия Молотова дала опору отходящим войскам. Потрепанные дивизии стали полевым заполнением УРов. Несмотря на потери и окружение, плотность заполнения укреплений в полосе Юго-Западного фронта была достаточно высокой. Все атаки немцев на линию Молотова потерпели неудачу. Шаровые установки советских дотов легко выдерживали атаки с применением огнеметов. Установленные в дотах 76-мм казематные пушки Л-17 уверенно поражали немецкие танки. Однако возникший кризис был преодолен, и на фронте наступила оперативная пауза.

В то время как на фронте постепенно стихала канонада, постепенно сползая к вспыхивавшим то там, то здесь перестрелкам, загрели громы и засверкали молнии в штабах. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Кирпонос по требованию прибывшего на место погибшего Вашугина Мехлиса был отстранен от командования фронтом и арестован. Вскоре последовал суд, и генерал был расстрелян. Вместе с Кирпоносом был арестован и предан суду командующий 6-й армией Музыченко. С большим трудом Жукову удалось отстоять начальника штаба фронта Пуркаева. Новым командующим Юго-Западным фронтом стал маршал Тимошенко.

Таким образом, оценка Жукова относительно возможности повторения Харькова мая 1942 г. в увеличенном масштабе представляется достаточно обоснован-

ной. Скорее всего, без окружения выдвинутой вперед ударной группировки не обошлось бы. Отметим, кстати, очень тонкий намек, сделанный Жуковым в разговоре с Анфиловым. Он не стал использовать в качестве аналогии окружение главных сил Западного фронта в районе Белостока и Новогрудка. По количеству окруженных оно было вполне сопоставимо с окружением под Харьковом в мае 1942 г. Однако Жуков взял для сравнения именно Харьков, указывая не только на количественную оценку масштабов возможной катастрофы, но и направление, где она произойдет — Юго-Западный фронт.

ВТОРОЙ РАУНД. ТЕНЬ «БАРБАРОССЫ»

Острый вкус интриги в последующие события добавляет то, что оба противника выйдут из приграничного сражения недовольные сами собой. Более того, и для Красной Армии, и для Вермахта станет холодным душем сила сопротивления противника. «Колосс на глиняных ногах», как его представляли себе немцы, внезапно оказался способен на сильные и энергичные удары. По другую сторону фронта неожиданностью станет эффективность авиации противника и быстрое перемалывание мехкорпусов немецкой обороной и контрударами. Если умеренная эффективность пехоты Красной Армии уже стала очевидна советскому руководству в ходе финской кампании, то противодействие финских ВВС было слабым. Напротив, в столкновении с Германией советские ВВС и наземные войска подвергнутся ударам многочисленного и хорошо подготовленного противника.

Что же станет почвой для продолжения боев? С одной стороны, обе армии явно не добьются решительного результата, с другой стороны, у них еще останутся силы на продолжение борьбы в летней кампании 1941 г. Отмобилизованные армии сторон, вступившие в бой с соединениями в штатах военного времени, имеют высокий запас прочности. Это не 5—7-тыс. советские дивизии

лета 1943 г., быстро терявшие свои ударные возможности. То же самое можно, впрочем, сказать и о шестибатальонных дивизиях Вермахта. Вступив в Приграничное сражение в численности стрелковых дивизий около 14 тыс. человек, Красная Армия сохранит достаточный наступательный и оборонительный потенциал. Точно так же сохранят потенциал для обороны и наступления пехотные дивизии противника, вступившие в бой в численности около 16 тыс. человек. Поэтому отражением советского наступления летняя кампания 1941 г. в варианте «Красная Армия начинает первой» явно не закончится. При этом на стороне Красной Армии будет фронт с нормальными плотностями и дивизии в штатах военного времени. На стороне Вермахта же будет преимущество в выборе направления удара — на быстрое возобновление наступления после цепочки неудач рассчитывать явно не приходится.

В то время как Юго-Западный фронт прорывался к Люблину, его северный сосед пытался взломать оборону противника на варшавском направлении. Однако Западный фронт не преуспел на этом поприще. Взломать немецкую оборону на рубеже Буга севернее Бреста 4-й армии не удалось. Несколько захваченных плацдармов остались изолированными островками, пробиться с которых дальше на Запад не удалось. Гораздо успешнее для Красной армии развивались события на правом фланге Западного фронта. Совместными усилиями 3-й армии Западного фронта и 11-й армии Северо-Западного фронта удалось срезать Сувалкский выступ. Окружения крупных сил немцев не произошло, они своевременно оттянули свои войска из выступа. Однако на общем фоне невыполнения планов первой операции это было несомненным успехом.

Благодаря удаче под Сувалками генерал Павлов не был даже отстранен от командования фронтом. Один из триумфаторов Сувалок — командир 11-го мехкорпуса Мостовенко был назначен командующим конно-механизированной группой из 6-го механизированного и 6-го кавале-

рийского корпусов. Командующий 4-й армией Коробков был также отстранен от командования, и его место занял еще один герой сражения за Сувалки — ранее командовавший 3-й армией генерал Кузнецов. В целом, несмотря на скромные результаты наступления, Западный фронт оказался в более выгодном положении. Масштабных маневренных боев в его полосе не было. Поэтому после немецких контрударов сотни танков Западного фронта не остались навечно стоять в полях и на обочинах дорог «Генерал-губернаторства». Срезание Сувалкского выступа стоило больших потерь, но подбитые танки в итоге остались на контролируемой советскими войсками территории. Большинство подбитых машин, особенно новых типов, было благополучно эвакуировано с поля боя. Исключение составляли только выгоравшие дотла «бэтэшки». В ходе оперативной паузы Павловым были предприняты титанические усилия по восстановлению подбитых машин и по обучению экипажей правильному вождению и тактическому применению Т-34 и КВ. Через три недели его конно-механизированная группа практически полностью восстановила силы.

Однако восстановление сил и подготовка к новым боям происходили и по другую сторону фронта. Германское командование решило в несколько измененном виде повторить «Барбароссу». Однако ввиду неудач на юге от наступления на Украине было решено отказаться. Группа армий «Юг» перешла к жесткой обороне. В полосе Северо-Западного фронта были сосредоточены две танковые группы — 3-я и 4-я ТГр. 2-я танковая группа Гудериана была усилена XXXXVIII моторизованным корпусом из 1-й танковой группы Клейста и сосредоточилась к востоку от Варшавы. Немецкие подбитые танки остались на контролируемой Вермахтом территории, и их восстановление шло достаточно быстро.

Перегруппировка коснулась также воздушных сил. Из 4-го воздушного флота во 2-й воздушный флот были переданы авиасоединения, действовавшие на Юго-Западном фронте. Теперь почти 1500 немецких самолетов были собраны против Западного фронта. Одновременно немцами

была реанимирована идея удара по аэродромам, заложенная в «Барбароссу». Данные высотных разведчиков «команды Ровеля» были существенно уточнены и дополнены в ходе Приграничного сражения. Система базирования авиации Западного фронта была в целом вскрыта. Скрытности первого удара способствовало выдвигание аэродромов вперед, ближе к границе. Это было сделано командующим ВВС ЗФ Коцом на основе опыта Испании. В Приграничном сражении аэродромы Западного фронта авиударам практически не подвергались. Главные силы Люфтваффе были задействованы против Юго-Западного фронта и советских войск на поле боя.

Как ни странно, но советскому командованию показали уголок нового плана. В атаках против плацдармов на Буге были задействованы пикировщики и танки с белыми буквами «G» на броне. Удар по плацдарму севернее Бреста был сильным и неожиданным. Быстрый прорыв немецких танков вслед за шквалом бомб «штук» к переправам заставил спешно эвакуировать плацдарм. Однако до отхода советские части успели не только зафиксировать характерные опознавательные знаки танков противника, но и солдатские книжки вражеских танкистов и пехотинцев. Это подтвердило принадлежность введенных в бой частей к тем же дивизиям, что фиксировались ранее в полосе Юго-Западного фронта. Павлов доказывал, что появление танковых соединений, ранее действовавших против соседнего фронта, однозначно свидетельствует в пользу версии о смене планов противника. Однако Ставка ВГК продолжала считать, что Украина станет главной целью следующего наступления противника. Поэтому усиливались в первую очередь потрепанные дивизии фронта Тимошенко. Выпады против плацдармов на Западном фронте были сочтены отвлекающим маневром.

На аэродромы в Белостокском выступе обрушился конвейер ударов немецкой авиации. ВВС Западного фронта оказались не готовы к такому развитию событий. ПВО аэродромов была слабой, самолеты располагались скученно. Все это привело к большим потерям на аэродромах. Люфтваффе в Белоруссии завоевало если не господство,

то осязаемое преимущество в воздухе. Мощные удары по войскам Северо-Западного фронта также стали неприятной неожиданностью. Две танковые группы сравнительно быстро пробились через оборону 8-й и 11-й армий и устремились к Западной Двине и Минску. В районе Бреста на укрепления «линии Молотова» обрушилась авиация и тяжелая артиллерия. Буг был преодолен танками подводного хода. Под шквалом ударов оборона потрепанной неудачными наступательными боями 4-й армии дрогнула. Тем не менее командарм Кузнецов твердо держал управление войсками в своих руках.

Командующий фронтом Павлов, помня об атаках на плацдармы в районе Бреста, развернул на это направление конно-механизированную группу Мостовенко. Она достаточно успешно сдерживала наступление 2-й танковой группы вдоль шоссе Брест—Минск. Однако глубокий обход войск Западного фронта с севера и уверенное продвижение танков противника к Минску вынуждали думать об отходе. Павлов несколько раз настойчиво требовал разрешить его войскам отход на старую советско-польскую границу. Москва такой отход не разрешала, приказывая держаться любой ценой.

Но не следует думать, что Ставка полностью игнорировала угрозу Белоруссии. С Украины началась перевозка находившихся в резерве армий. Однако промедление с приказом на отход вскоре привело к трагедии. Не добившись успеха в продвижении вдоль Минского шоссе, Гудериан развернул один из своих корпусов от Слонима на север, в междуречье рек Щара и Зельвянка в направлении на Лиду. Это быстро привело к перехвату коммуникаций советских частей, находившихся в Белостокском выступе. Павлов немедленно дал приказ на отход. Войскам 13-й и 10-й армий пришлось пробиваться на восток вдоль Немана. Отходящие колонны подвергались непрерывным ударам с воздуха. Отходящие части понесли тяжелые потери, обочины дорог были густо усеяны брошенной и сожженной техникой.

Стремительное развитие событий в Белоруссии заставило Ставку вместо приказов «немедленно восстано-

вить положение» — отдать приказ на отвод войск к старой границе. Отошедшие из Белостока остатки 13-й и 10-й армий заняли позиции на Минском УРе. 4-я армия отошла через Барановичи к Слуцкому УРу. Ее отход успешно прикрывала конно-механизированная группа Мостовенко. Армии Западного фронта были усилены за счет переброшенных с Юго-Западного фронта соединений. Немецкие танковые дивизии понесли чувствительные потери. На фронте вновь наступила пауза. Ставкой ВГК были отданы первые приказы на формирование новых соединений вразрез с довоенным мобилизационным планом.

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Анализ возможных сценариев развития событий неизбежно заставляет задуматься о выборе оптимального варианта. Нельзя сказать, что различные «летние» варианты, то есть альтернативы, привязанные к маю—июню—июлю 1941 г., внушают оптимизм. Нет, они, конечно, не так плохи, но все равно остается червячок сомнения: «А можно ли добиться лучшего результата?» Если сформулировать искомый ответ в общем виде, то он будет звучать примерно так: лучший для нас вариант — это максимально возможное упреждение Германии в развертывании. Этот тезис быстро приводит нас к зиме 1940/41 г., когда на границе с СССР у Германии было всего 26 дивизий. А почему нет? Красная Армия в ходе войны традиционно действовала зимой лучше, чем летом. Крупные успехи, такие как контрнаступления под Москвой и Сталинградом, Корсунь-Шевченковский «котел» и Висло-Одерская операция, проводились в зимнее время.

Представим себе, какова могла быть цепочка решений, приводящих к этому варианту. Итак, Сталин летом 1940 г., после разгрома Франции и эвакуации английского экспедиционного корпуса из Дюнкерка, принимает решение атаковать Германию первым в ближайшее время, то есть зимой 1940/41 г. Советский военный план, то есть так называемые «Соображения об

основах стратегического развертывания», к реальному сентябрю 1940 г. уже существовал. Он уже был подготовлен Б. М. Шапошниковым применительно к новому профилю границы. Этот план был вполне пригоден для ввода в действие для решения политической задачи удара по Германии.

Допустим, решение напасть принято. Последним прощупыванием политической обстановки становится поездка Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Молотов, как известно, вернулся ни с чем. После этого начинается обратный отсчет до начала советского наступления, назначенного на январь 1941 г. Наиболее сложной задачей является от мобилизация войск. Задача в какой-то мере облегчается тем, что летом 1940 г. Красная Армия достигает одного из максимумов своей численности на отрезке времени 1939—1941 гг. На 1 июня РККА насчитывала 4 млн человек. Если не проводить демобилизацию после советизации Прибалтики и Бессарабии и Буковины, то можно сохранить некий резерв для проведения мобилизации.

Проведения общей мобилизации с доведением численности Красной Армии до 8,6 млн человек в случае проведения операции только против Германии, по большому счету, не требуется. Вполне достаточно от мобилизации западных округов: АрхВО, ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, МВО, ОрВО, ХВО, СКВО, ПриВО, УрВО. Их численность будет составлять 6 503 223 человека при общей численности РККА около 8 млн человек. Этого будет вполне достаточно для первого удара, а с началом боевых действий можно будет уже открыто объявлять мобилизацию. Проведение мобилизации до первых выстрелов возможно будет только в скрытом виде, без ее открытого объявления. Частично она может быть прикрыта учебными сборами, проводящимися под лозунгом усвоения опыта, полученного в финской войне.

Одним из важных преимуществ «зимнего» варианта является снижение эффекта от воздействия Люфтваффе. Реальной зимой 1944/45 г. плохая погода сущест-

венно сдерживала активность советской авиации. Поэтому наступление в Восточной Пруссии было не таким успешным, как «Багратион» — разгрома отходящих немецких колонн с воздуха не произошло. В тех реалиях, с которыми бы пришлось столкнуться Красной Армии в 1941 г., нелетная погода была бы скорее союзником, нежели противником. Она бы уменьшила эффект от ударов с воздуха по наступающим советским войскам, а также снизила бы темпы выбивания СБ и ДБ-3 в воздушных боях.

Еще одним важным преимуществом наступления в январе—феврале 1941 г. представляется более сбалансированная структура советских танковых войск. Реорганизация с формированием 30(29) механизированных корпусов началась весной 1941 г. До этого существовали девять мехкорпусов и отдельные танковые бригады, которые могли использоваться для непосредственной поддержки пехоты. Такая структура была более жизнеспособной и в отсутствие упреждения в мобилизации и развертывании обеспечила бы лучшую выживаемость танков на поле боя. Практически все Т-26 действовали бы в боевых порядках пехоты, увеличивая ее пробивную силу. Соответственно, по крайней мере восемь механизированных корпусов были бы уже в мирное время достаточно хорошо укомплектованы для действий в качестве самостоятельных соединений.

Здесь самое время задать сакраментальный вопрос: «А как же Т-34 и КВ?» Действительно, к началу 1941 г. их было немного, причем это были машины ранних серий, пораженные «детскими болезнями». Погоды бы они действительно не сделали. Ситуация реального июня 1941 г. была принципиально лучше: новых танков было уже довольно много для влияния на ход боевых действий. Отказываться от такого козыря действительно сложно. Тем не менее у зимнего варианта вполне достаточно достоинств, чтобы ради них пожертвовать полутора тысячами новых танков.

Серьезным преимуществом зимнего наступления является возможность реализации так называемого «се-

верного» варианта стратегического развертывания. Он, напомним, предусматривал сосредоточение основных сил к северу от Бреста и Припятских болот. Авторы советских «Соображений...» справедливо указывали: «Разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и прежде всего политическое значение для Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией». Действительно, Восточная Пруссия была осиным гнездом, из которого в реальном 1941 г. наступали две танковые группы, добившиеся наибольших успехов. Поэтому изоляция Восточной Пруссии быстрым ударом действительно серьезно меняла обстановку на советско-германском фронте. Кроме того, «северный» вариант был более быстрым, для него быстрее собиралась группировка войск ввиду лучшего развития дорожной сети на западном направлении.

В этом случае возможно повторение (в некоторой степени) Висло-Одерской и Восточно-Прусской операций 1945 г. После первой схватки наступило бы традиционное затишье на период весенней распутицы. Следующая проба сил последовала бы в начале лета. Тогда бы и понадобились полторы тысячи КВ и Т-34.

В заключение хочется сказать, что вариант «мы в 1941 г. мобилизуемся, развертываемся и бьем первыми» представляется куда более выигрышным, нежели реальное лето 1941 г. Хорошо известные сегодня и даже очевидные недостатки Красной Армии, разумеется, оказывали бы свое влияние на ход боевых действий. Однако в условиях нормальных плотностей построения войск (близких к уставным) и своевременного отмотелизования армии ситуация выглядит гораздо лучше реального лета 1941 г. Громких успехов от Красной Армии ожидать не приходится, однако была бы сохранена территория, спасена от эвакуации промышленность, да и потери были бы заметно меньше.

ЕСЛИ БЫ СТАЛИН НАПАЛ ПЕРВЫМ...

— Виктор, как, на ваш взгляд, могла сложиться ситуация в Европе, если бы Сталину удалось первым ударить по Германии летом 1941 г.?

— **О**твет достаточно простой. Смотрите, Гитлер напал — и для него сложилась самая благоприятная ситуация, которую только можно себе представить. Красная Армия бежит, люди воевать не хотят... И вот эта благоприятнейшая ситуация все-таки закончилась самоубийством Гитлера и поражением Германии. Давайте зададим себе вопрос, что было бы, если бы ситуация для Гитлера была менее благоприятной.

Для Сталина в 1941 г. сложилась самая катастрофическая ситуация из всех возможных. И тем не менее, потеряв 85% военной промышленности, потеряв кадровую армию, Сталин все равно закончил войну в Берлине, Кёнигсберге, Вене, Праге, Бухаресте, Будапеште, Порт-Артуре, Пекине и т.д. Вот ответ на этот вопрос. Считаю, что мои критики, утверждающие, что если бы Сталин вступил в войну первым в 1941 г., то до Берлина он не дошел бы, неправы. Я этой логики не понимаю. Если бы Сталин не дошел до Берлина, то сейчас мы могли бы спорить, мог бы он дойти или не мог... Но он дошел. Какой смысл при этом — доказывать, что хотя он до Берлина дошел, но дойти бы не смог, если бы не потерпел поражение в 1941 г.? То есть он дошел. И разгромил, но, вообще-то, дойти и разгромить не мог...

Что было бы, если бы он напал первым? На этот счет есть свидетельства немцев. Например, летчик Рудель, совершивший в мировой истории больше всех боевых

вылетов, свидетельствует о том, что после немецкого удара все дороги, ведущие к границе, в три-четыре ряда были забиты танками, стоявшими бок о бок и готовыми к нападению на Германию.

Именно готовность к нападению оборачивалась неготовностью к обороне. Вот стоит на дороге советский мехкорпус. Что такое мехкорпус? Это тысяча танков, тысяча мотоциклов и 5—6 тыс. автомобилей. Это 50 тыс. человек. Боеприпасы, по три боекомплекта, цистерны с бензином.... Все собрано огромной кучей. Попасть туда бомбой очень легко, даже не надо целиться.

Как рассказывает Рудель, первый вылет в четыре утра. Взлетели, отбомбились — очень легко бомбить, потому что цели неподвижные, колонны впритык стоят вдоль дорог. Возвращаются, пока самолеты заправляют и вешают на них новые бомбы, летчики валяются на траву, спят. Потом взлетают, бомбят, возвращаются, взлетают, бомбят... Последний вылет в 10 вечера, в три утра подъем и снова вылеты.

И вот этот человек пишет, что если бы советские войска, которые они бомбили, двинулись, если бы перешли границу, то остановить их было бы невозможно.

То же самое говорит генерал-полковник Гальдер, начальник штаба германских сухопутных войск. Буквально теми же словами, независимо от Руделя. В секретном дневнике, к публикации не предназначенном, он пишет, что если бы Красная Армия ударила первой, немецкая армия удержать бы это наступление не смогла. Это запись от июня 1941 г.

В апреле 1942 г. Гитлер говорил приблизительно то же самое. Если бы мы проморгали наступление Красной Армии, то остановить ее мы бы не смогли. Как видите, диапазон мнений — от простого летчика до Гитлера.

Так вот, что было бы, если бы Красная Армия напала первой?

Дело в том, что германские войска, как и советские, были собраны мощными группировками. Склады нахо-

дились у границ. Тысячи тонн боеприпасов, уложенных на автомашины, стояли у самой границы и ждали приказа ее перейти, так же как цистерны с топливом и колоссальные массы войск.

У Сталина было два стратегических эшелона, 17 армий в первом эшелоне и семь — во втором. Оба тайно выдвигались к границам.

Гитлер, неожиданно напав, разгромил первый стратегический эшелон, но за ним внезапно появился второй, о существовании которого германская разведка не знала.

Немцы разгромили и второй стратегический эшелон, но за то время, пока погибали первый и второй эшелоны, Сталин успел сформировать третий стратегический эшелон и провести мобилизацию. А в Германии стратегический эшелон был один. И мобилизация была проведена. Все, кого можно было мобилизовать, уже находились у границ. Это идеальная ситуация для нападения, но крайне невыгодная для обороны.

Танковый корпус наносит удар, прорывается на 20 километров вперед, там противника уже нет. Поворачивай влево, вправо, встречайся с таким же корпусом, который наносит удар на соседнем направлении — и будет тебе сталинградское окружение где-нибудь в районе Белостока.

Далее. Советский план был гораздо лучше, чем германский. Германия была гораздо уязвимее, чем Советский Союз. У Сталина необъятная территория, которую даже теоретически захватить невозможно. Если режим выживает, он отходит за Волгу. Там, в Жигулях, Куйбышеве, уже были готовы командные пункты. У Гитлера даже не было плана переходить Волгу. План «Барбаросса» предусматривал выход на линию Архангельск — Астрахань, линию А-А.

А за Волгой — хлебные районы. За Волгой у Сталина уральские заводы. И Уралмаш, и артиллерийская Мотовилиха...

— Гитлер планировал отогнать Сталина за Урал и все?

— Нет, отогнать за Урал он даже не планировал. Он планировал выйти на Волгу. Немцы и к Москве-то вышли на последнем дыхании. И это в условиях, когда Красная Армия не желала воевать...

— **Красная Армия была разбита и потому не желала воевать?**

— Если бы Сталин первым нанес удар, то все были бы за Сталина. Красная Армия вступает на вражескую территорию, тут и часы можно снять, и велосипед угнать, и в пивную завалиться... Красная Армия воевала бы за товарища Сталина очень и очень успешно. А как только товарищ Сталин попал в неприятную ситуацию, начался развал. И все посыпалось. Впрочем, и в этой ситуации Сталин завершил войну в Берлине.

Так вот, Гитлер изначально находился в гораздо более уязвимой ситуации, чем Сталин. Например, он был зависим от древесины Финляндии и Швеции. В Германии добывалось много угля, но проходка шахт в то время была невозможна без древесины, из которой изготовлялись крепления шахт.

Воевать без никеля невозможно. Никель поступал из Финляндии. Воевать без железной руды — невозможно. Руда поступала из Швеции. Снабжение всем этим стратегическим сырьем находилось под угрозой советского Балтийского флота. В Балтике у Гитлера флота большого не было, а у Сталина был колоссальный флот — два линкора, крейсера, авиация, куча подводных лодок...

Сталин наносит первый удар, Германия теряет снабжение никелем, древесиной и железной рудой, после чего война продолжается очень и очень недолго.

Когда немцы напали, они просто выставили минные заграждения в Балтийском море, и Балтийский флот оказался заперт.

Теперь самое главное — Германия сильно зависела от румынской нефти. А до Плоешти от советских пози-

ций — 180 километров. Никто эти месторождения не защищал. То есть удар Красной Армии в Румынию был бы для Гитлера смертельным.

Получается, что Сталину, собственно, даже не надо драться со всей германской армией, достаточно ударов по флангам.

И вот ситуация — ваши самолеты не могут летать, ваши подводные лодки остаются на базах, крейсера — там же, танки остановились... Без нефти воевать нельзя.

Идем дальше. С юга на север текут две реки — Висла и Одер.

А в предгорьях Карпат, в районе Львова была сосредоточена мощная группировка советских войск, самая мощная в истории человечества. И если наносить оттуда удар на запад с последующим поворотом на север, то возникает вот такая ситуация. С юга мы защищены горами Чехословакии. С правого фланга мы защищены Вислой, с левого фланга — Одером. В этом коридоре между Вислой и Одером никого нет. И Красная Армия, ее лучшие части наступают к Балтийскому морю. А вся германская армия находится восточнее Вислы, между советской границей и Вислой. Если бы советской группировке удалось нанести удар, то германской армии для отражения этого удара пришлось бы развернуться назад и форсировать Вислу у себя в тылу. Германии эта ситуация не сулила ничего хорошего.

У Сталина же, номер один — совершенно колоссальная территория, номер два — необъятные ресурсы. И номер три (может быть, самое главное) — Сталин уже заключил тайный союз с Америкой. А Британия и так постоянно уговаривала, уламывала Сталина напасть на Германию, даже грозила и шантажировала его. Сталин заранее окружил себя стратегическими партнерами, которым было очень невыгодно поражение Советского Союза и которым было очень выгодно поражение Германии. На стороне Сталина были Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия... и если хотите, весь мир. Все ресурсы мира.

Кроме того, на стороне Сталина находилась вся оккупированная немцами Европа — Франция, Бельгия, Голландия, Польша, Чехия, Словакия, Греция, Норвегия и так далее, и так далее. То есть Гитлер находился в ситуации, в которой выиграть было, мягко говоря, проблематично.

— Как мог выглядеть стратегический план Сталина? Ведь его цель была не Германия как таковая, цель была — Европа...

— Да, конечно. В своей последней книге я привожу мнение американского адмирала Ричардсона о том, что если Советский Союз нанесет удар первым, то через пару месяцев он будет на Гибралтаре. А если Гитлер нанесет первым, то он завязнет на просторах России и Сталину потребуется очень много времени, чтобы его оттуда выбить. Это совершенно невероятное предсказание мая 1941 г. Как в воду смотрел.

— Понятно, почему архивы Генштаба еще более секретны, чем архивы КГБ. Там должны лежать варианты именно этого плана, плана-максимум. Как можно себе представить конечные цели внешней политики Сталина конца 1930-х гг.?

— Конечные цели ни для кого не являются секретом. Вот передо мной монета 1991 года. На одной стороне написано «СССР» и «20 копеек». А на другой стороне — земной шар, на который наложен серп и молот. Вот вам конечная цель, которая не изменялась никогда.

Конкретно это могло выглядеть так. Наносим мы удар и Германию подминаем под себя. Германия становится коммунистической. Коммунистическая Германия была бы страшнее Германии нацистской.

Вспомним январь 1933 г. Победил Гитлер. И немедленно количество штурмовиков на улицах возросло в 10 раз. Все надели коричневые рубахи. Если бы победили коммунисты, то возросло бы число коммунистов.

Меня однажды пригласили в штаб ШТази в Берлине.

Я там целый день провел. Посмотрел на то, как работала берлинская госбезопасность, и ужаснулся. Дело в том, что работали они более эффективно, чем советские карательные органы. Немецкий порядок страшнее нашего разгильдяйства. Потому что даже в наших лагерях это разгильдяйство помогало человеку выжить. У немцев его не было.

Так вот, Германской Демократической Республикой стала бы тогда вся Германия. Со страшной госбезопасностью, очень мощной военной промышленностью и очень мощной армией. Тогда бы к нам потянулись и все остальные. Плюс на минус меняется мгновенно. Помните, как в фашистской Венгрии после войны образовался жесткий тоталитарный советский строй, с сильной армией и жутким карательным аппаратом?

Германия, Венгрия и советская армия с НКВД вполне могли бы быть той силой, которая удержала бы и остальные восточноевропейские страны, ту же Чехословакию.

А тут у нас еще и югославские коммунистические партизаны. Югославия быстро стала бы мощной коммунистической державой. Итальянские коммунисты нам бы помогли, французские, и так далее.

Европа очень быстро превратилась бы в тоталитарный материк. Это очень хорошо почувствовал Джордж Оруэлл, который в гениальном романе «1984» описал наше будущее. Те нации, которые этой болезнью не переболели, считают, что у них есть иммунитет. Но иммунитета нет ни у кого.

Та же Франция во времена якобинцев была жутким тоталитарным государством. И если бы Красная Армия туда пришла и снова занесла вирус тоталитаризма, то никто бы ему противостоять не смог.

В Париже на здании гестапо висела бронзовая табличка о том, что доносы не принимаются. Когда немцы пришли туда, французы завалили их доносами. Где-то какие-то партизаны были, но Франция жила мирной жизнью. Такой бы она была и при Советах.

В Испании половина страны воевала за тоталита-

ризм в 1936—1938 гг. Если бы туда пришла Красная Армия, то все недобитые коммунисты тут же вышли бы из подполья и надели бы красные галстуки.

— Это картина захваченной Европы. А как бы развивалась стратегическая ситуация в те два месяца, которые понадобились бы Сталину, чтобы дойти до Гибралтара?

— В случае нападения Красной Армии германская армия оказывается парализованной, без нефти. И она зажата между советской границей и рекой Вислой. А Красная Армия идет победным маршем, и никто ее остановить не может. «Даешь Варшаву, даешь Берлин, уж врезались мы в Крым...»

Тысячи танков врываются на германские автобаны, вытягиваются в невероятной длины колонны, и эти колонны, никем не останавливаемые, идут вперед. Так произошло в январе 1945 г.

Мне танковую тактику преподавал подполковник Одинокоев. Он рассказывал, как вырвалась Первая гвардейская танковая армия на автобаны и поперла вперед. И никто ее остановить не мог. В 1945 г. был хотя бы фольксштурм из пацанов и стариков, а в 1941 г. никакого фольксштурма не было.

Далее. Вперед выбрасываются воздушно-десантные корпуса, которые захватывают мосты через Рейн, и Красная Армия переправляется туда. Где-то какие-то стычки, какое-то сопротивление, но это выглядело бы примерно так, как «освободительный поход» Красной Армии в Польшу в 1939 г. Что-то не стыкуется, где-то стоят без горючего, где-то наших разгромили, но общее поступательное движение остановить было бы невозможно.

— Как должна была выглядеть последовательность захвата Европы?

— Наносится удар из района Львова на запад, в направлении Кракова, а потом поворот на север, в междуречье Одера и Вислы. Затем мехкорпуса разворачивают-

ся на восток и становятся обороной на восток на берегу Вислы. Немецкую армию бьют со всех сторон и загоняют в мешки. Через пару месяцев остатки берут в плен.

Одновременно наносится удар в Румынию, захватываются нефтяные месторождения. Далее поворот на северо-запад в направлении к Венгрии, вдоль Дуная, к Вене... Распространяется наступление в Болгарию, которая встретила бы Красную Армию с развернутыми знаменами, как это произошло в сентябре 1944 г.

Далее последовал бы ввод в действие второго стратегического эшелона, укомплектованного голодными зэками, готовыми грабить кого угодно. Они движутся вперед. За ними третий стратегический эшелон, три армии НКВД.

Возникали бы восстания, их бы давили, но думаю, что к декабрю 1941 г. континентальную Европу как-нибудь замирили бы.

— **Включая Испанию?**

— Может быть, да, может быть, нет. Все-таки Пиренеи надо переходить...

— **Немного отыграем назад. Значит, взяли Берлин.**

— Дальше прямой бросок на Францию, и Франция встречает цветами. Дальше — бросок к Ла-Маншу.

— **Дальше удар на север, в Скандинавию?**

— Я думаю, что кампания 1941 г.: — это Германия, Франция и Восточная Европа. Этого бы на 1941 г. хватило. Дальше товарищу Сталину следовало бы остановиться и отдышаться. Ну а потом, скорее всего, в Испании, подняли бы восстание коммунисты, в Италии — тоже. И так далее.

— **А Скандинавия?**

— Разгром Финляндии был возможен уже в 1941 г. Линия Маннергейма была прорвана в 1940 г., но Сталин остановился. Как если бы бандиты прокопали под-

земный ход под банк и остановились, ждут воскресенья, когда служащие по домам разойдутся. Финляндия была уже разоружена с точки зрения обороны, и в любой момент можно было продолжать наступление. При благоприятных обстоятельствах наступление развивалось бы дальше, при неблагоприятных можно было бы и остановиться, передохнуть.

Потом можно было бы формировать немецкие экспедиционные части и отправлять их воевать в Норвегию, Швецию и так далее. Как кубинцев отправляли воевать в Анголу.

— Было еще одно стратегическое направление, которое активно обсуждалось перед немецким нападением — Турция, проливы.

— Да, конечно. Со стратегической точки зрения, наносить удар растопыренными пальцами очень нехорошо. Но мы видим, как в августе 1941 г. Сталин вместе с англичанами оккупировал Иран. Никто ему слова не сказал, никто не сопротивлялся. Турция стала бы такой же жертвой Великобритании и Советского Союза, разделили бы ее пополам.

Когда Сталин прилетел в 1943 г. на конференцию в Тегеран, кто-то из молотовской команды обратился к иранскому шаху для того, чтобы организовать встречу со Сталиным. Сталин дал этому товарищу по шапке и сам обратился к шаху примерно с таким вопросом: «Когда бы Ваше величество смогло бы меня принять?» Хитрый был, как змей. У Сталина не только кнуты были, были и пряники. И с Турцией тоже могло получиться нечто подобное. Оккупируем Турцию, но уважаем все ваши традиции, и кто у вас тут главный, и можно ли его посетить, поклониться шкурой медведя и бочкой меда...

— Дальше возникает патовая ситуация, когда Сталин выходит к Ла-Маншу.

— Я не думаю, чтобы он туда полез. Следовало сделать очень мощную передышку и переварить Европу.

Этот питон заглотил слишком большого кабана. После этого можно было разбираться с Великобританией.

Вот что еще можно было делать — это освобождать Африку и все колониальные народы. Это стало бы мощным подспорьем в смысле сырья. Там бы возникли какие-нибудь узбекистанские режимы со своими царьками, с серпами и молотками на красных знаменах. Тут проблем не было бы вообще никаких — это же были колонии.

Но остается Америка. С одной стороны, США были очень сильно заражены коммунизмом. Товарищ Маккарти не зря очень сильно чистил Америку от левых.

Изоляционизм был тоже очень силен. У нас с одной стороны океан, с другой стороны океан — и гори все ясным пламенем.

Товарищ Сталин тоже думал об Америке и очень много. Ее следовало разложить изнутри. С американской экономикой Сталин справиться не смог бы. У Оруэлла описана ситуация с тремя суперконтинентами, которые между собой бесконечно воюют. Вот это патовая ситуация.

— Но ведь американцы все равно сделали бы атомную бомбу к тому же 1945 г., ни раньше и ни позже. И дальше пришлось бы Сталина выкуривать из Европы уже с ее помощью. Тем более Англия продолжала бы сопротивляться.

— В Англии вполне могли бы победить какие-нибудь левые силы и склонить голову перед товарищем Сталиным. Сказали бы, что вот, великий Советский Союз разгромил Гитлера, а мы воюем против Советского Союза, нехорошо... Тем более, если бы Сталин начал туда возить бананы из Африки. Без кофе и бананов Британия жить не может.

— Получается, что тот вариант истории, который разыгрался, был все-таки лучшим? Иначе жертв было бы неизмеримо больше?

— Да, конечно. Я высказываю крамольную мысль —

Гитлер все-таки своим нападением спас Европу. Советский коммунизм был гораздо более опасен, гораздо более привлекателен, чем нацизм, оттого что он интернационален. Он вбирал в себя всю пакость любой страны. Есть, скажем, несгибаемая Финляндия, а в ней — мерзавец Куусинен. Сталинский назначенец. Он набрал бы себе столько палачей, сколько нужно. Любые страны выделили бы достаточно палачей, и служили бы они Сталину верой и правдой.

Гитлер был национален, поэтому его режим не мог быть привлекателен для окружающих. Сталин был интернационален, поэтому побеждал идеологически, побеждал пропагандой.

Вспомните, эмблемой СС были черепа. Это ж каким дураком надо быть, чтоб такое придумать! А у НКВД — колосочки. И солнце восходящее на рукаве.

— Парадокс в том, что к началу мировой войны на счету у нацистов не было и тысячной доли тех преступлений, которые были на счету у Сталина и советского коммунизма. Нацистская пропаганда находилась в идеальном положении, она ничего про СССР не должна была придумывать, хватало правды. И все равно нацисты проиграли. А Сталин, несмотря на свою чудовищную репутацию, пропагандистскую войну выиграл.

— Да, и до сих продолжает выигрывать. И через 70 лет он живет и процветает.

МАЛОЙ КРОВЬЮ, МОГУЧИМ УДАРОМ

История, как известно, это «публичная девка мирового империализма». А стало быть, нет ничего удивительного в том, что исторические факты сплошь и рядом подвергались, подвергаются и будут подвергаться сомнению. В этом, собственно, нет ничего предосудительного — в конце концов, человеку свойственно сомневаться. Ни в чем не сомневающиеся люди, как правило, глупы от природы. Однако у любого сомнения есть предел, после которого начинается банальное искажение исторических фактов, а попросту — переписывание истории. Последнее занятие всегда было очень популярным, но своего расцвета достигло в последние два десятилетия и за рубежом, и у нас в стране. Новый импульс этому процессу дали развал социалистического лагеря и Советского Союза. Процесс национальной самоидентификации, захвативший вновь образованные на территории последнего государства, довел отдельных политических деятелей до состояния душевнобольных. С их точки зрения, чем абсурднее трактовка того или иного события, тем лучше. В полной мере это относится и к истории Второй мировой войны.

Последняя новация в этом плане — обвинения в развязывании мирового конфликта, выдвинутые «братьями»-поляками в адрес СССР. Вот так, ни больше ни меньше. Скоро договорятся до того, что и Мюнхенский пакт подписывался под контролем Советского Союза. Ну как же, ведь и Чемберлен и Даладье, да и сам Гитлер были штатными сотрудниками НКВД! Причем, как водится, громче всех кричат «держи вора» те, у кого рыльце в пуху. Роль той же Польши в разделе Чехословакии общеизвестна. Что же тогда возмущаться, что спустя

год поделили уже саму Польшу! Впрочем, речь не об этом.

В рамках процесса переписывания истории довольно популярной является версия о якобы превентивном немецком ударе по Советскому Союзу. Суть идеи заключается в том, что Сталин вот-вот собирался напасть, а Гитлер его просто упредил. Раскрутка этого «проекта» началась давно — в первый же день Великой Отечественной войны. Так, в заявлении, переданном советскому правительству германским послом Ф. Шуленбургом через полтора часа после начала немецкого вторжения, утверждалось, что немецкая сторона была вынуждена встать на путь превентивной войны против СССР, поскольку он якобы не выполнял своих обязательств по советско-германскому договору и готовился к нападению на Германию. В том же духе был составлен и меморандум, врученный Риббентропом 22 июня советскому послу в Берлине. В нем утверждалось, что советское правительство стремится взорвать Германию изнутри и готово в любое время осуществить агрессию против нее. Столь «опасное положение» будто бы и вынудило нацистское правительство начать войну. В тот же день Риббентроп устроил пресс-конференцию для представителей иностранной и немецкой печати, на которой заявил, что Германия была вынуждена предпринять наступление на Советский Союз, чтобы опередить советское наступление.

Версия о превентивной войне со стороны Германии была полностью разоблачена на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. Доказательства по разделу «Агрессия против СССР», показания обвиняемых и свидетелей неопровержимо подтвердили, что нападение на СССР было задумано и спланировано преднамеренно, без какого-либо повода к тому с его стороны. В частности, бывший руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче в своих показаниях заявил, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повин-

на не Германия, а Советский Союз... Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было».

В приговоре Нюрнбергского трибунала по этому поводу говорится: «22 июня 1941 года без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами. Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную силу для того, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями». И далее: «Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия».

Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Все остальное — досужие домыслы. Однако с точки зрения альтернативной истории тема эта представляет несомненный интерес. Попробуем и мы ответить на вопрос, что было бы, если бы не...?

Итак, предположим, что Германия — белая и пушистая, а кровавая большевистская Россия готовит нападение. Прежде чем начать выстраивать более или менее достоверную версию событий, необходимо договориться о базовых условиях для рассуждений.

Первое базовое условие — время. Действительно, если Германия напала в июне 1941 года, а по первоначальным срокам операция «Барбаросса» должна была начаться 15 мая (срок перенесен из-за отвлечения части сил Вермахта на Балканскую кампанию), то когда, собственно, немцы ожидали наступления русских? Сторонники теории первого советского удара считают, что приграничная группировка Красной Армии создавалась именно для наступления. Причем продолжала наращиваться. В подтверждение такой точки зрения приводится факт выдвижения из тыловых военных округов

на запад семи общевойсковых армий и одного стрелкового корпуса.

Действительно, из Уральского военного округа в район Идрица, Себеж, Витебск выдвигалась 22-я армия, из Забайкальского округа в район Бердичев, Проскуров — 16-я армия, из Северо-Кавказского округа в район Черкассы, Белая Церковь — 19-я армия, из Приволжского округа в район Чернигов, Конотоп — 21-я армия. Харьковский округ выдвигал на запад 25-й стрелковый корпус. Одновременно готовились к передислокации войска 20, 24 и 28-й армий. Эти семь армий (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-я) составляли второй стратегический эшелон. При этом три последние армии планировалось сосредоточить в районе Москвы. К началу войны только несколько соединений 19-й армии успели сосредоточиться в намеченных районах, большинство же находилось в пути или пунктах прежней дислокации.

Если допустить, что Красная Армия готовилась к наступлению и армии второго стратегического эшелона предназначались для развития успеха, то выбор районов их сосредоточения не может не вызвать удивления. От госграницы и от войск первого стратегического эшелона их отделяло от 450 до 600 км! Но нам можно все, предположим, что эти армии сосредотачивались для наступления, и именно этот процесс лимитировал для немцев время принятия решения. Исходя из имеющихся данных, с уверенностью можно утверждать, что сосредоточение этих объединений в новых районах дислокации затянулось бы до глубокой осени. С учетом печального опыта финской войны, вряд ли советское командование пошло бы на еще одну зимнюю кампанию. А значит, первого удара русских немцы могли ждать не раньше весны — лета 1942 года. Никакого спланированного советского наступления в 1941 году просто быть не могло. Применительно к этому периоду времени можно говорить лишь о достаточно спонтанном превентивном ударе: советское командование узнало о сосредоточении немецких войск вдоль границы СССР и нанесло упреждающий удар, дабы разгромить войска

противника, еще не завершившие оперативно-стратегического развертывания. Надо сказать, что идея такого удара была вполне реальной. Именно о нем шла речь в проекте «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке», подписанном 15 мая 1941 года заместителем начальника оперативного управления Генерального штаба А.Василевским. В этом документе отмечалось, что Германия держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами и имеет возможность нанести внезапный удар. Для предотвращения этого предлагалось атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не сумеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск. Для защиты от внезапного удара противника и прикрытия сосредоточения и развертывания наших войск предполагалось организовать прочную оборону икрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, предназначенную для действий на западе. В резерве Главного командования планировалось иметь пять армий.

Однако, несмотря на частые заявления в печати о том, что проект оперативного плана от 15 мая был подписан И. Сталиным, С. Тимошенко и Г. Жуковым или принят к исполнению на основании их устного распоряжения, документальных подтверждений этому нет. На документе, подписанном А.Василевским, нет никаких резолюций или пометок, сделанных Сталиным, Тимошенко или Жуковым. Нет даже подтверждений того, что эта разработка представлялась на рассмотрение правительству или лично Сталину. В том виде, в каком этот документ дошел до нас — рукописный текст с многочисленными исправлениями и вставками — он вряд ли мог быть представлен руководителям страны. Не стоит забывать и о том, что до 1948 года он хранился в личном сейфе А.Василевского, а не вместе с другими документами Генштаба, в бумагах Сталина или Тимошенко и оттуда был передан в архив. Так что эта записка, скорее всего, была не чем иным, как черновым ра-

бочим документом, а не реально принятым оперативным планом.

Тем не менее мы возьмем эту идею за основу и будем говорить о наступательной операции Красной Армии в мае — июне 1941 года. Резонен вопрос — а почему только в мае, а не в апреле? Ведь в этом месяце немецкая группировка была еще более недоразвернутой. Вспомним: по плану «Барбаросса» Советский Союз планировалось разгромить за 5 месяцев, начав операцию не позднее июня. То есть завершить ее предполагалось до наступления зимы. Но почему в мае, а не в апреле? Дело в том, что, в отличие от Западной Европы, в Европе Восточной сеть дорог с твердым покрытием была невелика, а в СССР ее местами вообще не было. Волей-неволей немцам приходилось ждать, когда просохнут дороги. Банально, но факт. Пришлось бы ждать этого и советскому командованию. Словом, со временем начала советского наступления мы определились: если предположить, что проект А. Василевского утвержден и месяц положен на подготовку, то речь идет о воскресенье 15 июня 1941 года.

Второе базовое условие — это силы и средства. Надо же знать, чем оперировать при моделировании ситуации. В случае с 1941 годом решение этого вопроса напрашивается само собой — реальные силы и средства сторон. Стоп, скажет здесь читатель, как же так, ведь совершенно очевидно, что группировка советских войск совершенно не годилась для наступления. Да, действительно, в этом отношении силы были, мягко говоря, неравны. Немецкое командование развернуло в первом эшелоне 103 дивизии, в том числе 12 танковых, в то время как в первом эшелоне советских армий прикрытия границы имелись только 54 стрелковые и две кавалерийские дивизии, то есть в два раза меньше. При этом дивизии противника были полностью укомплектованы личным составом, вооружением и боевой техникой, транспортными средствами. Они не только имели общее количественное превосходство в силах и боевых

средствах, но и обладали более высокой подвижностью и маневренностью.

Однако, если рассуждать о советском упреждающем ударе, то совершенно очевидно, что к нему привлекались бы не только и не столько дивизии первого эшелона, но и соединения второго. В последнем, в свою очередь, находилось 11 стрелковых, 24 танковых, 12 моторизованных и 4 кавалерийских дивизии. Кроме того, в резерве командования округов находилось еще 45 дивизий. В случае подготовки и нанесения первого удара все они, безусловно, приняли бы в нем участие. Скорее всего, за месяц с момента гипотетического утверждения плана А.Василевского до начала наступления все эти соединения были бы пополнены личным составом. Причем даже без объявления мобилизации. В реальности в апреле — мае 1941 года, учитывая нарастающую напряженность на западной границе СССР, Наркомат обороны и Генеральный штаб с согласия правительства начали проводить скрытый призыв военнообязанных запаса под прикрытием «больших учебных сборов». Всего таким образом было призвано, по разным данным, от 750 до 850 тыс. человек. Полностью решить проблему укомплектования частей и соединений личным составом это не могло, но тем не менее позволило довести 21 дивизию западных приграничных округов до полного штата военного времени (14 тыс. человек), 72 дивизии — до численности в 12 тыс. и 6 дивизий — до 11 тыс. человек. Хуже обстояло бы дело с техникой.

Что касается боевых машин, например в механизированных корпусах, то каким-либо кардинальным образом увеличить их численность и довести ее до штата по понятным причинам было нельзя. Другое дело — автомобили. Как известно, на 15 июня 1941 года в Красной Армии имелось 272 600 автомобилей всех типов, что составляло 36% от численности штата военного времени.

Основу автопарка Красной Армии накануне Великой Отечественной войны составляли грузовые автомобили ГАЗ-АА и ГАЗ-ААА грузоподъемностью в 1,5—2 т,

ЗИС-5 и ЗИС-6 грузоподъемностью в 3—4 т. В небольших количествах имелись пятитонные автомобили Яг-4 и Яг-6 и восьмитонные Яг-10. Все эти машины являлись грузовиками коммерческого типа и использовались в армии в таком же виде, как и в народном хозяйстве без каких-либо конструктивных изменений. Поэтому по своим характеристикам они мало подходили для эксплуатации в войсках, особенно в условиях военного времени. В отличие от германского Вермахта, к началу войны Красная Армия практически не имела автомобилей повышенной проходимости. Последние были представлены полугусеничными вездеходами ГАЗ-60 (В) и ЗИС-22 (ВЗ), созданными на базе все тех же ГАЗ и ЗИС. Однако количество их было невелико, а технические характеристики оставляли желать лучшего.

Такая же ситуация сложилась и с легковыми автомобилями. В Красной Армии имелись машины трех типов: ГАЗ-А, ГАЗ М-1 и ЗИС-101. Наиболее массовыми были знаменитые «эмки» — ГАЗ М-1, семиместные ЗИСы использовались для перевозки высшего состава (корпус, армия, округ). Все эти автомобили не были приспособлены для эксплуатации в армии и обладали низкой проходимостью. Исключение составляли автомобили ГАЗ-61. Это был полноприводный (4х4) вариант «эмки», созданный специально для армии. Однако количество изготовленных машин было очень небольшим.

Еще больше проблем было со специальными машинами — бензо- и водомаслозаправщиками, автоцистернами, ремонтными летучками (походными мастерскими на шасси автомобилей). Производство таких машин на заводах промышленности было очень небольшим — например, в 1940 году при плане в 2 тыс. бензозаправщиков на шасси ЗИС-5 и 150 водомаслозаправщиков на шасси ЗИС-6 было изготовлено всего 155 и одна (!) машина соответственно. Поэтому обеспеченность, например, механизированных корпусов заправщиками колебалась в пределах 7—40%. По Западному Особому военному округу средняя укомплектованность танко-

вых частей водомасло- и бензозаправщиками составляла 15%.

Считалось, что весь этот огромный некомплект в случае начала военных действий будет восполнен за счет поступления автомашин из народного хозяйства, то есть по мобилизации. Правда, не совсем понятно, как это собирались сделать. Дело в том, что потребность Красной Армии составляла 755 тыс. автомобилей. Для достижения такой комплектности было необходимо практически обнулить весь автомобильный парк страны, изъяв из народного хозяйства почти все. Как в таких условиях продолжало бы функционировать это самое народное хозяйство, остается загадкой. В действительности же в 1941—1942 годах из народного хозяйства по мобилизации армия получила около 270 тыс. автомобилей различных типов. Вряд ли в течение рассматриваемого нами месяца следовало бы ожидать заметного увеличения автопарка Красной Армии, как и изменения ее технической оснащенности в целом. И в реальности, и в моделируемой нами ситуации советские войска были одними и теми же. С таким же личным составом, пушками и танками, такой же системой материально-технического снабжения, связью и т.д.

Несомненно, что ведущую роль в превентивном ударе сыграли бы механизированные корпуса второго эшелона войск прикрытия. По замыслу оргштатная структура мехкорпуса должна была обеспечить ему возможность ведения самостоятельных боевых действий в отрыве от общевойсковых армий. Совершенно очевидно, что в нашем случае все, или почти все, эти соединения получили бы самостоятельные задачи. Вот и попробуем разобраться, что из этого бы вышло.

Рассмотреть возможные действия всех мехкорпусов в превентивном наступлении Красной Армии довольно сложно, главным образом, по причине ограниченного объема данной статьи. По сути, такой обзор представляет альтернативную историю начального периода Великой Отечественной войны. Поэтому имеет смысл сосредоточиться на какой-то одной операции с участием

одного-двух механизированных соединений и на примере их действий оценить, насколько успешным был бы первый советский удар в целом. Поскольку никакой подобной операции в реальности не проводилось, то ее надо придумать. Вот, например — «Люблинская наступательная операция». Чем плохо? В целом же наш «разбор полетов» можно озаглавить: «Действия 4-го и 6-го механизированных корпусов в Люблинской наступательной операции 15—22 июня 1941 года».

Надо сказать, что в качестве цели нашей операции Люблин выбран не случайно. Дело в том, что этот город и в реальной действительности был целью советского контрудара в соответствии с директивой № 3. Эта директива была направлена в войска вечером 22 июня 1941 года и указывала военным советам фронтов на необходимость организации решительных контрударов с целью разгрома вклинившихся группировок противника. Войска Юго-Западного фронта должны были силами двух общевойсковых армий и не менее пяти механизированных корпусов при поддержке фронтовой и дальнебомбардировочной авиации нанести удары по сходящимся направлениям на Люблин, окружить и уничтожить вражескую группировку, наступавшую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина.

Как видим, планировалась фронтовая наступательная операция, в случае успешного завершения которой в окружение попали бы все силы 6-й немецкой полевой армии и 1-й танковой группы. Здесь, конечно, можно возразить, что директива эта не учитывала реальную обстановку и возможности войск. Но если руководство вооруженных сил и страны не учитывало, а попросту — не знало, их в действительности, то почему оно должно учитывать их в нашем случае? К вечеру первого дня реальной войны, не имея практически никакой объективной информации ни о противнике, ни о собственных войсках, командование поставило фронтам задачу по переходу в наступление и разгрому всех сил врага в течение двух суток! Тем более можно допустить, что в слу-

чае нанесения удара первыми задачи были бы еще глобальнее. В нашем случае речь идет о наступлении двух фронтов — Западного и Юго-Западного — из Белостокского выступа и из района Львова по сходящимся направлениям на Люблин. Цель — окружение и, разумеется, уничтожение сразу двух (а чего мелочиться?) немецких танковых групп. Для выполнения этой задачи в первую очередь привлекались силы 4-го и 8-го мехкорпусов Юго-Западного фронта и 6-го и 13-го мехкорпусов Западного фронта. Главную роль предстояло сыграть 4-му и 6-му мехкорпусам. На них имеет смысл остановиться подробнее.

4-й механизированный корпус (командир — генерал-майор А.Власов) начал формироваться в июле 1940 года на территории Западной Украины. Управление корпуса и корпусные части формировались на базе управления и корпусных частей 49-го стрелкового корпуса. 3-й мотоциклетный полк — на базе 53-го и 146-го кавалерийских полков 16-й кавалерийской дивизии. В состав корпуса вошли 8-я и 32-я танковые и 81-я моторизованная дивизии.

8-я танковая дивизия была сформирована на базе 24-й легкотанковой бригады. Кроме того, на формирование танковых полков дивизии были обращены 51-й и 54-й танковые батальоны 10-й танковой бригады. Артполк и мотострелковый полк формировались из 220-го гаубичного артполка 7-й стрелковой дивизии и 608-го стрелкового полка 146-й стрелковой дивизии соответственно. В сентябре 1940 года 8-й гаубичный артиллерийский полк получил новую матчасть — 152-мм гаубицы обр. 1938 года, на замену тракторам ЧТЗ «Сталинец-65» прибыли СТЗ-5. Полк полностью перешел на мехтягу. 20 января 1941 года в полк поступили 122-мм гаубицы обр. 1910/30 гг.

Первоначально в состав корпуса входила 10-я танковая дивизия, но в феврале 1941 года она была передана в состав вновь формируемого 15-го мехкорпуса, а взамен ее во Львове началось формирование новой 32-й танковой дивизии (на базе 30-й легкотанковой бригады). 32-я

танковая дивизия не успела получить к началу войны всю положенную ей артиллерию. Ее гаубичный полк имел только один артиллерийский дивизион 152-мм орудий. Но из-за нехватки артиллерийских тягачей даже такое количество гаубиц артполка перевозилось двумя рейсами. 32-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион имел три батареи, но лишь одна из них имела материальную часть в виде 4 орудий.

В состав корпуса была включена 81-я моторизованная дивизия, преобразованная в январе 1940 года из 81-й стрелковой Калужской дивизии. 11 июня 1940 года дивизия выступила из Львова в район Заблотова в составе 12-й армии, участвовала в присоединении Бессарабии и Буковины. В июле 1940 года 81-я моторизованная дивизия возвратилась во Львов и вошла в состав формирующегося 4-го механизированного корпуса.

Формированию корпуса, находившемуся на важнейшем операционном направлении, высшим командованием Красной Армии придавалось особое значение. Повышенное внимание придавалось как укомплектованию корпуса боевой техникой, в том числе новейших конструкций, так и боевой подготовке. Так, уже в августе 1940 года состоялось первое командно-штабное учение по вводу мехкорпуса в прорыв, под руководством командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г. Жукова. Отрабатывались вопросы взаимодействия 4-го механизированного корпуса с другими родами войск. По результатам учения были выявлены серьезные недостатки в управлении войсками. Тогда же, в августе 1940 года, было проведено и первое войсковое учение корпуса с привлечением авиации. Тема: «Ввод мехкорпуса в прорыв». Жуков и командир корпуса М. Потапов (А. Власов вступил в командование корпусом 17 января 1941 года) прорабатывали вопросы выбора места сосредоточения корпуса по тревоге, рубеж ввода соединения в прорыв и порядок выдвижения к рубежу войск. Было решено вводить корпус в прорыв в походных колоннах по двум параллельным маршрутам. Подобное учение проводилось впервые в Красной

Армии, и его результатами организаторы остались довольны.

Тема второго войскового учения, проведенного уже в середине августа 1940 года, являлась логическим продолжением темы предыдущего: «Действие механизированного корпуса в глубине оперативной обороны противника». Отрабатывались темпы движения, обход и захват опорных пунктов, проведение встречных боев с резервами противника и прорыв его тыловых оборонительных рубежей. В конце сентября 1940 года состоялось итоговое командно-штабное учение 6-й армии, в оперативном подчинении которой находился 4-й мехкорпус: «Наступление армии и ввод механизированного корпуса в прорыв». На этом учении присутствовала практически вся верхушка РККА: Мерецков, Тимошенко, Жуков и другие. Не менее ценное командно-штабное учение в 4-м мехкорпусе прошло и 16 октября 1940 года: «Марш и встречный бой мехкорпуса». В нем участвовали штабы 8-й танковой и 81-й моторизованной дивизий. Его целью являлись проверка возможности подготовки и проведения марша в сжатые сроки, а также отработка вопросов доведения до подчиненных решения комкора о резком повороте в ходе марша на новые маршруты в готовности к встречному бою. Результаты учения высоко оценил генерал армии Г. Жуков. Руководящий состав корпуса получил ценные подарки от командования округа. Отработанные в ходе учения документы были доведены в письменной форме до командного состава всех механизированных корпусов РККА.

К середине июня 1941 года в составе 4-го мехкорпуса насчитывалось 990 танков, из них 412 Т-34 и КВ.

В соответствии с замыслом Генштаба войска 6-го стрелкового и 15-го механизированного корпусов должны были прорвать фронт в полосе 4-го немецкого армейского корпуса, обеспечив тем самым ввод в прорыв 4-го мехкорпуса уже в середине первого дня операции. Все части и соединения заблаговременно покинули

районы постоянной дислокации и к вечеру 14 июня выдвинулись на исходные рубежи.

Что касается 6-го механизированного корпуса (командир — генерал-майор М. Хацкилевич), то он начал формироваться 15 июля 1940 года на базе управления 3-го кавалерийского корпуса. В его состав входили 4-я и 7-я танковые и 29-я моторизованная дивизии.

Танковые полки 4-й дивизии создавались из многих частей и подразделений — танковых батальонов 21-й тяжелой, 6-й легкой и 30-й химической танковых бригад, 2, 6, 13, 50-й стрелковых дивизий, 632-го автотранспортного батальона 46-й автотранспортной бригады. В связи с тем, что тяжелой танковой бригаде не были положены по штату свои мотострелковые и артиллерийские подразделения, в гаубичный артиллерийский и моторизованный полки 4-й танковой дивизии были реорганизованы соответствующие полки 29-й стрелковой дивизии.

7-я танковая дивизия формировалась в Волковыске на базе 11-й кавалерийской трижды орденоносной дивизии имени Морозова. Кроме того, на укомплектование танковых полков дивизии прибыли танковый батальон 21-й тяжелой танковой бригады, два танковых батальона стрелковых дивизий (33-й и 125-й), подразделения 6-й легкотанковой и 43-й автотранспортной бригад. Мотострелковый полк был сформирован из 100-го и 117-го кавалерийских полков, гаубичный артиллерийский полк — из 17-го конного артиллерийского дивизиона 11-й кавдивизии.

29-я моторизованная дивизия была сформирована на основе 29-й стрелковой дивизии, а 4-й корпусной мотоциклетный полк — на базе 6-го кавалерийского Краснознаменного полка 11-й кавалерийской дивизии. Также на его укомплектование прибыла рота из мотоциклетного батальона округа.

Формирование корпуса завершено 30 июля 1940 года, а 5 августа части и подразделения приступили к нормальной боевой подготовке.

6-й мехкорпус был наиболее сильным из всех мех-

корпусов Красной Армии — по бронетанковой технике он был укомплектован полностью по штату (1022 танка) и имел наибольшее количество танков Т-34 и КВ (452 единицы); по командно-начальствующему составу процент укомплектованности составлял 60—80%, по младшему комсоставу — 70—92%, по рядовому составу — 94—105%!

В интересах наступления 6-го мехкорпуса должны были действовать 5-й стрелковый и 13-й механизированный корпуса. Именно им предстояло к полудню 15 июня сломить оборону немцев и обеспечить ввод в прорыв дивизий 6-го мехкорпуса на стыке 9-го и 43-го армейских корпусов Вермахта. Воздушное прикрытие действий 6-го мехкорпуса возлагалось на 9-ю и 43-ю смешанные и 12-ю бомбардировочную авиадивизии ВВС фронта.

Следует подчеркнуть, что точно так же, как немцам накануне вторжения не удалось вскрыть всю группировку советских войск в приграничных районах, так и группировку немецких войск не удалось вскрыть советской разведке. Будем считать, что наше командование имело представление только о первом и частично втором эшелонах вражеских войск.

Боевые действия начались утром 15 июня 1941 года с мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Артиллерийский и авиационный удар наносился на всю оперативную глубину, захватывая как первые эшелоны немецких войск, так и возможные зоны расположения вторых. Кроме того, авиаудары наносились по всем достойным целям в зоне действия советской авиации, начиная с полевых аэродромов и заканчивая железнодорожным мостом в Варшаве.

Примерно в 4.30 утра батальоны 159-й стрелковой дивизии, поддерживаемые танками 37-й танковой дивизии, перешли государственную границу СССР. Однако огня по ним никто не открыл. Оборона противника отсутствовала, ни окопов, ни блиндажей — Вермахт явно не собирался обороняться. Уже спустя несколько минут были захвачены первые пленные — секрет 71-й

пехотной дивизии, два ошалевших от происходящего солдата. В полутора километрах от границы среди разметанного разрывами снарядов палаточного лагеря цепи красноармейцев были обстреляны противником. Впрочем, спорадическое сопротивление немцев было быстро подавлено огнем танковых пушек. Повсюду ощущался разгром, результат артподготовки и бомбежки, — разбросанные палатки, брошенные повозки и разбитые автомашины. Повсюду валялись мертвые тела немецких солдат в исподнем — обстрел застал их во время сна. Судя по всему, советское наступление стало для противника полной неожиданностью.

Организованное сопротивление противник попытался оказать только в 5 км от границы, кое-как окопавшись и развернув противотанковую артиллерию. Однако уже подходили полки 10-й танковой дивизии. Дивизия подходила мощно, широким фронтом с тяжелыми танками впереди. Танки КВ и Т-34 вели огонь с ходу осколочно-фугасными снарядами. Собственно, никаких других снарядов в боекомплектах этих танков не было, о чем командир дивизии генерал-майор С.Огурцов докладывал командованию еще за три дня до начала операции. К счастью, немецкие танки пока не попадались, а сильно пострадавшие от артогня 71-я и 295-я немецкие пехотные дивизии были буквально смяты решительной атакой советских танков и пехоты.

Поскольку уже к 12.00 продвижение советских войск составило около 6 км, можно было считать, что первая полоса обороны прорвана. Находившийся на КП 6-й армии в г. Немиров командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.Кирпонос отдал приказ 4-му мехкорпусу входить в прорыв.

Корпус пошел в прорыв по двум маршрутам, как это и отрабатывалось на довоенных командно-штабных учениях. При этом его боевые порядки должны были растянуться примерно на 80 км в глубину, что и начало происходить на деле. В то время как головная застава — разведбат 8-й танковой дивизии вошел в городок Юзефов, большая часть подразделений корпуса еще не по-

кинула исходные районы сосредоточения. Последнее обстоятельство, правда, мало беспокоило как командование корпуса, так и штаб фронта. Тут вообще царило приподнятое, почти праздничное настроение. Наступление развивалось успешно, точно по графику. На направлении главного удара обозначался явный успех, противник оказывал лишь слабое сопротивление. Дабы недостаток автотранспорта не тормозил продвижение 4-го мехкорпуса, командующий фронтом распорядился передать ему почти все автомашины из 15-го мехкорпуса, выполнявшего второстепенную задачу. Это решение, позволившее «поднять» почти всю 81-ю мотодивизию, вскоре обернулось бедой для 15-го мехкорпуса.

К концу первого дня наступления головные части 4-го механизированного корпуса продвинулись более чем на 30 км! С наступлением темноты движение было приостановлено. Ночью вперед ушел только разведбат 8-й танковой дивизии. Впрочем, личному составу остальных частей тоже не удалось отдохнуть — подошли топливозаправщики. Было решено пополнить запасы топлива впрок, как будет складываться ситуация в дальнейшем, никто не знал. А поскольку специализированных машин не хватало, большую часть топлива перевозили в бочках в кузовах грузовиков, что существенно осложняло процесс заправки боевых машин, с которым в итоге провозились до рассвета.

Не спали и немцы. Всю короткую летнюю ночь в штабах оценивали ситуацию и отдавали приказы на перегруппировку сил. С учетом того, что фронт в полосе 6-й полевой армии прочно удерживался, командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Рундштедт принял решение нанести удар во фланг прорвавшейся советской группировке силами 48-го моторизованного корпуса и отрезать ее. Завершить разгром предстояло 3-му и 14-му моторизованным корпусам.

С рассветом 16 июня 4-й мехкорпус возобновил продвижение. Командир ушедшего далеко вперед 8-го разведывательного батальона доложил о разгроме вражеского аэродрома в окрестностях городка Янув-Любель-

ский, а также о том, что вступил в бой с мотопехотой противника, подошедшей с севера. Впрочем, и без этого сообщения активность немцев обозначалась все больше. Впервые с начала наступления колонны корпуса бомбила немецкая авиация. Истребители прикрытия еще не подошли, а эффективность зенитного огня снижалась практически полным отсутствием 37-мм снарядов. Тем не менее к середине дня основные силы корпуса — танковые полки 8-й и 32-й дивизий — подошли к Януву.

Тем временем продвижение 41-й стрелковой дивизии, обеспечивавшей правый фланг ударной группировки, замедлилось из-за ожесточенного сопротивления 296-й немецкой пехотной дивизии. Последняя находилась во втором эшелоне и заметно меньше, чем другие соединения 4-го армейского корпуса, пострадала от ударов советской авиации. Вскоре разведка, в том числе и воздушная, донесла о немецких танках,двигающихся на юго-запад. Навстречу им командование развернуло 10-ю танковую дивизию, которая после ночного марша своим передовым отрядом заняла Томашув. Одновременно к городу подошла боевая группа 11-й немецкой танковой дивизии.

Ворвавшись в город, немецкие танки столкнулись на его улицах с передовым отрядом 10-й танковой дивизии и после непродолжительного боя заставили его отступить. По советским данным, немцы потеряли в этом бою 20 танков и 16 противотанковых орудий. Потери передового отряда 10-й танковой дивизии составили 20 танков БТ и 6 Т-34. Последние были подбиты на окраинах города огнем 88-мм зениток. Немецкие танки, проскочив город, к юго-западу от него столкнулись с основными силами 10-й танковой дивизии русских.

В 15 ч. 20-й танковый и 10-й мотострелковый полки дивизии С.Огурцова без артиллерийской и авиационной поддержки вновь атаковали Томашув. Местность для атаки была неблагоприятной. Советским танкам было необходимо преодолевать вытянутый холм, за обратным скатом которого находились немцы. Воздушная

разведка противника обнаружила советские танки еще на подходе, а танкисты и артиллеристы 11-й танковой дивизии успели подготовиться к встрече. Избиение советских танков, которые по воле командования продолжали атаковать без поддержки артиллерии и пехоты, продолжалось до вечера. С наступлением темноты остатки 10-й танковой дивизии отошли на исходные позиции, а боевая группа 11-й немецкой танковой дивизии двинулась дальше на юго-запад, остановившись в 23.00 на привал.

В бою у Томашува с советской стороны действовали сравнительно крупные массы танков, поддержанные незначительным количеством пехоты и начисто лишенные поддержки артиллерии. Лишенный достаточного количества тягачей, артиллерийский полк 10-й танковой дивизии еще находился на марше. Не участвовала в бою также 37-я танковая дивизия, спешившая на выручку мотострелковому и гаубичному полкам 32-й дивизии 4-го мехкорпуса, из-за отсутствия транспорта следовавшим за своим соединением с большим опозданием. В районе Юзефува они были атакованы 16-й немецкой танковой дивизией. В то же время еще одна дивизия 48-го немецкого корпуса — 16-я моторизованная, — нащупав разрыв в растянувшихся порядках 4-го мехкорпуса, нанесла по ним рассекающий удар.

К вечеру стало ясно, что стрелковые соединения 6-й армии не успевают следовать за быстро уходившими вперед танковыми дивизиями 4-го мехкорпуса. Положение усугублялась вводом противником в бой резервов — 97-й и 99-й легкопехотных дивизий. В этой ситуации напрашивался удар силами 8-го мехкорпуса во фланг 48-му моторизованному корпусу немцев. Но командующий фронтом медлил, ожидая сообщений от командира 4-го мехкорпуса, с которым начиная с 16.00 не было связи. Наладить связь не удалось до утра 17 июня. Посланный в расположение штаба А.Власова связной самолет благополучно приземлился, но на обратном пути был сбит немецкими истребителями. В этой ситуации М. Кирпонос решил не рисковать еще одним мех-

корпусом на третий день войны и санкционировал ввод в сражение 37-го стрелкового корпуса. Предполагалось, что, нарастив усилия, пехота совместно с дивизиями 15-го мехкорпуса сумеет пробиться к 4-му. Однако этого не произошло. Части 15-го мехкорпуса, участвовавшие в непрерывных боях с самого начала операции, понесли серьезные потери. Часть танков, кроме того, вышла из строя, исчерпав моторесурс. Ну а без поддержки танков все усилия пехоты оказались тщетны. Немцам удалось закрыть брешь.

Уже к утру 17 июня 4-й механизированный корпус оказался в окружении. Причем по частям. Обе его танковые дивизии были заперты в треугольнике Янув-Любельски, Красник, Туробин. Что же касается 81-й мотодивизии, то она была отрезана от основных сил корпуса еще раньше и вела бой юго-восточнее. По понятным причинам в танковых батальонах начал ощущаться недостаток топлива. Примерно из трети танков его слили, обеспечив горючим остальные. Командир корпуса генерал-майор А. Власов решил продолжить продвижение к Люблину, рассчитывая соединиться там с войсками Западного фронта. Но это было уже невозможно — 3-й и 14-й моторизованные корпуса Вермахта сжимали кольцо. Все попытки атаковать в различных направлениях наталкивались на огонь 88-мм зениток. Положение усугублялось тем, что танковые полки попали в окружение отдельно от пехоты. Кроме того, на третий день боевое положение в воздухе выровнялось, а с сухопутными войсками немецкая авиация взаимодействовала лучше. Наши же самолеты бомбили наугад, часто накрывая свой войска.

4-й механизированный корпус вел организованные бои в окружении еще трое суток. Из-за малочисленного состава частей, нехватки топлива и боеприпасов оборона велась отрядами на отдельных направлениях. Немцам вскоре удалось раздробить «котел» на отдельные очаги сопротивления. К 21 июня несколько танков и несколько десятков человек сконцентрировались вокруг остатков штаба корпуса в лесу у селения Батож.

В ночь на 22 июня командир корпуса приказал слить остатки горючего в свой КВ. В последний раз танкисты видели танк своего командира, когда, смяв березки на опушке леса, он двинулся в сторону немецких позиций. Над его башней развевался белый флаг.

Ну а что же 6-й механизированный корпус? Может быть, ему сопутствовал успех в Люблинской операции?

На рассвете 15 июня батальоны 113-й и 86-й стрелковых дивизий на десантных лодках переправились через Буг. Их сопровождали 17 плавающих танков Т-40 из состава 13-го механизированного корпуса. Разгром, произведенный советской артиллерией, позволил пехоте почти беспрепятственно продвинуться на 3 км в глубь польской территории. Пользуясь отсутствием немецкой авиации, саперы начали собирать паромы и наводить мост. Вместо предполагавшихся (и положенных) двух часов они провозились целых восемь. Все это время переправа пехоты, противотанковых и полковых пушек велась с помощью десантных лодок, а легких танков Т-26 — 25-й танковой дивизии с помощью паромов. Переправа основных сил 13-го механизированного корпуса и артиллерии началась только после полудня.

Несмотря на то, что дивизии 9-го армейского корпуса располагались в один эшелон, прорвать их оборону в первый день операции не удалось. Главным образом из-за медленного накапливания сил на левом берегу Буга. Не удалось этого сделать и на следующий день. Войскам 5-го и 47-го стрелковых корпусов удалось отеснить немцев еще на пару километров. Время шло, в полосу 9-го армейского немцы выдвигали 13-й армейский корпус. Поэтому командующий Западным фронтом генерал армии Д.Павлов принял решение вводить в бой 6-й механизированный корпус, не дожидаясь прорыва главной полосы обороны противника. Выполнение этой задачи облегчалось наличием уже нескольких понтонных мостов через Буг.

В течение всей ночи и первой половины дня 17 июня соединения 6-го мехкорпуса под командованием генерал-майора М.Хацкилевича, выполняя поставленную

задачу, выдвигались к Бугу и переправлялись на его левый берег. Движение большой массы танков было немедленно обнаружено авиацией противника, которая начала наносить бомбовые удары по боевым порядкам частей и переправам. Несколько раз они подверглись воздушным ударам, при этом части корпуса несли потери в личном составе и боевой технике. Только одна 7-я танковая дивизия за день потеряла 63 танка.

К 17.00 части 6-го мехкорпуса развернулись в боевой порядок и перешли в наступление и практически сразу же натолкнулись на сильное противодействие немецкой противотанковой артиллерии. Кроме того, для отражения наступления 6-го мехкорпуса противник привлек 8-й авиакорпус пикирующих бомбардировщиков. Немецкие самолеты ожесточенно атаковали советские танки, причем, кроме бомб, применялась специальная фосфорная смесь. Командир корпуса генерал-майор Хацкилевич вынужден был выводить части из-под ударов авиации.

Утром 18 июня 6-й мехкорпус возобновил наступление. Из-за отставания артиллерии артиллерийская подготовка перед атакой и сопровождение огнем наступающих танков не производились. Противотанковая оборона противника уничтожалась танками, которые несли при этом большие потери. Практически не применялись обходные маневры немецких опорных пунктов, а атаки в лоб успеха не приносили. 29-я моторизованная дивизия своим правофланговым 128-м полком в районе Лосице вступила в бой с подошедшей 292-й пехотной дивизией противника. Не выдержав немецкой пехотной атаки с артиллерией, полк попятился. Правее моторизованной дивизии вел бой 13-й танковый полк 7-й танковой дивизии генерал-майора С. Борзилова. В районе с. Морды пытался атаковать 14-й танковый полк этой же дивизии. Имея всего четверть заправки топлива, соединение к исходу дня перешло к обороне. Пополнить запасы топлива и боеприпасов удалось только к утру. Командир корпуса собрал все боеспособные танки в кулак и утром 19 июня прорвался в Седль-

це. Но было уже поздно. Под ударами подошедших резервов противника (46-й моторизованный корпус) 6-й мехкорпус был вынужден оставить город. Командир 6-го мехкорпуса генерал-майор М. Хацкилевич в тот же день погиб в боевых порядках своих войск. После его гибели управление частями и соединениями корпуса нарушилось.

Командование 6-го мехкорпуса получило приказ на отход в 17.25 20 июня, но выполнить его уже было не в состоянии: противник перешел к активным действиям, пытаясь охватить части корпуса с флангов. Танкисты, израсходовав боеприпасы и горючее, принялись уничтожать уцелевшие танки и бронеавтомобили. К концу дня корпус прекратил свое существование как механизированное соединение. Личный состав пробился на соединение с частями 47-го стрелкового корпуса и вместе с ними 22 июня отошел за Буг.

Необходимо подчеркнуть, что предложенная читателю версия событий, безусловно, схематична и поверхностна. При этом, однако, она содержит реальные факты и описания боевых действий, имевших место в действительности именно с этими соединениями летом 1941 года. Просто они перенесены в пространстве и во времени. Объединяет их одно — конечный результат. Как же так? — возмутится читатель. — В реальной действительности было немецкое внезапное нападение, а в моделируемом нами случае — советское. А результат — тот же? Да, тот же! Только последствия у него разные. В первом случае разгром советских механизированных корпусов состоялся на фоне общего поражения Красной Армии в приграничном сражении, во втором — никакого общего поражения нет, а разгром мехкорпусов — лишь результат неудач частных наступательных операций. Да и само пограничное сражение происходит по ту сторону границы.

Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что нанести решительное поражение Вермахту летом 1941 года ни по эту, ни по ту сторону границы Красная Армия не могла. Нет смысла вдаваться в подробности и анали-

зировать вопросы организационной структуры, вооружения, технического оснащения и уровня боевой подготовки обеих сторон. На основании всех серьезных современных исследований можно утверждать, что Красная Армия была объективно слабее Вермахта. В первую очередь, эта слабость выражалась в ее неготовности вести современную войну. То есть ту войну, какую немцы вели уже два года. В связи с этим закономерен вопрос — зачем тогда был нужен превентивный удар, заведомо обреченный на неудачу? Ну, во-первых, знали бы, где упадем, подстелили бы рогожку. А во-вторых, в наших рассуждениях смоделирована неудача тактическая, а не стратегическая. Попробуем разобраться, что упреждающий удар давал Советскому Союзу.

Итак, в построенной нами модели событий мы действуем в наступлении войска приграничных военных округов — первые и вторые эшелоны, а также резервы, развернутые по большей части до штатов военного времени. Больших сил за отведенный нами месяц на подготовку операции сосредоточить бы не удалось. Основную ударную силу составляют мехкорпуса, перед которыми ставится задача рассеять и окружить вражеские ударные группировки. Задача вполне логичная (она ставилась перед мехкорпусами и в первые дни реальной войны), но крайне трудно выполнимая. Вне всякого сомнения, советским войскам первоначально сопутствовал бы успех. Причин этому несколько: внезапность нападения (во всяком случае, мы так условились, но и в реальности добиваться абсолютной секретности у нас умели) и отсутствие у противника оборонительных позиций (Вермахт расположился вдоль советской границы в летних лагерях и на квартирах), да и вообще какого-либо внятного плана на оборону. Последнее обстоятельство, кстати, является еще одним явным свидетельством того, что никакого нападения со стороны СССР в 1941 году Германия не ждала.

Вполне вероятно, что уже в первые два дня операции механизированным корпусам удалось бы прорвать немецкую оборону. Выполнение этой задачи облегчалось

как расположением немецких войск на ряде участков в один эшелон, так и уже упоминавшимся отсутствием обороны как таковой. Однако успех был бы кратковременным. Красная Армия образца 1941 года вряд ли смогла бы эффективно нарастить успех. Сделать этого не позволяла как ограниченная мобильность (влияние этого фактора на ход боевых действий весьма ощутимо в реальных операциях Красной Армии в 1941—1942 годах), так и несовершенная организационная структура войск. Неизбежно сразу проявились бы все те недостатки организации и оснащения армии, какие в реальности проявились летом 1941 года, в первую очередь — перебои в связи и управлении, а также в материально-техническом снабжении наступающих частей и соединений.

Вермахт, напротив, после преодоления первоначального шока среагировал бы на возникшие обстоятельства достаточно быстро, что и смоделировано в наших примерах. С учетом большей мобильности немецких войск и лучшего управления можно предположить, что маневр моторизованными и танковыми соединениями был бы эффективнее, чем у Красной Армии. Эффективнее была организационная структура Вермахта, способы применения и взаимодействие войск.

Затрагивая тему взаимодействия, несколько слов хотелось бы сказать об авиации. В приведенном выше описании возможных боевых действий авиация как бы отсутствует, ее влияние на ход операции минимально. Сделано это намеренно, так сказать, для чистоты картины. Однако, вероятнее всего, в воздухе установился бы некий паритет: некоторое качественное превосходство Люфтваффе против количественного превосходства советских ВВС. Опять-таки, не будем выяснять, сколько и у кого было больше самолетов «новых типов», а сколько «старых». Это не суть важно. В нашем случае важно, что советская авиация не застигнута на «мирно спящих аэродромах», а поднята в воздух и действует. Потери Люфтваффе от первого советского удара, впрочем, тоже не будем переоценивать. Вряд ли они были

бы слишком велики. Все основные немецкие аэродромы находились существенно дальше от границы, чем советские, их было больше, они были лучше оборудованы и защищены. С точки зрения эффективности немецкая зенитная артиллерия, располагавшая большим числом автоматических пушек, была лучше советской. Словом, в результате первого удара господства в воздухе советская авиация бы не добилась.

При этом общем равенстве у немцев было некоторое преимущество в организации взаимодействия авиации и сухопутных войск. Система заявок сухопутных частей на авиационную поддержку в Красной Армии была громоздкой. Между вызовом авиации и ее появлением над полем боя проходило много времени, обстановка зачастую менялась, и авиаудар порой наносился уже по пустому месту. У немцев же имелись авианаводчики непосредственно в сухопутных частях, которые руководили действиями авиации прямо с переднего края.

Что же мы имеем, так сказать, в сухом остатке? Советские войска переходят границу и оттесняют части Вермахта. Несколько механизированных корпусов входят в прорыв с далеко идущими целями, но немцы, быстро совершив маневр подвижными соединениями, отрезают их и уничтожают. Что же дальше? В чем же стратегический выигрыш? Да во времени, конечно!

Первый советский удар не мог пройти для Вермахта бесследно — только в смоделированном нами примере как минимум пять-шесть пехотных дивизий разбиты полностью, а еще несколько понесли тяжелые потери. Неизбежно понесли бы потери танковые и моторизованные соединения, принимавшие участие в боях с нашими мехкорпусами. На восполнение потерь и приведение войск в порядок нужно время, как нужно и на восстановление разрушенных русскими объектов военной и транспортной инфраструктуры (взорванные и сожженные склады, разрушенные мосты, аэродромы и т.д.). Заметим, что все это зализывание боков происходит на фоне идущей войны. Да, да, ведь с первым упреждающим ударом 15 июня 1941 года началась война между

СССР и Германией. Трудно сказать, как она бы называлась — Великой Отечественной или как-то иначе, но это была бы большая война. И главный вопрос для Гитлера — что делать дальше? Совершенно очевидно, что план «Барбаросса» не просто трещит по швам, его можно выбросить на помойку. Ситуация кардинально изменилась. Немецкий план войны разгадан русскими. Теперь перед немцами не мирно спящая страна, а ошетилившийся штыками и орудийными стволами фронт, который нужно прорывать по всем правилам. К тому же выяснилось, что вопреки ожиданиям у Красной Армии много танков и самолетов. Словом, нужен новый план войны, соответствующий новым реалиям. Например, реалиям того, что на южном фланге румынские войска отступают под ударами Красной Армии, и лишь присутствие там нескольких немецких дивизий позволило остановить русских на рубеже р. Серет. Разброд в стане союзников — под вопросом участие Финляндии и Венгрии. А время идет. На разработку нового плана кампании, перегруппировку сил и средств у Германии неизбежно ушло бы не менее двух месяцев. А тут и осень, завершить Восточный поход до зимы явно не удастся, война неизбежно переходит в затяжную позиционную фазу. Проведение крупного наступления на Восточном фронте, скорее всего, придется отложить до весны 1942 года.

Но ведь это значит, что Вторая мировая война пошла бы по совсем другому сценарию. Это значит, что Советский Союз провел бы мобилизацию, перевел бы экономику на «военные рельсы», причем не под бомбежкой и не в процессе эвакуации. Это значит, что Ленинград не в блокаде, а Киев не сдан. Это значит, что нет миллионов погибших и пленных и урожай зерновых на Украине собираем мы, а не немцы. Это означает совсем другую реальность, со значительно более благоприятным для Советского Союза развитием событий. Во всяком случае, до 1942 года. Что будет в 1942-м, фантазировать не будем, не будем подсчитывать, сколько вооружения произведет советская промышленность, а сколько — не-

мецкая, как будут развиваться взаимоотношения с союзниками у СССР и Германии, и т.д. Все это — тема отдельного разговора.

Впрочем, упреждающим ударом Красной Армии в 1941 году тема возможного нападения СССР на Германию не исчерпывается. В связи с этим было бы любопытно рассмотреть и другие возможные даты этого события.

Наименее вероятным можно считать 1942 год. Не совсем ясно, по каким причинам Гитлер мог отсрочить нападение на год. Что могло ему помешать? Советский превентивный удар? Но тогда это уже не нападение. Пожалуй, отменить операцию «Барбаросса» Гитлера могли заставить только какие-либо решительные действия советского руководства, например, открытое объявление в СССР мобилизации где-нибудь 1 июня 1941 года, приведение в полную боевую готовность и развертывание войск у границы и т.д. Конечно, эти меры позволили бы немецкому руководству обвинить СССР в подготовке к войне, но одновременно могли зародить и сомнение в успехе своих планов. Перенос операции «Барбаросса» на год означает, что и смоделированная нами ситуация могла произойти уже в 1942 году. Детально разбирать ее мы не будем, скажем только, что Красная Армия была бы несколько иной. Правда, и Вермахт был бы посильнее, в конце концов, целый год работала бы не только советская промышленность, но и германская.

Значительно интереснее рассмотреть возможность советского превентивного удара не в 1942 году, и даже не в 1941-м, а в 1940-м! Сразу напрашивается вопрос — почему в 1940-м, а не в 1939 году? Ведь в сентябре 1939 года Красная Армия уже двигалась на запад, занимая Западные Украину и Белоруссию. Войны на два фронта не предвиделось — боевые действия в Монголии к тому времени были успешно завершены. То, что «освободительный поход» осуществлялся ограниченными силами, ровным счетом ничего не значит. В нем было задействовано столько войск (21 стрелковая и 13 кавалерий-

ских дивизий, 16 танковых и 2 мотострелковых бригады — 700 тыс. человек, 6 тыс. орудий, 4,5 тыс. танков, 4 тыс. самолетов), сколько было необходимо для решения поставленной задачи. При этом, уступая в общей численности войск Вермахту, наступающая советская группировка была сопоставима или же превосходила противостоящие немецкие войска по танкам, артиллерии и авиации. Однако в случае необходимости она могла быть значительно больше. Например, годом раньше, когда СССР был готов пойти на открытое вооруженное столкновение с Германией из-за Чехословакии, в боевую готовность были приведены 60 стрелковых и 16 кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 22 отдельные танковые бригады, 17 авиационных бригад и т.д. В августе 1939 года в ходе переговоров с английской и французской миссиями в Москве советская сторона заявила о своей готовности выставить против Германии 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов. Так что силы для удара по немецким войскам в Польше нашлись бы. Другой вопрос, насколько целесообразно было делать это именно в сентябре 1939 года? Насколько необходимо было вступать в лобовое столкновение с Вермахтом именно тогда, когда этого хотели Франция и Англия. Следует подчеркнуть, что общеполитическая ситуация к осени 1939 года была для таких действий СССР неблагоприятна. Развитие событий могло привести к заключению пакта между Германией и западными державами и вступлению их в войну против СССР. Ведь собирались же Англия и Франция, уже находясь в состоянии войны с Германией, посылать войска в Финляндию! Советское наступление на Германию в 1939 году могло реально привести к «крестовому походу» против СССР. Иное дело — в 1940-м!

Главное условие при подготовке такого удара — правильно выбрать время. Общую подготовку следовало бы начать сразу после завершения войны с Финляндией, а конкретнее определиться позже. Планов Германии советское руководство, разумеется, не знало, с планом

«Гельб» ознакомлено не было, но начало боевых действий на Западе 10 мая 1940 года давало своего рода отмашку. Да и вообще, к маю все должно было быть готово. Наиболее же подходящее время для наступления Красной Армии — 1 июня.

Действительно, к этому времени вся германская действующая армия находилась на Западе. Причем не просто находилась, она вела боевые действия, требовавшие колоссального напряжения сил. Все танки и самолеты были на Западном фронте. Немцы выгребли практически все людские резервы. Достаточно сказать, что в распоряжении командования на Востоке, в генерал-губернаторстве (оккупированная немцами часть Польши) и 1-м корпусном округе (Восточная Пруссия) находилось всего 7 пехотных дивизий. Причем это были отнюдь не отборные соединения, а дивизии ландвера, укомплектованные призывниками старших возрастов, и дивизии по охране тыла, находившиеся еще в стадии формирования. Все эти соединения были вооружены устаревшим или трофейным польским оружием, имели ограниченное количество артиллерии (от дивизиона до батареи на дивизию) и транспорта.

Сильно задерживалось и фортификационное строительство на Востоке (противотанковый ров вдоль границы и полевые укрепления). Для этого просто не хватало сил и средств. Их тоже забирал Западный фронт. В дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф.Гальдера, например, 8 апреля 1940 года была сделана следующая запись: «Бронекупола, предназначенные для Восточной Пруссии, пока держать в готовности для использования на Западе».

Таким образом, можно констатировать, что с востока Германия была практически беззащитна.

Ну а какие же силы могла привлечь для наступления Красная Армия? Да все, какие были! Нет смысла в связи с этим подсчитывать, сколько и каких войск имелось в Киевском и Белорусском Особых военных округах. Тем более что по состоянию на 1 июня 1940 года приграничными являлись также Калининский и Ленин-

градский военные округа (Прибалтийского военного округа еще не существовало). К подобной операции могли быть привлечены и соединения, дислоцировавшиеся в непограничных Московском, Орловском и Харьковском военных округах. Безусловно, отягчающим фактором при подготовке такой операции стали последствия советско-финской войны. Потребовалась бы определенная передислокация частей и соединений, принимавших в ней участие. Однако такая передислокация в действительности все равно производилась в связи с подготовкой операции в Прибалтике. Кроме того, часть соединений, участвовавших в боях с финнами, уже к лету 1940 года была возвращена в места постоянной дислокации. Так что ничего невозможного в этом не было.

Впрочем, в известном смысле понесли потери и войска, не участвовавшие в боевых действиях. В наибольшей степени это коснулось танковых частей. Так, например, в ряде танковых бригад нескольких военных округов были сформированы и отправлены на финский фронт семь сводных танковых полков. Причем после окончания войны не все из них вернулись в свои части. К сожалению, полные данные по военным округам на весну 1940 года отсутствуют, но кое-что собрать все-таки удалось. Возьмем хотя бы информацию по танковым бригадам.

На 17 сентября 1939 года в составе Белорусского фронта насчитывалось 8 танковых бригад. По состоянию на май 1940 года их оставалось 6 — 2-я легкотанковая бригада с осени 1939 года находилась в Литве, а 29-я легкотанковая, принимавшая участие в советско-финской войне, обратно в округ не вернулась. В оставшихся шести бригадах насчитывалось около 1100 танков (ни одна из бригад не была укомплектована до штатной численности). В войсках Украинского фронта на начало «освободительного похода» также насчитывалось 8 танковых бригад. К лету 1940 года их осталось столько же. 4-я легкотанковая бригада была передана в состав Одесского военного округа. Формально в его состав бы-

ла передана и 23-я легкотанковая бригада, но весной 1940 года она еще продолжала дислоцироваться на территории Киевского Особого военного округа в г. Стрый. Кроме того, округ пополнился 49-й легкотанковой бригадой. В общей сложности в бригадах Киевского округа насчитывалось около 1300 танков. Таким образом, только в танковых бригадах двух округов имелось около 2400 танков. Но помимо танковых бригад на их территории дислоцировались 1-я Московская мотострелковая и 81-я моторизованная дивизии, в составе которых тоже имелись танки. Сколько — сказать трудно. По штату в моторизованной дивизии полагалось иметь 257 танков. С некоторой уверенностью можно утверждать, что до штата была укомплектована 1-я мотострелковая дивизия, прибывшая в Белоруссию из Московского военного округа. По 81-й моторизованной дивизии данных нет. Танковые полки (64 танка БТ) имелись в составе 10 кавалерийских дивизий обоих округов, а в составе 44 стрелковых дивизий — танковые батальоны численностью от 30 до 52 танков Т-26 каждый. В итоге общая численность танковых частей и соединений Киевского и Белорусского военных округов составляла не менее 5 тыс. единиц.

После окончания советско-финской войны на территории Ленинградского военного округа находилось 7 танковых бригад, три из которых находились в составе войск, введенных в июне 1940 года в Прибалтику. В этих 7 бригадах насчитывалось около 1200 танков, всего в войсках округа не менее 2 тыс. боевых машин.

Общеизвестно, что значительная часть советских танков, особенно изготовленных до 1935 года, была технически неисправна. Но даже если принять количество неисправных машин равным 50%, можно говорить о не менее чем 3 тыс. боеготовых танков. По другим родам войск картина была не хуже, если не лучше.

Что касается Вермахта, то к началу французской кампании 10 мая 1940 года он располагал 3620 танками, из которых боеготовыми были 2597 машин. Но на принятую нами дату — 1 июня — это число было меньше.

Насколько — сказать трудно. Безвозвратные потери Панцерваффе в ходе боев на Западе составили 812 танков. Если считать, что к 1 июня была подбита половина (на самом деле большую часть танков Вермахт потерял в мае), то число боеготовых немецких танков составляет примерно 2100 единиц. Но это на Западе, на Востоке не было ничего.

1 июня 1940 года Красная Армия вошла бы в Польшу и Восточную Пруссию как нож в масло. Для этого, правда, пришлось бы отказаться от операции в Прибалтике. Впрочем, она все равно никуда бы от нас не делась. Кстати, вторжение в Восточную Пруссию лучше всего было осуществлять через территорию Литвы. В ней уже стояла танковая бригада и стрелковая дивизия Красной Армии. Две танковые бригады находились под Вильно, еще две — под Псковом. В сумме это свыше 900 танков!

Если учесть незначительное количество немецких войск на востоке, то можно предположить, что продвижение частей Красной Армии осуществлялось бы с темпами, близкими к темпам «освободительного похода». А может быть, даже с более высокими, учитывая лучшую дорожную сеть в Центральной Польше и уж тем более в Восточной Пруссии. Даже если советские войска продвигались бы с такими же издержками, как и в 1939 году, то в сутки подвижные соединения должны были проходить никак не менее 50 км. Первые части Вермахта, снятые с Западного фронта, могли появиться на Востоке не ранее чем через 5 дней. Такой вывод сделан на основе информации о переброске войск с Востока на Запад, почерпнутой из военного дневника Ф. Гальдера. За это время Красная Армия вышла бы на линию Краков, Лодзь, Данциг. Остановить же продвижение советских войск, перебросив с Запада достаточное количество войск, немцы смогли только у границ рейха. Таким образом, за 7—8 дней Германия могла потерять все завоеванное в 1939 году, да еще и Восточную Пруссию в придачу. Вот уж действительно, «малой кровью, могучим ударом»!

И что же дальше? Можно предположить, что столь решительное вступление СССР в войну могло стимулировать желание Франции продолжать сопротивление. Тем более что немцам пришлось бы как минимум удвоить свои войска на Западе. А это означало бы самый страшный немецкий кошмар — войну на два фронта! Была ли Германия способна вести такую войну в 1940-м? Возможно, особенно с учетом меньшей длины линии фронта, чем, например, в реальном 1944-м. Но ход этой войны был бы совершенно иным. Во-первых, потому, что территория Германии находилась бы под ударом уже в 1940 году. Во-вторых, потому, что, скорее всего, Германия осталась бы без союзников — как-то трудно представить, что Словакия, Венгрия, Румыния и Финляндия ввязались бы в войну при таком раскладе. Италия же, потерпев неизбежное поражение от англичан в Африке, серьезно умерила бы свой пыл. В-третьих, противники Германии, в первую очередь СССР, находились бы в значительно более выгодных условиях. Советский Союз вообще вел бы боевые действия исключительно на чужой территории. Как долго могла Германия вести войну без ресурсов всей Европы (без румынской нефти, например), можно только гадать. Думается, однако, что настроения в самой Германии претерпели бы серьезные изменения.

Ну а если бы Франция все-таки прекратила сопротивление? Что ж, ситуация для СССР стала бы сложнее, так как немцы могли направить на Восточный фронт значительно большее количество войск. Но тем не менее боевые действия все равно велись бы не на нашей территории и совсем при других условиях — без внезапного немецкого нападения. Даже в случае отступления Красной Армии, в пределы СССР война пришла бы не скоро, если бы вообще пришла. А уж об отступлении до Волги не приходится и говорить.

Кстати, в предложенном варианте развития событий, в том случае если европейские державы — Франция, Великобритания и СССР — разбираются с Германией самостоятельно, есть и одно далеко идущее след-

ствии — несколько иная, значительно более скромная, роль США в послевоенном устройстве мира. Даже в том случае, если бы Советский Союз вел войну в одиночку и в нее вступили бы США, то стоит задуматься, где бы Красная Армия встретилась с союзниками, если бы они тянули с высадкой до 1944 года. Да и продолжалась бы война до 1944 года?

Рассматривая вариант 1940 года, необходимо упомянуть еще один сценарий первого советского удара — превентивное наступление осенью, например в сентябре — октябре. Строго говоря, именно оно полностью соответствует определению такого рода действий — упреждению противника в оперативно-стратегическом развертывании. В варианте 1941 года такое развертывание уже было завершено Германией, а в июне 1940 года — еще не было начато. Для Советского Союза ситуация осени 1940 года менее выигрышна, так как боевые действия на Западе уже завершились и некоторая часть соединений Вермахта была переброшена на Восток. Тем не менее советский превентивный удар мог оказаться достаточно эффективным, во всяком случае по сравнению с аналогичным ударом в 1941 году, главным образом потому, что немецкие войска еще не завершили развертывания, а в Красной Армии еще не дошла до абсурда реформа, в особенности в танковых войсках. Опять-таки в этой ситуации было бы спорным участие в войне Румынии и Финляндии. Взаимоотношения Румынии и Германии, например, в 1940 году были сложными (Германия поддержала СССР в его притязаниях на Бессарабию и Северную Буковину), и немцы всерьез рассматривали план вторжения в Румынию и взятия под свой контроль нефтепромыслов.

В любом случае развязывание войны Советским Союзом осенью 1940 года не привело бы к трагическому для нашей страны развитию событий по образцу 1941 года. Даже при относительном неуспехе первого удара война на какое-то время неизбежно переходила бы в позиционную фазу, в ходе которой обе стороны накапливали бы силы. Нанести ответный удар немцы смогли

бы не раньше мая 1941 года. А к этому можно было и подготовиться, при наличии мозгов, конечно.

У читателя, возможно, возникнет вопрос: как же так, ведь во всех рассмотренных вариантах предполагается циничное нарушение Советским Союзом пакта о ненападении с Германией! Как это выглядит с этической точки зрения? Что можно сказать по этому поводу? Политика и этика, вообще-то, плохо сочетаются. Политика, как известно, дело грязное, а война, как ее продолжение — еще грязнее. Да и чего, собственно, стесняться, после того как в августе 1939 года СССР и Германия цинично распределили зоны оккупации в Восточной Европе? Кто сильнее — тот и прав! К тому же пакт о ненападении был нужнее немцам, чем нам. Принято считать, что мы получили передышку. Какую, позвольте спросить? Мы получили войну в 1941 году, на которую, как выяснилось, совсем не рассчитывали. А вот хитрюга Гитлер, благодаря высокоэтичному выполнению Сталиным условий пакта, обезопасил себя с тыла в 1940-м! За что спустя год и поблагодарил! Нет, надо было дать ему пинка в июне 1940 года, а потом разбираться, кто прав, а кто виноват в Силезии, а не под Москвой.

Что можно сказать в заключение? Получается, что на фоне реального нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года просматриваются как минимум три возможных сценария развития событий. Причем все они связаны с возможным нанесением Красной Армией упреждающего удара. При всех возможных отличиях эти сценарии объединяет одно — гораздо более мягкие последствия для СССР. Но, увы, состоялось то, что состоялось. Политик из товарища Сталина был никудышный. С точки зрения способности плести аппаратные интриги, он, безусловно, был вне конкуренции, а вот во всем остальном... Даром предвидения, способностью просчитать ситуацию вперед и принять оптимальное решение он явно не обладал, что наглядно подтверждает рассматриваемый нами случай. Из возможных вариантов вступления Советского Союза во Вторую мировую войну он выбрал наихудший!

ГЕРМАНИЯ В СОВЕТСКОМ ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ В 1940—1941 ГГ.

В конкретных военных приготовлениях СССР ключевое место занимала деятельность Генерального штаба по военному планированию, до сих пор содержащая, к сожалению, значительное количество «белых пятен», что связано с сохранением секретности соответствующих документов 1939—1941 гг. Ныне отечественная историография располагает довольно цельной картиной хода выработки документов военного планирования на стратегическом уровне, однако их содержание, а также связь с планированием на уровне военных округов все еще остаются слабо изученными. Содержание советских военных планов традиционно излагается в отечественной литературе по устоявшейся схеме: планы разрабатывались в ответ на рост германской угрозы и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение ответных контрударов и общий переход в наступление для разгрома противника. В соответствии с этим замыслом армиям прикрытия ставилась задача в течение 10—15 дней обороняться на линии госграницы, не допуская вторжения противника на советскую территорию, и готовиться к переходу в наступление вместе с армиями второго стратегического эшелона¹.

Введенные в последние годы в научный оборот советские дипломатические и военные документы 1939—1941 гг. показывают, что никакие внешнеполитические зигзаги не мешали советскому руководству рассматривать Германию в качестве вероятного противника и тщательно готовиться к войне. С возникновением со-

ветско-германской границы в октябре 1939 г. Генеральный штаб Красной Армии начал разработку плана на случай войны с Германией². Особую интенсивность этот процесс приобрел со второй половины марта 1940 г., и в 1940—1941 гг. было разработано пять вариантов плана оперативного использования Красной Армии в случае войны. Это, конечно, не исключает наличия и других рабочих вариантов, которые все еще не доступны для исследователей, что затрудняет анализ хода выработки этих документов.

Вместе с тем не следует забывать, что опубликованные документы хотя и играли ключевую роль в советском военном планировании, но не исчерпывали его. Во-первых, к этим документам имелся ряд приложений графического и текстуального характера, детализировавших их содержание. Во-вторых, кроме того, имелись записка о порядке стратегического развертывания вооруженных сил (задачи фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РКК по фронтам и армиям; план стратегических перевозок для сосредоточения вооруженных сил на ТВД; планы прикрытия стратегического развертывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, военным сообщениям, ПВО и другие документы. Комплексное исследование всех этих материалов, в совокупности составлявших советский оперативный план, обеспечивающий организованное развертывание и вступление в боевые действия Красной Армии в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций³, все еще остается, к сожалению, неосуществимым. Пока же мы вынуждены ограничиться рассмотрением доступных текстов четырех докладных записок на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, содержащих основные идеи военных планов⁴. Непосредственной разработкой этих документов занимались заместители начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майоры А.М. Василевский (Северное, Северо-Западное

и Западное направления) и А.Ф. Анисов (Юго-Западное и Южное направления)⁵.

Прежде чем переходить к анализу этих документов, следует хотя бы кратко остановиться на хронологии процесса их разработки. Первый вариант документа под условным названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.» был подготовлен к концу июля 1940 г. Относительно его судьбы в литературе имеются две дополняющие друг друга версии. Одни авторы считают, что изменение западных границ СССР в августе 1940 г. и формирование новых соединений Красной Армии потребовало существенной доработки документа. По мнению же других, этот план был доложен наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко, который не одобрил его, поскольку считал, что в нем чрезмерное значение придается группировке противника, расположенной севернее Варшавы и в Восточной Пруссии, и настаивал на более тщательной проработке варианта, когда основные силы противника развернулись бы южнее Варшавы⁶.

Как бы то ни было, к 18 сентября был подготовлен новый вариант плана, который учитывал возможность использования главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки на Северо-Западном или Юго-Западном направлениях. Именно эти варианты развертывания советских войск именуются в историографии соответственно «северным» и «южным». Подобная особенность планирования была своеобразной традицией советского Генштаба, поскольку в 1921—1939 гг. Западный театр военных действий (ТВД) разделялся почти точно посередине бассейном реки Припять. С сентября 1939 г. эта река полностью протекала по территории СССР, но по привычке именно эта линия, экстраполированная далее на запад, делила ТВД на два основных направления. 5 октября 1940 г. этот вариант плана был доложен Сталину и Молотову. В ходе обсуждения Ген-

штабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки на Юго-Западном направлении. В результате было предусмотрено увеличить численность войск Юго-Западного фронта на 31,25% — по дивизиям, на 300% — по танковым бригадам и на 59% — по авиаполкам⁷.

14 октября доработанный «южный» вариант плана был **утвержден в качестве основного**, но при этом было решено «иметь разработанным» и «северный» вариант. Разработку обоих вариантов на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г. Тем самым советские вооруженные силы получили **действующий документ**, на основе которого велось более детальное военное планирование. В Генеральный штаб вызывались командующие войсками, члены Военных советов и начальники штабов военных округов для разработки оперативных документов, которые сразу же утверждались наркомом обороны. Кроме этого документа, советскому руководству докладывались планы боевых действий против Финляндии, Румынии и Турции, что, по мнению их разработчиков, придавало всему оперативному плану необходимую полноту и гибкость, давало возможность действовать в зависимости от конкретной военно-политической обстановки⁸. К сожалению, практически все эти документы остаются секретными, и вряд ли историки в скором времени смогут исследовать их.

Однако разработка военных планов на этом не завершилась. Военное руководство стремилось всесторонне оценить оба варианта действий Красной Армии, заложенных в оперативный план. Для отработки «северного» и «южного» вариантов 2—6 и 8—11 января 1941 г. в Генштабе проводились две оперативно-стратегические игры. В первой игре разыгрывались наступательные действия Красной Армии на Северо-Западном направлении (Восточная Пруссия), а во второй — на Юго-Западном (Южная Польша, Венгрия и Румыния). Оборонительные операции начального периода войны на играх вообще не проигрывались, для сохранения

в тайне основного замысла плана в заданиях сторон просто отмечалось, что «синие» напали, но их отбросили к границе, а на Юго-Западном направлении даже к линии рек Вислы и Дунайца на территории Польши и с этих рубежей уже шла игра. На территории Восточной Пруссии наступление «красных» захлебнулось, а на Юго-Западе они добились значительных успехов, что и привело к отказу от «северного» варианта действий Красной Армии. Тем самым главным направлением советского наступления была определена Южная Польша⁹.

Переработку документов оперативного плана с учетом опыта январских игр возглавил новый начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков. Согласно «Плану разработки оперативных планов» требовалось уточнить документы по «южному» варианту к 22 марта, а по «северному» варианту — к 8 марта 1941 г. К сожалению, не ясно, была ли выполнена эта задача, ибо подготовленный к 11 марта 1941 г. новый вариант плана окончательно закрепил отказ от «северного» варианта и переориентировал основные усилия войск на Юго-Западное направление¹⁰.

Судьба этого варианта плана вызывает в литературе разногласия. Так, Б.Н. Петров отмечает, что 10 апреля 1941 г. была подготовлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов, исходившая из идей, заложенных в плане от 11 марта¹¹. Ю.А. Горьков же указывает, что «по данному варианту плана были подготовлены уточняющие директивы в западные приграничные округа и наркомату ВМФ, но адресатам их не отправили»¹². Однако, как указывает А.М. Василевский, в данном случае вновь применялась вышеотмеченная практика вызова в Москву командующих войсками и начальников штабов округов, которые получили все необходимые указания¹³. Поэтому вывод Ю.А. Горькова, что «уточненному в марте 1941 года плану не был дан ход»¹⁴, без анализа все еще секретных документов военного планирования округов представляется преждевременным.

Как бы то ни было, работа над уточнением оперативного плана продолжалась, и к 15 мая 1941 г. был разработан еще один вариант. Вокруг этого документа в отечественной историографии развернулась дискуссия по вопросу, был ли он утвержден советским политическим руководством. Документальные данные, которые давали бы однозначный ответ на этот вопрос, неизвестны, поэтому основные аргументы дискутирующих сторон опираются на косвенные сведения. Некоторые авторы ссылаются на то, что на этом документе отсутствуют подписи наркома обороны и начальника Генштаба¹⁵. Действительно, отсутствие подписей военных руководителей объяснить трудно, но Ю.А. Горьков отмечает, что «после 1938 г. все оперативные планы, разработанные Генштабом, не имеют подписей наркома и начальника Генштаба (кроме сентябрьского плана 1940 г., подписанного Тимошенко и Мерецковым)»¹⁶. То есть оформление документа от 15 мая 1941 г. вовсе не является чем-то экстраординарным. Можно предположить, что уточнения утвержденного в октябре 1940 г. плана стратегического развертывания оформлялись в рабочем порядке. Сомнения в том, что Сталин был знаком с этим планом, основываются, вероятно, на том факте, что на нем отсутствует какая-либо его резолюция. Но сведения, сообщаемые А.М. Василевским о порядке рассмотрения подобных документов советским руководством, подтверждают, что все указания Сталин давал устно¹⁷.

Основным аргументом сторонников традиционной версии об оборонительных намерениях СССР стали материалы бесед Г.К. Жукова с некоторыми военными историками в 1960-е гг. По свидетельству В.А. Анфилова, в 1965 г. Жуков рассказал ему следующее: «Идея предупредить нападение Германии появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом. Это выступление в обстановке, когда враг сосредоточивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости

разработать директиву, предусматривавшую предупредительный удар. Конкретная задача была поставлена А.М. Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить его Сталину. Но он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам. «Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?» — раздраженно бросил Сталин. Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержащиеся в его выступлении 5 мая... «Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира», — прорычал Сталин. Так была похоронена наша идея о предупредительном ударе...»¹⁸.

В 1966 г. Жуков рассказывал сотруднику Военно-исторического журнала Н.А. Светлишину, что «свою докладную я передал Сталину через его личного секретаря Поскребышева. Мне до сих пор не известны ни дальнейшая судьба этой записки, ни принятое по ней решение Сталина. А преподанный по этому поводу мне урок запомнился навсегда. На следующий день Н.А. Поскребышев, встретивший меня в приемной Сталина, сообщил его реакцию на мою записку. Он сказал, что Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил ему передать мне, чтобы я впредь таких записок «для прокурора» больше не писал, что председатель Совнаркома больше осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет еще достаточно времени для подготовки решительной схватки с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти»¹⁹.

Трудно не заметить полное различие обеих версий, что очень странно: ведь их автором, если верить публикаторам, был один и тот же человек, участник описываемых событий. Особенно неправдоподобной выглядит версия Светлишина. Прежде всего не ясно, почему Жуков передает совершенно секретный, особой важно-

сти документ не самому Сталину, а его секретарю. Мало того, что подобная практика не подтверждается другими материалами, она была прямо запрещена «Инструкцией по разработке, пользованию, учету и хранению совершенно секретных документов особой важности в центральных управлениях Наркомата обороны и в штабах военных округов и армий», введенной в действие приказом наркома обороны № 0023 от 12 апреля 1941 г. Согласно инструкции «совершенно секретными документами особой важности являются оперативные документы, относящиеся к планам оперативного развертывания войск Красной Армии», что подтверждается наличием на документе от 15 мая 1941 г. грифов «совершенно секретно/особой важности». В инструкции было четко указано, что «передача документов на подпись, на доклад и т.п. через третьих лиц (секретарей, адъютантов и т.п.) запрещается. Документы должны передаваться соответствующим должностным лицам из рук в руки»²⁰. Не ясно также, почему Сталин не мог лично сказать Жукову все то, что он якобы передал через Поскребышева, который сообщил генералу об этом в приемной (!?) Сталина.

Более правдоподобна версия Анфилова, но и в ней содержатся явно фальсифицированные сведения. Во-первых, идея предупредить нападение Германии возникла задолго до мая 1941 г. и составляла основу советского военного планирования в 1940—1941 гг. Хотя не исключено, что именно речь Сталина от 5 мая 1941 г. подтолкнула военных подготовить уточняющий документ. Во-вторых, ответ Сталина на это предложение выглядит совершенно ни к месту — при чем тут «провоцирование»? В-третьих, вряд ли стоит сводить смысл речи Сталина к опровержению утверждений зарубежной прессы, которую в СССР явно не читали. Теперь эта речь опубликована²¹, и каждый сам может убедиться в полном расхождении ее содержания и приведенной версии. Единственно, в чем сходятся обе версии, это в отказе Сталина от утверждения этого документа. Думается, что именно это и было целью рассказов Жукова,

являвшегося одним из тех, кто был заинтересован в сокрытии правды о неудавшемся нападении на Германию. К тому же Жуков был не в том положении, чтобы позволить себе сказать правду, хотя бы в силу подписки о неразглашении государственной тайны.

Ю.А. Горьков выдвигает несколько иную версию в обоснование того, что «Советский Союз не готовился к агрессии против Германии в 1941 г.», ссылаясь на «отсутствие решения на начало войны со стороны советского политического руководства и правительства... До настоящего времени документов, подтверждающих наличие такого политического решения, не выявлено»²². К сожалению, авторы, любящие порассуждать о «политическом решении» о начале войны, не спешат точно определить, какой именно документ является «политическим решением». Причем разногласия существуют даже в отношении действий германского руководства. Одни авторы считают, что Гитлер принял политическое решение о начале войны с СССР в июне — июле 1940 г., когда отдал приказ о начале ее планирования, а другие утверждают, что в декабре 1940 г., когда подписал директиву № 21 «План «Барбаросса». Однако известно, что даже приказ Вермахту о нападении на СССР от 10 июня 1941 г. предполагал возможность его отмены, и лишь днем 21 июня войска получили окончательное подтверждение намеченной операции²³. Или, например, действия англо-французского руководства, которое планировало вмешательство в советско-финляндскую войну и удары по Баку и Батуми, но, несмотря на значительную подготовку к осуществлению этих планов, Лондон и Париж так и не приняли «политического решения» начать их реализацию²⁴.

Как справедливо указывает П.Н. Бобылев, «следует различать решение о подготовке к войне и решение о ее начале. Первое могло быть принято задолго до второго»²⁵. Кстати сказать, опыт действий Красной Армии против Польши, Финляндии, стран Прибалтики и Румынии показывает, что первоначально войска получали

приказ, содержащий их боевые задачи и указания о сроке сосредоточения на границе. Конкретная же дата перехода в наступление сообщалась отдельным приказом в последние часы перед его осуществлением. Тем самым у советского руководства буквально до последнего момента оставалась возможность учесть вероятное изменение политической ситуации и не доводить дело до войны. Таким образом, «политическим решением» о **начале войны** может считаться лишь приказ войскам осуществить вторжение. Естественно, что до 22 июня 1941 г. советское военно-политическое руководство не отдавало и не могло отдать Красной Армии такого приказа, а поэтому вся дискуссия по этому вопросу безосновательна.

Наиболее серьезным аргументом в пользу утверждения документа от 15 мая 1941 г., по мнению В.Н. Киселева, В.Д. Данилова и П.Н. Бобылева²⁶, является процесс стратегического сосредоточения и развертывания Красной Армии в соответствии с этим планом и его последующими уточнениями, развернувшийся в апреле — июне 1941 г. Эти события явно говорят в пользу того, что план был утвержден. Правда, момент его утверждения остается неизвестным. Не исключено, что это могло произойти 19 мая 1941 г., когда на приеме у Сталина одновременно были Молотов, Тимошенко, Жуков и его первый заместитель — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин²⁷. Ю.А. Горьков, первым опубликовавший этот документ в российской научной периодике, тоже считает, что план был утвержден и «в начальном периоде войны действия советских войск на советско-германском фронте определялись стратегическим замыслом оперативно-го плана, разработанного в мае 1941 года»²⁸. В другой своей публикации он прямо пишет, что этот план был 15 мая 1941 г. одобрен «политическим руководством государства»²⁹.

Для обсуждения сложившейся обстановки и задач войск западных приграничных округов, вытекавших из этого плана, 24 мая 1941 г. в Кремле состоялось совеща-

ние Сталина и Молотова с Тимошенко, Жуковым, Ватутиным, начальником Главного управления ВВС генерал-лейтенантом П.Ф. Жигаревым, командующими войсками, членами военных советов и командующими ВВС Прибалтийского (ПриБОВО), Западного (ЗапОВО), Киевского (КОВО) особых, Ленинградского (ЛВО) и Одесского (ОдВО) округов. В июне уточнение этого документа продолжалось. 13 июня первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин подготовил справку о развертывании Вооруженных сил СССР на Западном ТВД, уточнявшую состав войск и их распределение по фронтам. В это же время прорабатывалась идея о создании еще одного фронта — Южного, который был образован согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 г.³⁰

Такова обобщенная картина хода советского стратегического планирования 1939—1941 гг. Теперь следует обратиться непосредственно к анализу содержания доступных материалов.

Первые части документов были посвящены оценке вооруженных сил и возможных действий вероятных противников³¹. В качестве таковых фигурировали Германия, Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Турция и Япония, то есть практически все соседи СССР. Разработчики документов предполагали, что против западных границ Советского Союза Германия, Финляндия, Венгрия и Румыния смогут развернуть от 236 до 270 дивизий, более 10 тыс. танков и от 12 до 15 тыс. самолетов. В документе от 15 мая 1941 г. эта часть содержит сведения только по Германии, которая могла развернуть для войны с СССР до 180 дивизий. Вероятно, подобное сокращение связано с тем, что этот документ содержит план боевых действий в основном только против Германии. Для подготовки этой части документов использовались оценочные данные Разведуправления Генштаба, которые были значительно завышенными, поскольку в действительности к 22 июня 1941 г. для войны с СССР были выделены намного меньшие силы (см. таблицу 1).

Таблица 1

**ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ ВЕРОЯТНОЙ ГРУППИРОВКИ
ПРОТИВНИКА И РЕАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ НА 22 ИЮНЯ 1941 г.**

		Июль 1940	Сентябрь 1940	Март 1941	22 июня 1941
Германия	Дивизии	173	173	200	153
	Танки	10 000	10 000	10 000	4 408
	Самолеты	12 000	13 000	10 000	3 909
Финляндия	Дивизии	15	15—18	18	17,5
	Танки	—	—	60	86
	Самолеты	400	400	500	307
Венгрия	Дивизии	15	17	20	2
	Танки	300	300	350	160
	Самолеты	600	600	500	100
Румыния	Дивизии	33	33	33	17,5
	Танки	250	250	400	60
	Самолеты	900	1100	600	423
Всего	Дивизии	236	238—241	271	190
	Танки	10 550	10 550	10 810	4714
	Самолеты	13 900	15 100	11 600	4739

Излагая «вероятные оперативные планы противников», разработчики документов постоянно подчеркивали, что «документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает»³². И далее речь идет лишь о наиболее вероятных предположениях на этот счет.

Намерения Германии оценивались в июльском плане 1940 г. следующим образом. Развернув основные силы к северу от устья реки Сан, она из Восточной Пруссии нанесет «главный удар на Ригу, на Ковно [Каунас],

Вильно [Вильнюс] и далее на Минск». Одновременно в Белоруссии наносятся удары на Барановичи и Минск, а также на Дубно и Броды с целью овладения Западной Украиной. Согласно этому варианту, для нанесения главного удара будет сосредоточено до 130 дивизий, а остальные 50 будут действовать на юге. Однако не исключался и обратный вариант, когда главный удар будет наноситься на Украине, а севернее развернутся вспомогательные действия. В этом случае Вермахт будет развернут в обратной пропорции. Предполагались наступательные действия с территории Румынии на Жмеринку и из Финляндии на Карельском перешейке, а позднее на Кандалякшу и Петрозаводск.

Изложив оба варианта действий Германии, авторы документа делали следующий вывод: «Основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, то есть с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан»³³.

В ходе дальнейшей переработки этой части документа в текст вносились лишь частные изменения относительно направлений развития германских наступательных операций и развертываемых сил. Гораздо более важным являются изменения в оценке основного варианта действий Вооруженных сил Германии. Если в плане от 18 сентября 1940 г. он оставался без изменений, то в плане от 11 марта 1941 г. считалось, что главный удар Вермахта будет нанесен по Украине, а на севере будут наноситься вспомогательные удары на Ригу, Двинск [Даугавпилс], Волковыск и Барановичи, правда, и северный вариант полностью не исключался. Документ от 15 мая 1941 г. исходит уже из вероятности только южного направления главного удара Вермахта³⁴.

Таким образом, оценка намерений противника, за исключением возможного направления главного удара, не претерпела существенных изменений. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях отсутствия конкретных данных о действительных планах Германии подоб-

ные оценки исходили лишь из конфигурации советско-германской границы. По мнению А.В. Шубина, разработчики документов полностью исключали вариант нанесения главного удара Вермахта в Белоруссии, так как предполагали, что Германия готовится к затяжной войне с СССР, на первом этапе которой она будет стремиться захватить Прибалтику и Украину, а уже затем наступать на Москву. «То, что главный удар будет нанесен в центре, казалось стратегическим нонсенсом — ведь тогда придется вести всю кампанию в один сезон, да еще по расходящимся направлениям. Это казалось невероятным»³⁵. Однако прямого документального подтверждения этой довольно логичной версии на сегодня нет, как и ответа на вопрос, на каком основании авторы документов делали вывод о северном или южном направлении главного удара противника. При анализе этих разделов документов постоянно возникает ощущение, что их авторы занимаются простым гаданием. Более того, А.М. Василевский указывает на отсутствие у разработчиков «прямого ответа на основной вопрос — о вероятности нападения на нас фашистской Германии, не говоря уже об определении хотя бы примерных сроков этого нападения»³⁶, что прямо опровергает официальную версию о разработке планов отражения германской агрессии.

Планируя оперативное использование Красной Армии, авторы документов тщательно отработали вопросы ее стратегического развертывания. Документы военного планирования позволяют проследить динамику усиления Западного ТВД, на который предполагалось выделить основные силы советских войск. Согласно июльскому плану 1940 г. для действий на Западе выделялось 68,7% наличных сил сухопутных войск; по сентябрьскому плану — 68,9%; мартовский план 1941 г. предполагал выделение 83,5%, майский — 85,1%, а июньские документы — 79,2% (см. таблицу 2)³⁷. Документы от июля, 18 сентября 1940 г., 15 мая и 13 июня 1941 г. позволяют проследить динамику изменения распределения войск по фронтам (см. таблицу 3).

Таблица 2

ПЛАНИРУЕМАЯ ГРУППИРОВКА КРАСНОЙ АРМИИ НА ЗАПАДНОМ ТВД

Дивизии	Июль 1940 г.		Сентябрь 1940 г.		Март 1941 г.		Май 1941 г.		Июнь 1941 г.	
	Всего	Запад	Всего	Запад	Всего	Запад	Всего	Запад	Всего	Запад
Стрелковые	177	143	177	143	205	171	198	163	198	157
Танковые	18	18	18	16	61	54	61	58	61	51
Моторизован- ные	11	8	11	7	31	27	31	30	31	25
Кавалерийские	20	10	20	10	13	7	13	7	13	7
Всего	226	179	226	176	310	259	303	258	303	240
Танковые бри- гады	24	14	25	15	—	—	—	—	—	—
Авиаполки	237	172	228	159	333	253	218	165	218	159

**ПЛАНИРУЕМАЯ ГРУППИРОВКА ФРОНТОВ
НА ЗАПАДНОМ ТВД**

Фронты	Дивизии	Июль 1940 г.	Сентябрь 1940 г.		Май 1941 г.	Июнь 1941 г.
			«Север- ный»	«Юж- ный»		
Северный фронт	Стрелковые	12	14	14	15	16
	Танковые	—	—	—	4	4
	Моторизо- ванные	—	—	—	2	2
	Всего	12	14	14	21	22
	Танковые бригады	3	3	3	—	—
Северо- Западный фронт*	Стрелковые	31	30	17	17	17
	Танковые	4	4	4	4	4
	Моторизо- ванные	2	2	2	2	2
	Всего	37	36	23	23	23
	Танковые бригады	3	3	2	—	—
Западный фронт*	Стрелковые	56	55	38	35	30
	Танковые	7	7	3	10	14
	Моторизо- ванные	3	3	1	6	7
	Кавалерий- ские	3	3	3	2	2
	Всего	69	68	45	53	53
	Танковые бригады	4	5	4	—	—

Фронты	Дивизии	Июль 1940 г.	Сентябрь 1940 г.		Май 1941 г.	Июнь 1941 г.
			«Север- ный»	«Юж- ный»		
Юго-За- падный фронт*	Стрелковые	44	44	76	88	81
	Танковые	7	7	9	34	25
	Моторизо- ванные	3	3	4	19	12
	Кавалерий- ские	7	7	7	5	5
	Всего	61	61	96	146	123
	Танковые бригады	4	4	5	—	—

*С учетом резерва Главного Командования в тылу фронтов, но без учета центральных армий резерва ГК по документам от 15.05 и 13.06.41 г.

Основная группировка советских войск должна была развернуться в полосе от Балтийского до Черного моря. Динамика изменения в распределении сил по двум стратегическим направлениям представлена в таблице 4, из которой видно, что основная группировка развертывалась на Юго-Западном направлении. В отечественной литературе стало общим местом утверждение, что это произошло в силу неправильного определения советским военно-политическим руководством направления будущего главного удара противника. Однако, как справедливо указал М.А. Гареев, «направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась — и в этом главная ошибка), а применительно совсем к другим способам действий». Однако в случае советского наступления «упомянутый вариант выбора направления сосредоточения основных усилий на Юго-Западном направлении

был вполне обоснован и более выгоден, чем на Западном направлении», поскольку «пролегал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника», тогда как «главный удар на Западном направлении приводил к лобовому столкновению с основными силами германской армии, требовал прорыва укрепленных районов на очень сложной местности»³⁸. «И совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникать, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался»³⁹.

Таблица 4

**ВАРИАНТЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ПО НАПРАВЛЕНИЯМ⁴⁰**

	Июль 1940 г.	Сентябрь, 1940 г.		Май 1941 г.	Июнь 1941 г.
		«Северный»	«Южный»		
Северо-Западное направление					
Дивизии (%)	106 (63,5)	104 (63)	68 (48)	76 (34,2)	76 (38,2)
Танковые бригады (%)	7 (63,6)	7 (63,6)	6 (54,5)	—	—
Авиаполки (%)	94 (61,8)	90 (60,8)	59 (40,1)	34 (27,2)	34 (28,6)
Юго-Западное направление					
Дивизии (%)	61 (36,5)	61 (37)	96 (52)	146 (65,2)	123 (61,8)
Танковые бригады (%)	4 (36,4)	4 (36,4)	5 (45,5)	—	—
Авиаполки (%)	58 (38,2)	58 (39,2)	88 (59,9)	91 (72,8)	85 (71,4)

Какие же задачи возлагались на все эти войска? Согласно документу от июля 1940 г. «основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород [Демблин], Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир». Соответственно войскам Северо-Западного фронта (8-я, 11-я армии, 37 дивизий и 2 бригады) ставилась задача — «по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней».

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 51 дивизия и 4 бригады) должен был «ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта нанести решительное поражение германской армии, сосредоточивающейся в Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно, ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин], совместно с армиями Юго-Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника и также выйти на р. Висла».

Перед войсками Юго-Западного фронта (5-я, 6-я, 12-я, 18-я, 9-я армии, Конно-механизированная группа, 57 дивизий и 4 бригады) ставилась задача «активной обороной в Карпатах и по границе с Румынией прикрыть Западную Украину и Бессарабию, одновременно, ударом с фронта Мосты-Великие, Рава-Русска, Сенява в общем направлении на Люблин, совместно с левофланговой армией Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника, выйти и закрепиться на среднем течении р. Висла»⁴¹.

Согласно плану от 18 сентября 1940 г. «главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) (так в тексте. —

"СЕВЕРНЫЙ" вариант (1940 г.)

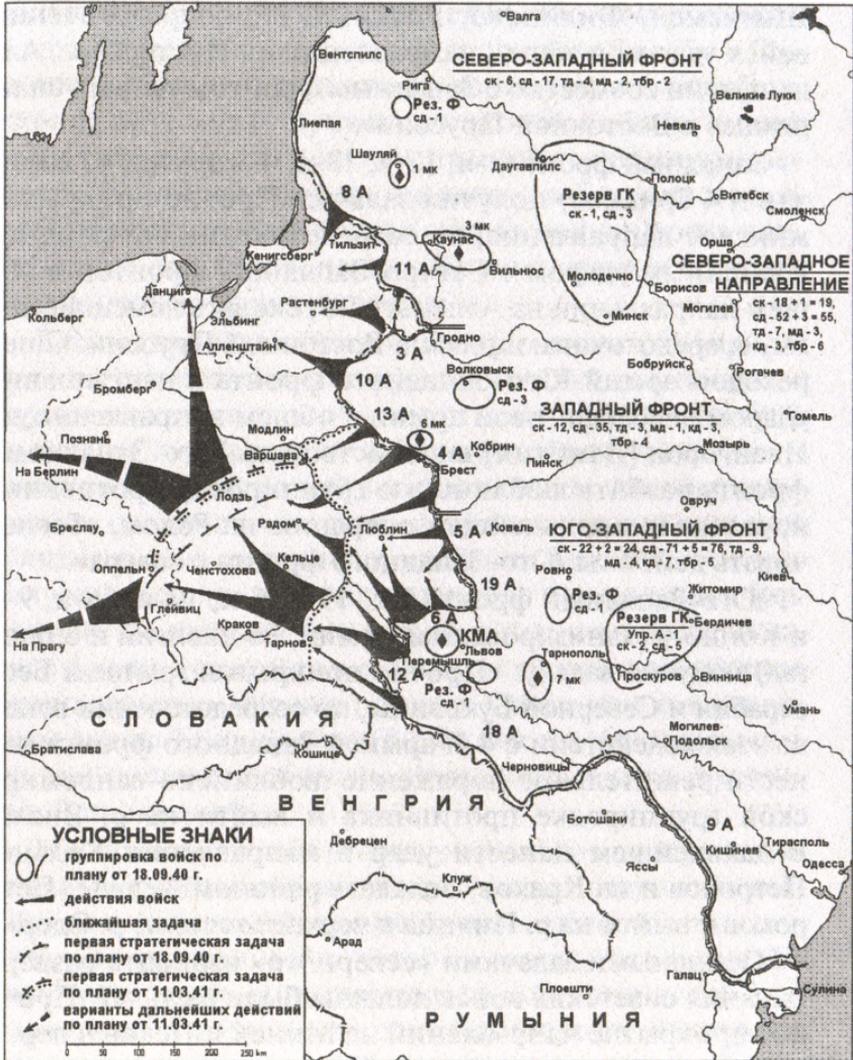
М.М.) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней».

Надо отметить, что, излагая два варианта использования Красной Армии, авторы документа подчеркивают, что именно «южный» вариант является основным. Интересно также обоснование этого вывода: «Удар наших сил в направлении Краков, Братислава, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши».

Общая задача Красной Армии на Западе была сформулирована следующим образом: «1. Активной обороной прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск; 2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер; 3. В процессе операции прочно прикрывать границы Северной Буковины и Бессарабии; 4. Активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом минское и псковское направления».

Соответствующие задачи получили и фронты. Северо-Западному фронту (8-я, 11-я армии, 23 дивизии и 2 бригады) были поставлены задачи: «1. Обороняя побережье Балтийского моря, совместно с Балтфлотом не допустить высадки морских десантов противника; 2. Прочно прикрывать минское и псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев

"ЮЖНЫЙ" вариант (1940-1941 гг.)

на нашу территорию; 3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки; 4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстербург, Алленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии».

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 42 дивизии и 4 бригады) получил задачу: «Прочно прикрывая минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин] способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера».

Юго-Западный фронт (5-я, 19-я, 6-я, 12-я, 18-я, 9-я и Конно-механизированная армии, 96 дивизий и 5 бригад) получил задачу: «Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлении Кельце, Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце, Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер».

Основными задачами «северного» варианта развертывания советских войск должны были быть: «1. Прочное прикрытие направлений на Минск и Псков в период сосредоточения войск. 2. Нанесение решительного поражения главным силам германской армии, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии, и захват последней. 3. Вспомогательным ударом от Львова не только прочно прикрыть Западную Украину, Северную Буко-

вину и Бессарабию, но и нанести поражение группировке противника в районе Люблин, Грубешов, Томашев». Разработчики документа подчеркивали, что «разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и прежде всего политическое значение для Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией». Однако «возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст надежного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит выступление Балканских стран в войну против нас». Основные задачи фронтов оставались такими же, как и в предыдущем варианте плана⁴².

В вышеприведенных документах войска Северного фронта, развертываемого против Финляндии, получали ограниченные задачи обеспечить оборону Ленинграда, прикрыть Мурманскую железную дорогу и удержать «полное господство в Финском заливе». Авторы документов предполагали, что «вступление в войну одной Финляндии маловероятно, наиболее действителен случай одновременного участия в войне Финляндии с Германией», и считали, что «наши действия на северо-западе должны свестись в основном к активной обороне наших границ». Правда, задачи Северного и Краснознаменного Балтийского (КБФ) флотов свидетельствуют, что «активная оборона» предполагалась на территории Финляндии⁴³.

Мы позволили себе столь пространное цитирование, поскольку этот материал демонстрирует отсутствие всякой связи действий Красной Армии с возможными действиями противника, о которых говорилось выше. Из документа четко вырисовывается действительный сценарий начала войны, положенный в основу планирования: под прикрытием войск западных военных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, ведя одновременно частные наступательные операции, завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее наступление по

всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по Южной Польше. Немецкие войска, как и в первом варианте плана, обозначены термином «сосредоточивающиеся», а значит, инициатива начала войны будет исходить полностью от советской стороны, которая первой начинает и заканчивает развертывание войск на театре военных действий. Этот вывод подтверждается прямым указанием в документе, что в случае сосредоточения основных сил на Северо-Западном направлении «при условии работы железных дорог в полном соответствии с планом перевозок, днем перехода в общее наступление должен быть установлен 25-й день от начала мобилизации, то есть 20-й день от начала сосредоточения войск»⁴⁴. То есть переход в наступление связан не с ситуацией на фронте, а с завершением сосредоточения Красной Армии. По мнению А.В. Шубина, «вся операция [была] рассчитана на то, что нам противостоит не оборонительная группировка, а две наступательные, уже выгрузившиеся в районах сосредоточения, но еще не полностью готовые к действиям. Удар по сосредотачивающейся наступательной группировке — самый сокрушительный»⁴⁵.

Широко распространенное мнение о том, что СССР сначала ждал нападения врага, а уже потом планировал наступление, не учитывает того, что в этом случае стратегическая инициатива фактически добровольно отдавалась бы в руки противника, а советские войска ставились бы в заведомо невыгодные условия. Тем более что сам переход от обороны к наступлению, столь простой в абстракции, является очень сложным процессом, требующим тщательной и всесторонней подготовки, которая должна была начинаться с оборудования четырех оборонительных рубежей на 150-км глубину. Но ничего подобного до начала войны не делалось, и вряд ли стоит всерьез отстаивать тезис о том, что Красная Армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да еще при внезапном нападении противника, которое советскими планами вообще не предусматривалось. Ведь «отражать агрессию мыслилось путем ведения на

главных направлениях стратегических (фронтовых) наступательных операций»⁴⁶. Кроме того, неясно, зачем надо планировать наступательные операции, если войскам предстоит оборона от нападающего противника. Ведь никто не знает, как сложится ситуация на фронте в ходе оборонительной операции, где окажутся наши войска, в каком они будут состоянии и т.п. К тому же ожидание нападения противника не позволит своевременно провести мобилизацию, что, соответственно, делает невозможным осуществление всех этих планов.

Не следует забывать, что при разработке проблем начального периода войны внимание советской военной науки на протяжении всего межвоенного периода «было сосредоточено на том, чтобы с началом войны ввести свои главные силы в сражение раньше своего противника и в более выгодных условиях, надежно захватить стратегическую инициативу. Решение этой задачи могли обеспечить: создание сильных армий мирного времени, которые могли бы составить ядро главных сил; заблаговременная всесторонняя подготовка инфраструктуры, особенно железных и автомобильных дорог, позволяющая своевременно осуществить развертывание главных сил; детальная разработка плана мобилизации, сосредоточения и оперативно-стратегического развертывания; создание соответствующих органов управления этими процессами; формирование и сосредоточение в районе границы специальных мотомеханизированных и авиационных соединений, призванных с началом военных действий сорвать мобилизацию и сосредоточение главных сил противника; инженерное оборудование ТВД; подготовка системы ПВО территории страны; организация прикрытия Государственной границы для беспрепятственного проведения мобилизации, сосредоточения и развертывания войск; заблаговременное, скрытое проведение частичной мобилизации и сосредоточения войск»⁴⁷. Как известно, эти меры последовательно проводились в предвоенный период, что лишний раз проверяет версию об исключительно оборонительных

намерениях советского военно-политического руководства.

Поскольку в документах были подробно расписаны именно наступательные операции советских войск, говорить об ответных действиях Красной Армии не представляется возможным. Содержание этих документов лишний раз показывает, что действия войск по прикрытию в период сосредоточения и развертывания не связаны обязательно с отражением нападения противника, а являются своего рода боевым охранением сосредоточивающихся войск. Кроме того, не следует забывать, что операции по прикрытию предпринимались Красной Армией осенью 1939 г. при сосредоточении войск для нападения на Польшу и Финляндию и летом 1940 г. для действий против Прибалтийских стран и Румынии.

В плане от 11 марта 1941 г. был окончательно закреплён отказ от «северного» варианта, поскольку «развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»⁴⁸, и основное внимание уделялось дальнейшей отработке «южного» варианта. В этом документе отмечалось, что «наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый этап войны отрезать Германию от балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на балканские страны в вопросах участия их в войне против нас»⁴⁹. Как указывает С.Н. Михалев, в этом плане «стратегическая наступательная операция советских войск на Западном театре получила четкое оформление. Замысел ее предусматривал: 1) прочной (видимо, активной. — М.М.) обороной сковать силы противника на флангах на участках Мемель, Остроленка и вдоль границ с Венгрией и Румынией; 2) главными си-

лами Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Западного фронта нанести удар с целью решительного поражения люблинско-радомско-сандомирской группировки противника, овладеть Краковом и Варшавой и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Опельн»⁵⁰. «Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено — развитие операции через Познань на Берлин или действия на юго-запад на Прагу и Вену или удар на север на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии»⁵¹.

Благодаря исследованию С.Н. Михалева мы имеем возможность познакомиться с задачами Западного и Юго-Западного фронтов по этому плану. Западному фронту «предстояло ударом левым крылом в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту в разгроме противника в районе Люблина, а для обеспечения действий на главном направлении нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, овладеть ею и «вынести оборону» на р. Нарев. Ближайшей задачей фронта являлось овладение районами Седлец, Луков и захват переправ через р. Висла. В дальнейшем имелись в виду действия в направлении Радом с целью окружения люблинской группировки противника во взаимодействии с Юго-Западным фронтом».

Юго-Западному фронту была поставлена задача «концентрическим ударом армий правого крыла во взаимодействии с Западным фронтом окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла с одновременным выносом действий подвижной группы (механизированных корпусов два) на западный берег р. Висла для овладения Кельце. Главными силами фронта по завершении разгрома люблинской группировки на десятый день операции быть готовым к форсированию р. Висла. Одновременно левым крылом главной группировки нанести удар на краковском направлении и, развивая успех силами подвижных групп (механизированных корпусов четыре), на восьмой день

операции овладеть Краковом, на десятый день операции главные силы этой группировки вывести в район Мехув — Краков — Тарнув»⁵².

Вышеприведенный материал однозначно свидетельствует о продолжении отработки наступательных операций советских войск. Высказанное в литературе мнение о том, что «план от 11 марта 1941 г. является самым точным итоговым выражением общепринятых взглядов и наиболее точно отражает персональную позицию Сталина», можно принять лишь частично. Действительно, в этом документе изложена квинтэссенция «общепринятых взглядов» советского руководства на начало войны, но он не был итоговым, поскольку процесс разработки советского оперативного плана продолжался. Версия о том, что «в основу документа была положена оборонительная стратегия»⁵³, не имеет никакого основания. Дело в том, что в нем было четко указано: «**Наступление начать 12.6**»⁵⁴. Точный срок начала наступления, как известно, определяется стороной, которая планирует располагать инициативой начала боевых действий. Правда, этот срок не был выдержан, но его появление в документе очень показательное, как и то, что это единственный документ советского военного планирования, который опубликован в новейшем документальном сборнике в извлечении⁵⁵.

Уточнение задач советских войск нашло свое дальнейшее развитие в документе от 15 мая 1941 г. В нем впервые открыто и четко сформулирована мысль, что Красная Армия должна «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск». Эта мысль, как мы видели выше, в скрытой форме присутствовала во всех предыдущих вариантах плана. Естественно, что разработчики этого документа говорят о возможности нападения Германии на СССР лишь предположительно⁵⁶.

Войскам Красной Армии ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало «первой

стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест — Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижов, Лютовиска силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона».

Термин «активная оборона» не должен вводить в заблуждение, так как он означал совокупность оборонительных и наступательных операций. Поскольку в документе неоднократно подчеркивается, что именно Красная Армия будет инициатором военных действий, этот термин, скорее всего, скрывает частные наступательные операции для сковывания противника.

Фронты получили следующие задачи. Северный фронт (14-я, 7-я, 23-я армии, 21 дивизия) должен был обеспечить оборону «г. Ленинграда, порта Мурманск,

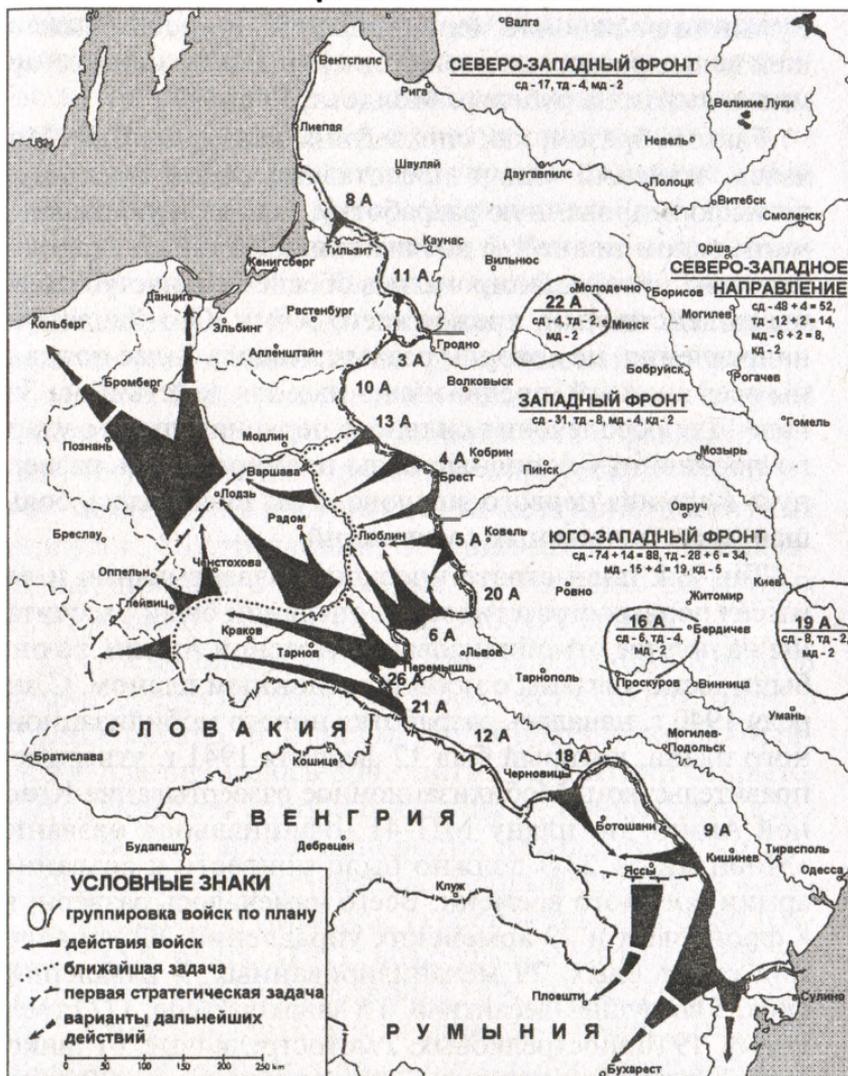
Кировской желдороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива». Правда, остается неясно, как могли сухопутные войска обеспечить господство в заливе без оккупации южной части Финляндии.

Северо-Западный фронт (8-я, 11-я, 27-я армии, 23 дивизии) должен был «упорной обороной прочно прикрывать Рижское и Виленское направления, не допустив вторжения противника из Восточной Пруссии; обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника». Правда, как отмечают авторы новейшего военно-исторического труда, войскам Северо-Западного фронта и двум армиям правого крыла Западного фронта «предписывалось при благоприятных условиях перейти в наступление, овладеть районом Сувалки, нанести удар на Инстербург и Алленштейн, сковав тем самым силы противника» в Восточной Пруссии⁵⁷.

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 45 дивизий) должен был «упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом, разбить варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить люблинско-радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом».

Юго-Западный фронт (5-я, 20-я, 6-я, 26-я, 21-я, 12-я, 18-я, 9-я армии, 122 дивизии) имел ближайшими задачами: «а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблина; б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на краковском и сандомирско-келецком направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-

Вариант от 15 мая 1941 г.

западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии; в) прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев[ерное] крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы»⁵⁸.

Таким образом, как справедливо указывает С.Н. Михалев, майский «план представлял собой несколько трансформированную разработку, заложенную ранее» в мартовском плане⁵⁹, а достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями, прежде всего войск Юго-Западного направления, на котором разворачивалось более половины всех дивизий, предназначенных для действий на Западе. Для обеспечения сильного первоначального удара по противнику основные силы планировалось развернуть в армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений.

Так как план стратегического развертывания и замысел первых стратегических операций были рассчитаны на полное отмобилизование Красной Армии, то они были тесно увязаны с мобилизационным планом. С апреля 1940 г. началась разработка нового мобилизационного плана, который был 12 февраля 1941 г. утвержден правительством. Мобилизационное развертывание Красной Армии по плану МП-41 (официальное название «Мобплан № 23») должно было привести к созданию армии военного времени. Всего намечалось развернуть 8 фронтовых и 29 армейских управлений, 62 управления стрелковых, 29 механизированных, 4 кавалерийских, 5 воздушно-десантных и 8 авиакорпусов, 177 стрелковых, 19 горнострелковых, 2 мотострелковые, 61 танковую, 31 моторизованную, 13 кавалерийских и 79 авиационных дивизий, 3 стрелковые, 10 противотанковых артиллерийских бригад и 72 артполка РКК, а также соответствующее количество тыловых частей. После мобилизации численность Вооруженных сил СССР долж-

на была составить 8,9 млн человек, войска должны были иметь 106,7 тыс. орудий и минометов, до 37 тыс. танков, 22,2 тыс. боевых самолетов, 10,7 тыс. бронев-автомобилей, около 91 тыс. тракторов и 595 тыс. автома-шин.

Большая часть этих войск уже была сформирована или заканчивала формирование, поскольку по приня-той летом 1939 г. системе мобилизационного разверты-вания количество частей и соединений доводилось до уровня военного времени, что упрощало процесс моби-лизации, сокращало его сроки и должно было способ-ствовать более высокой степени боеспособности отмо-билизированных войск. Главная «особенность военного строительства в эти годы состояла в том, что проходило скрытое мобилизационное развертывание воору-женных сил»⁶⁰. Только во второй половине 1940 г. — первой половине 1941 г. было сформировано 18 управлений ар-мий, 16 управлений стрелковых корпусов, 29 управле-ний мехкорпусов, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 86 стрелковых, 61 танковая и 31 моторизо-ванная дивизии, 2 стрелковые, 10 воздушно-десантных и 10 противотанковых артиллерийских бригад.

Согласно плану МП-41 отмобилизование Красной Армии предусматривалось произвести поэшелонно в течение месяца. В зависимости от обстановки мобили-зацию планировалось проводить скрытно или открыто. Метод скрытого отмобилизования был разработан в де-талях. Войска армий прикрытия планировалось отмо-билизировывать в два эшелона. Первый эшелон, в кото-рый входили 114 дивизий, укрепрайоны на новой гра-нице, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС и 34 артполка РКК, должен был завер-шить отмобилизование в течение 2—6 часов с момента объявления мобилизации. Сокращение срока мобили-зации достигалось за счет призыва личного состава и автотранспорта из близлежащих районов. Остальные войска приграничных округов заканчивали отмоби-лизование на 2—4-е сутки мобилизации, используя при-

писной состав со всей территории округов и из глубины страны.

Прочие войска завершали отмобилизацию на 8—15-е сутки, а запасные части и стационарные госпитали — на 16—30-е сутки. Отмобилизацию ВВС завершалось на 3—4-е сутки, причем боевые части и обслуживающие их тылы приводились в боевую готовность уже через 2—4 часа после начала мобилизации. Войска ПВО отмобилизовывались в два эшелона. Первый имел постоянную готовность до 2 часов, а второй развертывался на 1—2-е сутки мобилизации. Развертывание вновь формируемых частей предусматривалось завершить на 3—5-е сутки. Таким образом, из 303 дивизий Красной Армии 172 имели сроки полной готовности на 2—4-е сутки, 60 дивизий — на 4—5-е сутки, а остальные — на 6—10-е сутки мобилизации. Все остальные боевые части, фронтовые тылы и военно-учебные заведения отмобилизовывались на 8—15-е сутки. Полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось на 15—30-е сутки, основная же часть войск развертывалась примерно на 10—15-е сутки⁶¹.

Важной проблемой вступления Красной Армии в войну был вопрос прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск. Планы прикрытия западных приграничных округов были разработаны в мае — июне 1941 г. на основании директив наркома обороны, направленных 5 мая командованию ЗапОВО и КОВО, 6 мая — ОдВО, а 14 мая — ЛВО и ПрибОВО⁶². Запланированная группировка войск западных приграничных округов накрытие (см. таблицу 5) включала 15 армий, в состав которых выделялось 107 дивизий и 2 бригады, в резерве фронтов оставалась 51 дивизия, а в распоряжении Главного Командования — 8 дивизий⁶³. По мнению В.А. Анфилова, Б.Н. Петрова и В.А. Семидетко, такая группировка была более приспособлена к наступлению, чем к обороне⁶⁴, что не могло не сказаться в случае нападения противника, поскольку, как справедливо указывает М.А. Гареев, «невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что войска погра-

ничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развертывания войск»⁶⁵.

Таблица 5

**ПЛАНИРУЕМАЯ ГРУППИРОВКА ВОЙСК ОКРУГОВ
НА ПРИКРЫТИЕ**

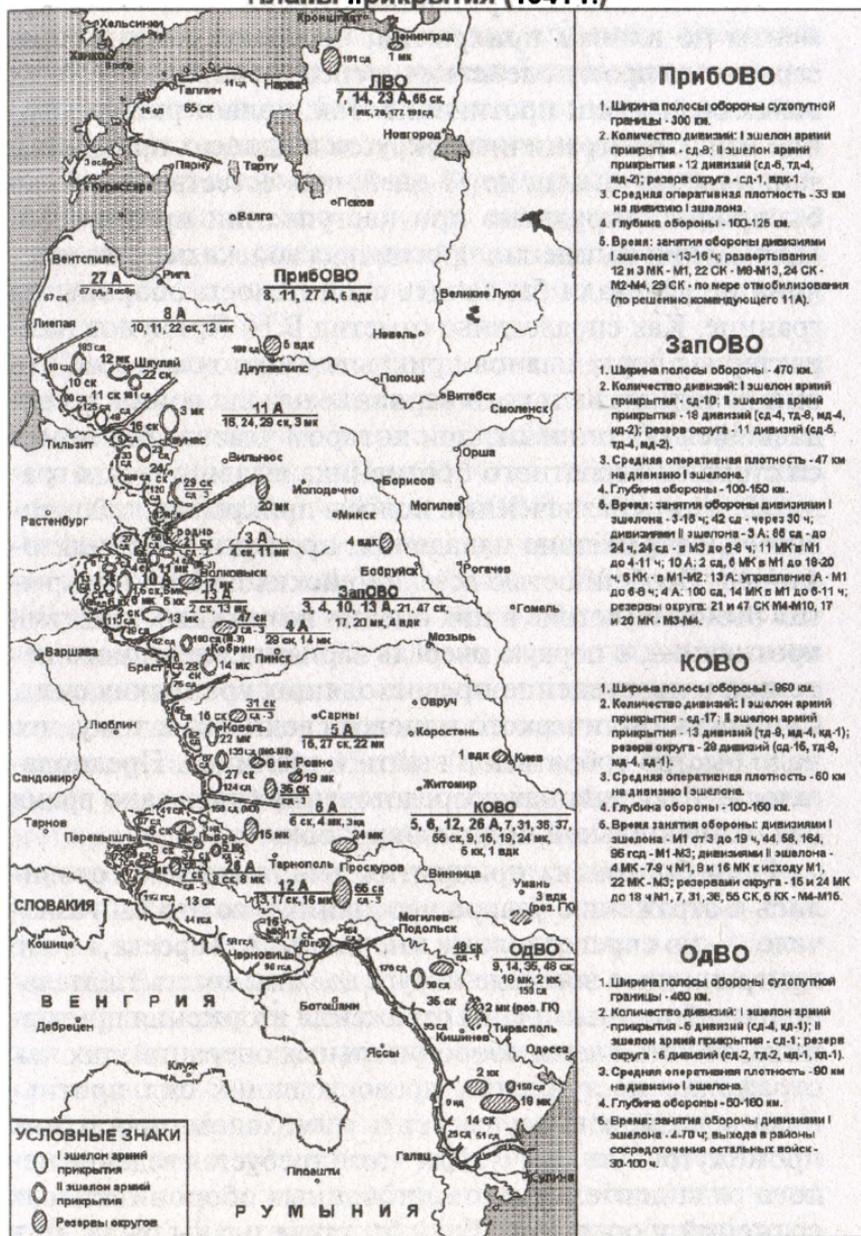
	ЛВО	ПриОВО	ЗапОВО	КОВО	ОдВО	Всего
Армии прикры- тия	сд — 14 тд — 3 мд — 1 сбр — 1	сд — 16 тд — 4 мд — 2 сбр — 1	сд — 14 тд — 8 мд — 4 кд — 2	сд — 17 тд — 8 мд — 4 кд — 1	сд — 7 кд — 2	сд — 68 тд — 23 мд — 11 кд — 5 сбр — 2
Резервы округов	сд — 3 тд — 1 мд — 1	сд — 1	сд — 5 тд — 4 мд — 2	сд — 15 тд — 8 мд — 4 кд — 1	сд — 2 тд — 2 мд — 1 кд — 1	сд — 26 тд — 15 мд — 8 кд — 2
Резерв Главного Коман- дования	—	—	сд — 5	—	тд — 2 мд — 1	сд — 5 тд — 2 мд — 1
Итого	сд — 17 тд — 4 мд — 2 сбр — 1	сд — 17 тд — 4 мд — 2 сбр — 1	сд — 24 тд — 12 мд — 6 кд — 2	сд — 32 тд — 16 мд — 8 кд — 2	сд — 9 тд — 4 мд — 2 кд — 3	сд — 99 тд — 40 мд — 20 кд — 7 сбр — 2

Частично опубликованные в 1996 г. разработанные в мае — июне 1941 г. планы прикрытия западных приграничных военных округов Ю.А. Горьков и Ю.Н. Семин отмечают, что эти документы «грешат формализмом, отсутствием точной оценки противника, определения соотношения сил и средств. Не были разработаны варианты и способы боевых действий»⁶⁶. Гораздо более детально были распланированы действия ВВС, которым, согласно директивам наркома обороны, были поставлены задачи «активными действиями... завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным желез-

нодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника». Господство в воздухе с первых дней войны следовало завоевать «внезапным ударом по авиации противника на его аэродромах и путем нанесения максимальных потерь в воздушных боях». Понятно, что наиболее эффективным для разгрома авиации противника был бы первый удар по местам ее базирования. Поэтому, после того как ВВС округов «сосредоточатся, а аэродромная сеть противника будет вскрыта, необходимо приступить к решительному уничтожению авиации противника» и других объектов в 200-км приграничной полосе⁶⁷.

Ввод этих планов в действие вовсе не совпадал с нападением противника. Так, в них подчеркивается, что «первый перелет и переход границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования»⁶⁸. То есть инициатива этого действия будет исходить от Москвы. В плане прикрытия ПриОВО отмечалось, что «цель разведки — с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление»⁶⁹. Это еще раз подтверждает, что ввод в действие планов прикрытия зависел не от действий противника, а от решения советского командования. По справедливому мнению М.А. Гареева, «накануне войны в какой-то момент было упущено из виду то важнейшее обстоятельство, что в случае начала военных действий и в политическом и в военном отношении нельзя исходить только из собственных пожеланий и побуждений, не учитывая, что противник будет стремиться делать все так и тогда, когда это удобно и выгодно ему»⁷⁰, а «идея непременно перенесения войны с самого ее начала на территорию противника... настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически исключалась. Конечно, это отрицательно сказалось на подготовке не

Планы прикрытия (1941 г.)

ПриОВО

1. Ширина полосы обороны сухопутной границы - 300 км.
2. Количество дивизий: I эшелон армий прикрытия - 12 дивизий (сд-6, тд-4, мд-2); резерв округа - сд-1, вадк-1.
3. Средняя оперативная плотность - 33 км на дивизию I эшелона.
4. Глубина обороны - 100-125 км.
5. Время занятия обороны дивизиями I эшелона - 10-16 ч; развертывания 12 и 3 МК - М1, 22 СК - М8-М13, 24 СК - М2-М4, 29 СК - по мере отбуксирования (по решению командующего 11А).

ЗапОВО

1. Ширина полосы обороны - 470 км.
2. Количество дивизий: I эшелон армий прикрытия - 18 дивизий (сд-4, тд-8, мд-4, мд-2); резерв округа - 11 дивизий (сд-6, тд-4, мд-2).
3. Средняя оперативная плотность - 47 км на дивизию I эшелона.
4. Глубина обороны - 100-150 км.
5. Время занятия обороны дивизиями I эшелона - 3-19 ч; 42 ск - через 30 ч; дивизионы I эшелона - 3 А: 65 ск - до 24 ч, 24 ск - в М3 до 9-9 ч; 11 МК в М1 до 4-11 ч; 10 А: 2 ск, 6 МК в М1 до 18-20 ч, 8 МК - в М1-М2; 13 А: удержание А - М1 до 6-8 ч; А: 100 ск, 14 МК в М1 до 6-11 ч; резервы округа: 21 и 47 СК М4-М10, 17 и 20 МК - М3-М4.

КОВО

1. Ширина полосы обороны - 860 км.
2. Количество дивизий: I эшелон армий прикрытия - сд-17; II эшелон армий прикрытия - 13 дивизий (тд-8, мд-4, мд-1); резерв округа - 29 дивизий (сд-16, тд-9, мд-4, мд-1).
3. Средняя оперативная плотность - 60 км на дивизию I эшелона.
4. Глубина обороны - 100-160 км.
5. Время занятия обороны дивизиями I эшелона - М1 от 3 до 19 ч, 44, 56, 164, 96 гсд - М1-М3; дивизионы II эшелона - 4 МК - 7-9 ч М1, 9 и 16 МК к исходу М1, 22 МК - М3; резервы округа - 16 и 24 МК до 18 ч М1, 7, 31, 36, 55 СК, 6 СК - М4-М16.

ОдВО

1. Ширина полосы обороны сухопутной границы - 460 км.
2. Количество дивизий: I эшелон армий прикрытия - 6 дивизий (сд-4, мд-1); II эшелон армий прикрытия - сд-1; резерв округа - 6 дивизий (сд-2, тд-2, мд-1, мд-1).
3. Средняя оперативная плотность - 80 км на дивизию I эшелона.
4. Глубина обороны - 80-100 км.
5. Время занятия обороны дивизиями I эшелона - 4-7 ч; выхода в районы сосредоточения остальных войск - 30-100 ч.

только обороны, но и в целом театров военных действий в глубине своей территории»⁷¹.

Этот вывод подтверждают и опубликованные документы по планам прикрытия, не предусматривавшие серьезного противодействия сосредоточению советских войск со стороны противника. Так, полное развертывание войск приграничных округов в полосах прикрытия занимало по планам до 15 дней, что, естественно, было бы крайне затруднено при наступлении противника. Причем при нападении противника войска первого эшелона не успевали бы занять свои полосы обороны на границе. Как справедливо отметил В.П. Крикунов, «характерная черта планов прикрытия состояла в том, что они исходили из такого варианта начала войны и создавшейся обстановки, при котором удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести от мобилизацию... Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного перехода в наступление превосходящих вражеских сил... Сущность тактического маневра сводилась к тому, что надо быстро собраться и выйти к границе... Предполагалось, что в районах сосредоточения будет дано время для окончательной подготовки к бою»⁷².

Если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это бы означало, — по справедливому мнению М.А. Гареева, — что приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы груп-

пировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах»⁷³.

Поскольку ведение оборонительных операций не предусматривалось, войска первого эшелона армий прикрытия получили чрезмерно широкие полосы прикрытия на границе. Так, в ПриОВО на дивизию приходилось 33 км, в ЗапОВО — 47 км, в КОВО — 50 км, в ОдВО — 90 км. Это не предусматривалось никакими нормами, согласно которым ширина фронта обороны дивизии должна была составлять 8—10 км. Полосы армий составляли в среднем 170—176 км вместо 80—100 км по предвоенным взглядам, столь же растянутыми были и полосы прикрытия стрелковых корпусов (84—92 км вместо уставных 20—25 км). Как отметил В.Б. Маковский, «планами предусматривалось относительно равномерное построение войск прикрытия... Такое построение войск первого стратегического эшелона при внезапном нападении противника создает условия разгрома их по частям, как это и произошло в последующем»⁷⁴. Естественно, что в этих условиях «способность армий прикрытия обеспечить войска от возможного внезапного удара противника в оперативно-стратегическом масштабе являлась сомнительной, так как решению этой задачи должны были предшествовать мероприятия по оперативному развертыванию армий прикрытия и инженерному оборудованию оборонительных рубежей»⁷⁵. Конечно, создание тыловых оборонительных рубежей, предусмотренное этими планами, было бы невозможно в случае вражеского удара. Кроме того,

если советские войска действительно готовились к проведению оборонительных операций, неясно, что мешало создать эти рубежи, например, весной 1941 г.

Не следует забывать, что планирование операций западных приграничных округов на прикрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания войск происходило в соответствии с планом от 15 мая 1941 г. В нем была четко указана цель этих мероприятий, осуществлявшихся «для того, чтобы обезопасить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и **подготовку их к переходу в наступление**» (выделено мной. — М.М.). Поэтому следовало, во-первых, «организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе», а во-вторых, «разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО». Согласно майским директивам наркома обороны «разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью» заканчивалась к 1 июня 1941 г., но позднее этот срок был отодвинут, и планы прикрытия округов поступили на утверждение в Генштаб 6—19 июня 1941 г.⁷⁶ Поскольку оборонительные операции не планировались, в директивах и планах прикрытия дана установка: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»⁷⁷.

Ставя войскам приграничных округов задачу по нанесению ударов по противнику, советское военное руководство должно было отдать приказ на подготовку этих операций. Подтверждением этому служит вышеупомянутая директива наркома обороны и начальника Генштаба командующему ЗапОВО от 10 апреля 1941 г., согласно которой в соответствии со стратегическим планом Северо-Западный фронт должен был «упорной

обороной прикрыть Рижское и Ковно-Виленское направления». Юго-Западному фронту ставилась задача «ударом армий правого крыла фронта во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта окружить и уничтожить группировку противника восточнее р. Висла», рубежа которой предполагалось достичь на 10-й день наступления.

Войска Западного фронта должны были: «1. В период отмотивизованя и сосредоточения войск — упорной обороной, опираясь на укрепленные районы, прочно прикрыть наши границы и не допустить вторжения противника на нашу территорию. 2. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта разбить Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта — овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла; в дальнейшем иметь в виду действия на Радом с целью полного окружения Люблинской группировки противника, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом. 3. Для обеспечения главного удара фронта нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, с задачей захватить Варшаву и вынести оборону на р. Нарев. 4. Упорной обороной армий правого крыла фронта на участке р. Неман, Щучин, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Волковыско-Барановическое направления».

Соответствующие задачи получили и армии Западного фронта. Так, 3-я армия должна была «обороной на фронте р. Неман, Щучин, Кольно прочно прикрыть Гродно и направления на Лида и на Белосток и Волковыск». 10-й армии следовало «прочной обороной фронта иск. Кольно, Новогруд до р. Буг, прикрыть Белостокское направление. С выдвигением левофланговых армий фронта к р. Висла, оборону левого крыла армии вынести на р. Нарев и закрепить восточный его берег за собой». 13-я армия получила задачу «одновременно с 4-й армией фронта нанести удар силами не менее семи стрелковых дивизий и двух мехкорпусов в направлении на Коссов, Воломин, с целью — выходом к р. Висла обеспечить с севера удар 4-й армии на Седлец, Люблин; в

дальнейшем — действиями с севера стремиться овладеть Варшавой, действия мехкорпусов, с выходом на р. Висла, перенести на юг для содействия 4-й армии». В свою очередь, 4-я армия должна была, «нанося удар в направлении Дрохичин, Седльце (Седлец), Гарволин, форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и подвижными частями овладеть — на 3-й день операции Седлец и на 5-й день операции переправами на р. Висла, главными силами на 8-й день выйти на р. Висла, в готовности форсировать ее. В дальнейшем иметь в виду действия на Радом».

Вместе с тем следовало, «учитывая возможность перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения, прикрытие границы организовать на фронте всех армий по типу прочной, постепенно усиливающейся по мере прибытия войск, обороны с полным использованием укрепленных районов и полевых укреплений, с всемерным развитием их в период сосредоточения». Понятно, что план на прикрытие должен был вводиться в действие не вследствие действий противника, а по приказу из Москвы. Естественно, в директиве указывалось, что «первый перелет и переход государственной границы допускается только с особого разрешения Главного командования», и требовалось разработать «план выполнения первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»⁷⁸. Как свидетельствует А.М. Василевский, «за несколько недель до нападения на нас фашистской Германии... вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих округов»⁷⁹. Все это еще раз указывает на недопустимость смешивания планов прикрытия с оперативными планами приграничных военных округов, которые все еще секретны.

Ныне известны лишь отдельные документы военного планирования в западных приграничных округах. В конце 1940 г. начальник штаба КОВО подготовил план военных действий войск округа в соответствии с общим стратегическим замыслом. Естественно, бли-

жайшей стратегической задачей войск Юго-Западного фронта был «разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача — во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлении на Кельце, Петроков и на Краков». Соответственно, Западный фронт имел задачу «ударом левофланговой 4-й армии в направлении Дрогичин, Седлец, Демблин содействовать Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника и на 15-й день операции выйти на р. Висла. В дальнейшем наступать на Радом».

Операция Юго-Западного фронта была разбита на три этапа. Первым этапом была «оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы» с задачей «не допустить вторжения противника на советскую территорию, а вторгнувшегося уничтожить и обеспечить сосредоточение и развертывание армий фронта для наступления», то есть операция прикрытия. Вторым этапом было наступление для выполнения ближайшей задачи фронта на глубину 120—130 км. Причем предусматривалось «начало наступления с утра 30-го дня мобилизации», а не «через 30 суток после нападения противника», как утверждает Ю.А. Горьков, в одной из своих работ цитировавший вышеприведенную фразу⁸⁰. Третьим этапом операции было «завершение выполнения ближайшей стратегической задачи фронта» на глубину до 250 км, на что отводилось 20 дней. В этом случае главный удар наносился силами 6-й, 12-й, 26-й и Конномеханизированной армий в направлении Катовице-Краковского района. Остальные армии фронта обеспечивали это наступление с фронта Варшава — Лодзь и вдоль границ Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии,

где должен был быть создан новый фронт. «При разгроме главных сил противника восточнее р. Висла фронт переходит к преследованию в общем направлении главных сил в район Катовице — Краков. В первом эшелоне фронта подвижные соединения. Стрелковые соединения, усиленные танками и артиллерией, в свою очередь наступают во вторых эшелонах в готовности отразить контрудары и сломить попытки к сопротивлению».

В плане были подробно расписаны задачи армий фронта. Так, 5-я армия должна была «форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и к исходу 3-го дня выйти на фронт — Михельсдорф, стов. Завадувка, стов. Войсловице, подвижными частями захватить Люблин. В дальнейшем, наступая в общем направлении через Люблин, на 10-й день выйти на р. Висла». 19-й армии следовало «с началом наступления главных сил фронта нанести удар в направлении Томашув, Замостье. Используя успех 5-й и 6-й армий, на 12-й день операции выйти на р. Висла на участке Солец, Завихост». Войскам 6-й армии предписывалось «ударом на Тарногруд прорвать фронт противника, пропустить в прорыв Конно-механизированную армию. К исходу 3-го дня операции овладеть северными выходами из таневских лесов в районе Билгорай и районом Ежеве. Подвижными частями захватить переправу у Сандомир, на 10-й день операции выйти на р. Висла». 26-й армии следовало «форсировать р. Сан и, нанося удары обоими флангами в общем направлении на Жешув, к исходу 3-го дня операции овладеть Жешув и рубежом р. Вислок, а подвижными частями захватить переправы через Вислу и Дунаец. В дальнейшем, наступая через Радомысль, на 10-й день операции выйти на фронт Щуцин, Опатовец, Тарнув». 12-я армия должна была «обеспечить ударную группу фронта с юга со стороны Венгрии и Словакии, для чего, нанося главный удар в направлении Кросно, Ясло, разбить противостоящего противника и на 3-й день выйти в район Кросно, а на 10-й день операции выйти на фронт Тарнув, Грыбув». 18-я и 9-я армии получили задачу прикрывать границу с Венгрией и Румы-

нией и быть в готовности среагировать на вступление Румынии в войну. В частности, 9-я армия должна была «немедленным ударом через Тульча на Меджидив и Констанца занять Северную Добруджу и выйти на границу с Болгарией, отрезав Румынию от моря»⁸¹. Как видим, доступные документы как-то не слишком соответствуют версии об оборонительных приготовлениях СССР.

Приведенные выше документы военного планирования дают довольно полное представление о ходе выработки взглядов советского руководства на способ вступления Советского Союза в войну с Германией; о том, что советская сторона не собиралась предоставлять противнику инициативу начала боевых действий. Кроме того, не следует забывать, что все эти планы не остались на бумаге, поскольку постепенно набирал темп процесс подготовки их осуществления. Особенно наглядно это можно проследить на примере документа от 15 мая 1941 г., которым Красная Армия должна была руководствоваться в начале войны. После изложения общих задач фронтов в нем сказано следующее: «Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых **невозможно нанесение внезапного удара по противнику** (подчеркнуто мной. — М.М.) как с воздуха, так и на земле:

1. произвести скрытое отмотобилизование войск под видом учебных сборов запаса;

2. под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;

3. скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать разворачивать авиационный тыл;

4. постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений разворачивать тыл и госпитальную базу». Военное руководство просило «разрешить последовательное проведение скрытого отмотобилизования и скрытого со-

средоточения в первую очередь всех армий резерва Главного Командования и авиации»⁸².

Все предложенные меры стали незамедлительно осуществляться.

По пункту 1. Еще 8 марта 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР № 484-203сс, согласно которому предусматривалось в 1941 г. призвать на учебные сборы 975 870 военнообязанных запаса под видом «больших учебных сборов». Осуществление этих мер в конце мая — начале июня 1941 г. позволило призвать 805,2 тыс. человек (24% приписного личного состава по плану мобилизации). Это дало возможность усилить 99 стрелковых дивизий как в западных приграничных округах, так и выдвигаемых из внутренних округов: 21 дивизия была доведена до 14 тыс. человек; 72 дивизии — до 12 тыс. человек и 6 дивизий — до 11 тыс. человек при штате военного времени в 14 483 человека. Одновременно пополнились личным составом части и соединения других родов войск, и войска получили 26 620 лошадей⁸³.

По пункту 2. В период с 13 по 22 мая 1941 г. начинается выдвижение к западной границе соединений четырех армий (16-й, 19-й, 21-й и 22-й) и готовится выдвижение еще трех армий (20-й, 24-й и 28-й), которые должны были закончить сосредоточение к 10 июля. Всего на Западный ТВД планировалось выдвинуть 71 дивизию (55 стрелковых, 11 танковых и 5 моторизованных), из которых 20 стрелковых дивизий 20-й и 21-й армий должны были войти в состав Юго-Западного фронта. 16-я и 19-я армии РК в составе 23 дивизий (16 стрелковых, 5 танковых и 2 моторизованных) сосредотачивались на Юго-Западном, а 22-я армия РК в составе 9 дивизий (6 стрелковых, 2 танковых и 1 моторизованной) — на Западном направлениях. 28-я и 24-я центральные армии РК в составе 19 дивизий (13 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных) развертывались соответственно в районах Ржев и Сухиничи — Брянск. «Эта передислокация из внутренних округов, по сути дела, явилась началом стратегического сосредоточения

советских войск на театрах военных действий. Выдвижение производилось с соблюдением строжайших мер маскировки, с большой осторожностью, постепенно, без увеличения обычного графика работы железных дорог»⁸⁴. 12—18 июня 1941 г. Генеральный штаб приказал штабам западных округов начать под видом учений и изменения дислокации летних лагерей скрытое выдвижение войск второго эшелона армий прикрытия и резервов западных приграничных военных округов (всего 114 дивизий), которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20—80 км от границы. Это, кстати, опровергает распространенные утверждения о том, что «все приготовления к войне на местах пресекались сверху»⁸⁵.

По пункту 3. Сведения о сосредоточении авиации очень скупы. Тем не менее известно, что на 1 мая 1941 г. в западных военных округах имелось 57 истребительных, 48 бомбардировочных, 7 разведывательных и 5 штурмовых авиационных полков, в которых насчитывалось 6980 самолетов. К 1 июня прибыло еще 2 штурмовых авиаполка и число самолетов возросло до 7009, а к 22 июня в западных округах имелось 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7628 самолетов. Кроме того, к 22 июня 1941 г. на Западном ТВД имелось четыре дальнебомбардировочных корпуса и одна дальнебомбардировочная дивизия, в которых насчитывалось 1346 самолетов. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 862-369сс от 10 апреля 1941 г. начался переход на новую систему авиационного тыла, автономную от строевых частей ВВС. Эта система обеспечивала свободу маневра боевых частей, освобождала их от перебазирования своего тыла вслед за собой, сохраняла постоянную готовность к приему самолетов и обеспечению их боевой деятельности. Переход на эту систему должен был завершиться к 1 июля 1941 г.⁸⁶

По пункту 4. О развертывании тыловых и госпитальных частей до 22 июня никаких данных не публиковалось. Накануне войны тыловые части содержались по

сокращенным штатам и должны были развертываться: армейские — на 5–7-е сутки, фронтовые — на 15-е сутки мобилизации. Известно, что 41% стационарных складов и баз Красной Армии находился в западных округах, многие из них располагались в 200-километровой приграничной полосе⁸⁷. На этих складах были накоплены значительные запасы. Как указывает А.Г. Хорьков, «окружные склады, имея проектную емкость 91 205 вагонов, были загружены на 93 415 вагонов. Кроме того, в округах на открытом воздухе хранилось 14 400 вагонов боеприпасов и 4370 вагонов материальной части и вооружения»⁸⁸. В июне 1941 г. Генштаб предложил перебросить в западные округа еще свыше 100 тыс. т горючего⁸⁹. Согласно директиве Генштаба № 560944 от 1 июня 1941 г. все приграничные округа должны были к 10 июля представить заявку «на потребное количество продовольствия и фуража... в 1-м месяце военного времени»⁹⁰. Все это, по мнению Г.П. Пастуховского, было подготовкой «к обеспечению глубоких наступательных операций»⁹¹. Как отмечается в исследовании состояния тыла Красной Армии, «при глубине фронтовой наступательной операции 250 км, темпе наступления 15 км в сутки и своевременном восстановлении железных дорог имелись все возможности обеспечить проведение первой операции запасами, созданными еще в мирное время в армейском тылу»⁹².

Конечно, основным процессом, позволяющим говорить о завершении подготовки к осуществлению плана от 15 мая 1941 г., является стратегическое сосредоточение и развертывание Красной Армии. Как известно, «последние полгода до начала войны были связаны уже непосредственно со скрытым стратегическим развертыванием войск, которое должно было составить завершающий этап подготовки» к войне⁹³. Но именно с апреля 1941 г. начинается полномасштабный процесс сосредоточения на будущем ТВД выделенных для войны с Германией 240 дивизий, составлявших 79,2% наличных сил Красной Армии, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн человек, около 70 тыс. ору-

дий и минометов, свыше 15 тыс. танков и до 12 тыс. самолетов. Стратегическое развертывание было обусловлено «стремлением предупредить своих противников в развертывании вооруженных сил для нанесения первых ударов более крупными силами и захвата стратегической инициативы с самого начала военных действий»⁹⁴. Понятно, что эти меры проводились в обстановке строжайшей секретности и всеохватывающей дезинформационной кампании в отношении германского руководства, которому, в частности, внушалось, что основные усилия советских войск в случае войны будут направлены на Восточную Пруссию⁹⁵.

Поскольку стратегическое сосредоточение и развертывание войск является заключительной стадией подготовки к войне, особый интерес представляет вопрос об определении возможного срока советского нападения на Германию. В отечественной историографии эта тема начала обсуждаться с публикацией скандально известной работы В. Суворова «Ледокол», который называет «точную» дату запланированного советского нападения на Германию — 6 июля 1941 г., фактически ничем не обоснованную. Мотивировка автора сводится главным образом к тому, что 6 июля 1941 г. было воскресеньем, а Сталин и Жуков якобы любили нападать в воскресенье⁹⁶. Но вряд ли можно это принять всерьез. Не подкрепляет предположения автора и приводимая цитата из книги «Начальный период войны», смысл которой им искажен. В этой книге сказано, что «немецко-фашистскому командованию (а не «германским войскам», как у Суворова. — *М.М.*) буквально в последние две недели перед войной (то есть с 8 по 22 июня, а не «на две недели», как в «Ледоколе». — *М.М.*) удалось предупредить наши войска в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны»⁹⁷. Причем эта цитата Суворовым приводится дважды: один раз правильно, а второй — искаженно⁹⁸.

Как отмечалось выше, первоначально нападение на Германию было запланировано на 12 июня 1941 г. Ви-

димо, не случайно приказ наркома обороны № 138 от 15 марта 1941 г., вводивший в действие «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время», требовал «к 1 мая 1941 г. снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени»⁹⁹. Однако, как известно, 12 июня никаких враждебных действий против Германии со стороны СССР предпринято не было. Однозначно ответить на вопрос о причинах переноса этого срока в силу состояния источниковой базы не представляется возможным. Можно лишь высказать некоторые предположения на этот счет. «Не помню всех мотивов отмены такого решения, — вспоминал Молотов 40 лет спустя. — Но мне кажется, что тут главную роль сыграл полет в Англию заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса. Разведка НКВД донесла нам, что Гесс от имени Гитлера предложил Великобритании заключить мир и принять участие в военном походе против СССР... Если бы мы в это время (выделено мной. — М.М.) сами развязали войну против Германии, двинув свои войска в Европу, тогда бы Англия без промедления вступила бы в союз с Германией... И не только Англия. Мы могли оказаться один на один перед лицом всего капиталистического мира...»¹⁰⁰.

Опасаясь возможного прекращения англо-германской войны, в Кремле сочли необходимым повременить с нападением на Германию. Лишь получив сведения о провале миссии Гесса и убедившись в продолжении англо-германских военных действий в Восточном Средиземноморье, в Москве, видимо, решили больше не откладывать осуществление намеченных планов. Как уже отмечалось, 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совершенно секретное совещание военно-политического руководства, на котором, вероятно, и был решен вопрос о новом сроке завершения военных приготовлений. К сожалению, в столь серьезном вопросе мы вынуждены ограничиться этой рабочей гипотезой, которую еще предстоит подтвердить или оп-

ровергнуть на основе привлечения новых, пока еще недоступных документов.

Была ли вообще запланирована точная дата? Только комплексное исследование документов, отражающих как процесс военного планирования, так и проведение мер по подготовке наступления, позволит дать окончательный ответ на этот вопрос. Вместе с тем известные историкам сроки проведения этих мероприятий не исключают того, что все же такая дата определена была. По мнению В.Н. Киселева, В.Д. Данилова и П.Н. Бобылева, наступление Красной Армии было возможно в июле 1941 г.¹⁰¹ В доступных документах, отражающих процесс подготовки Красной Армии к войне, указывается, что большая часть мер по повышению боеготовности войск западных приграничных округов должна была быть завершена к 1 июля 1941 г. К этому дню планировалось закончить формирование всех развертываемых в этих округах частей; вооружить танковые полки мехкорпусов, в которых не хватало танков, противотанковой артиллерией; завершить переход на новую организацию авиационного тыла, автономную от боевых частей; сосредоточить войска округов в приграничных районах; замаскировать аэродромы и боевую технику.

Одновременно завершалось сосредоточение и развертывание второго стратегического эшелона Красной Армии. Так, войска 21-й армии заканчивали сосредоточение к 2 июля, 22-й армии — к 3 июля, 20-й армии — к 5 июля, 19-й армии — к 7 июля, 16-й, 24-й и 28-й армий — к 10 июля. Исходя из того факта, что «противник упредил советские войска в развертывании примерно на 25 суток», полное сосредоточение и развертывание Красной Армии на Западном театре военных действий должно было завершиться к 15 июля 1941 г. К 5 июля следовало завершить организацию ложных аэродромов в 500-километровой приграничной полосе. К 15 июля планировалось завершить сооружение объектов ПВО в Киеве и маскировку складов, мастерских и других военных объектов в приграничной полосе, а также поставить все имеющееся вооружение в построенные соору-

жения укрепрайонов на новой границе¹⁰². Таким образом, как следует из известных материалов, Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее **15 июля 1941 г.** Вместе с тем выяснение вопроса о запланированной дате советского нападения на Германию требует дальнейших исследований с привлечением нового документального материала.

Имеющиеся материалы позволяют высказать предположение о последовательности завершающих приготовлений советских войск к войне. Рано утром 18 июня 1941 г. начальник Генштаба РККА направил командованию западных приграничных округов приказ о приведении войск в боевую готовность к 1 июля¹⁰³. Скорее всего, 1 июля войска западных округов получили бы приказ ввести в действие планы прикрытия, в стране начался бы новый этап скрытой мобилизации, а завершение к 15 июля развертывания намеченной группировки Красной Армии на Западном ТВД позволило бы СССР в любой момент после этой даты начать боевые действия против Германии. Невозможность полного сохранения в тайне советских военных приготовлений не позволяла надолго откладывать удар по Германии, иначе о них узнала бы германская сторона. Поэтому завершение сосредоточения и развертывания Красной Армии на западной границе СССР должно было послужить сигналом к немедленному нападению на Германию. Только в этом случае удалось бы сохранить эти приготовления в тайне и захватить противника врасплох.

Вместе с тем, анализируя подготовку Советского Союза к войне с Германией, следует помнить, что мы исследуем незавершенный процесс. Поэтому выводы относительно действительных намерений советского руководства носят в значительной степени предположительный характер. Ведь, насколько известно, несмотря на подготовку к войне с Германией, Кремль вплоть до 22 июня 1941 г. так и не принял решения об использовании военной силы для отстаивания своих интересов. Конечно, дальнейшее рассекречивание и введение в научный оборот материалов последних ме-

сяцев перед германским нападением, вероятно, позволит более точно реконструировать намечавшиеся действия советского руководства. Однако, вполне вероятно, что по некоторым аспектам этой проблемы получить однозначный ответ не удастся никогда.

Однако картина будет неполной, если мы не попытаемся хотя бы гипотетически представить, как могли бы развиваться события, если бы советское руководство осуществило свой первоначальный замысел и 12 июня 1941 г. нанесло бы удар по Германии. В это время германские войска завершали подготовку к операции «Барбаросса» и сосредоточение у советских границ, где в полосе от Балтийского до Черного морей уже было развернуто 81,6% дивизий из тех, которые предусматривалось развернуть к вечеру 21 июня¹⁰⁴. 10 июня дивизии первого эшелона начали скрытно выводиться в 30-км приграничную полосу. Остальные войска либо находились в движении на Восток, либо ждали своей очереди переброски в лагерях. Люфтваффе также завершало передислокацию после Балканской кампании. Вермахт не имел ни оборонительной, ни наступательной группировки, и советское нападение в этот момент ставило бы его в очень сложное положение, что позволяло громить его силы по частям.

В соответствии с советским оперативным планом основные события должны были развернуться на фронте от Остроленки до Карпат, где войска Юго-Западного и левого крыла Западного фронтов наносили главный удар по войскам противника. Соотношение сил сторон на фронте Остроленка — Карпаты указано в таблице 6, данные которой свидетельствуют, что советские войска располагали силами, способными обеспечить выполнение поставленных перед ними задач. Войска Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов должны были частными наступательными операциями сковать германские войска, развернутые в Восточной Пруссии, и занять Сувалкский выступ и Мемельскую область. Войска Северного фронта готовились к наступлению в Финляндии, а Южного фронта — в Румынии. Однако

первоочередными мерами были действия Красной Армии на советско-германской границе от Балтики до Карпат.

Таблица 6

	Красная Армия	Вермахт	Соотношение
Дивизии	128	55	2,3 : 1
Личный состав (млн)	3,4	1,4	2,1 : 1
Орудия и минометы (тыс.)	38,5	16,3	2,4 : 1
Танки (тыс.)	7,5	0,9	8,7 : 1
Самолеты (тыс.)	6,2	1,4	4,4 : 1

Военные действия начались бы внезапным ударом большей части советских ВВС по аэродромам противника на территории Восточной Пруссии, Польши и Румынии. Общее советское превосходство в авиации позволяло подвергнуть аэродромы Люфтваффе в 250-км приграничной полосе многочасовому непрерывному авиационно-штурмовому воздействию, что привело бы к значительному ослаблению ВВС противника и облегчило бы действия сухопутных войск Красной Армии. Радиус действия советских ВВС позволял обеспечить надежное истребительное прикрытие бомбардировочных операций в 350-км зоне. При необходимости зону гарантированного воздушного воздействия можно было увеличить до 500 км, используя новейшие самолеты МиГ-3. Потери советской авиации можно было довольно быстро восполнить за счет переброски летных соединений из внутренних военных округов, что позволяло использовать еще свыше 2,3 тыс. самолетов. Восполнить потери Люфтваффе было значительно сложнее, поскольку они были задействованы на разных фронтах. На территории Германии в составе сил ПВО имелось всего 282 самолета. Германские ВВС в Западной Европе (861 самолет) были связаны отражением английских

налетов, а на Средиземном море (423 самолета) обеспечивали действия германо-итальянских войск в Ливии¹⁰⁵. Подобная дислокация германской авиации давала советским ВВС определенную перспективу завоевания господства в воздухе.

Нанесение удара по Вермахту с рассветом 12 июня 1941 г. когда германские войска завершали сосредоточение и развертывание, позволило бы захватить противника, не имевшего планов оборонительных действий, врасплох в группировке, совершенно не приспособленной к обороне. Удар Юго-Западного и левого крыла Западного фронтов пришелся бы по 55 дивизиям противника, сразу же сковав 55,6% развернутых на Востоке войск, что значительно затруднило бы его контрдействия. Используя конфигурацию границы, Красная Армия повела бы операции на охват и окружение войск противника, исход которых решался бы способностью сторон наращивать свои силы. В полосе от Перемышля до Карпат против развернутых там 2 пехотных, 2 легкопехотных и 2 охранных дивизий Вермахта, советское командование развернуло бы не менее 28 дивизий (из них 6 танковых и 3 моторизованные), что открывало советским войскам дорогу на Сандомир и через Тарнов — на Краков. Этот прорыв отвлекал бы дополнительные силы Вермахта, которому, вероятно, пришлось бы создавать новый фронт западнее Вислы, где и развернулись бы основные сражения.

Советское командование могло использовать для наращивания удара на Юго-Западном направлении 24 дивизии, развернутые в тылу Юго-Западного фронта, а также еще 15 дивизий резерва Главного Командования, которые можно было использовать в Южной Польше или на Балканах. Германское командование могло первоначально использовать для отражения внезапного удара 22 дивизии (из них 6 охранных, не пригодных для действия на фронте), не успевшие развернуться на советской границе, и 26 дивизий резерва ОКХ, из которых почти сразу же можно было начать переброску к фронту 14 дивизий, которые по первоначальному плану гер-

манского командования должны были быть отправлены на фронт до 4 июля 1941 г. Остальные 12 дивизий (из них 2 танковые) пришлось бы спешно готовить к передислокации, при этом следует учитывать, что 2-я танковая дивизия только в начале июня прибыла на отдых в центральные районы Германии после боев на Балканах и не успела восполнить понесенные потери, а 5-я танковая дивизия находилась в процессе передислокации из Греции в Германию. К тому же переброска этих войск к фронту тормозилась бы воздействием советских ВВС по железным дорогам. Кроме того, германское командование могло попытаться перебросить 5—6 пехотных дивизий из Восточной Пруссии, что было бы затруднено в результате действий войск Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов и значительного воздействия советских ВВС.

Развитие наступления Красной Армии в Юго-Восточной Польше давало возможность войскам Южного фронта перейти в наступление в Румынии, не опасаясь удара с тыла. В Румынии имелось всего 6 дивизий Вермахта, а румынская армия не являлась серьезным противником, что обрекало удар Южного фронта на успех. Разгром северного крыла фронта противника открывал Красной Армии дорогу в центральные районы Румынии и ставил под угрозу господство Германии на Балканах. Парировать эту угрозу германскому командованию было просто нечем: 10—12 германских дивизий, разбросанных по территории Югославии и Греции, не могли надолго задержать продвижение советских войск. Прорыв Красной Армии в Румынию, скорее всего, подстегнул бы национально-освободительное движение на Балканах и прежде всего в Югославии, что еще больше осложнило бы положение расположенных там германских войск. Необходимость заткнуть брешь на Балканах вынуждала бы германское командование перебросить туда часть войск из тех 24 дивизий, которые находились в резерве, что еще больше ослабило бы фронт в Польше.

Из 38 германских дивизий, несущих оккупационную службу в Западной Европе, можно было использовать

на фронте лишь 14, которые еще предстояло подготовить к переброске на Восток. Использование остальных 24 дивизий было затруднено потому, что это были в основном стационарные соединения, не располагавшие необходимым автотранспортом, содержащиеся по сокращенным штатам и имевшие ограниченный комплект тяжелого вооружения¹⁰⁶. Конечно, можно было свести по две дивизии в одну более полнокровную, но это требовало немалого времени, что также играло на руку Красной Армии. Кроме того, следовало учитывать необходимость сохранения достаточного количества войск для поддержания оккупационного режима и отражения возможных английских десантов.

Германия просто не располагала силами, способными отразить внезапный удар Красной Армии. Это признавал после войны начальник штаба Верховного главнокомандования Вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, который считал, что советское нападение на Германию в 1941 г. могло «поставить нас в стратегическом и экономическом отношениях в исключительно критическое положение. [...] В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия»¹⁰⁷.

Конечно, не следует рассматривать боевые действия советских войск в случае нанесения внезапного удара по Германии как «прогулку до Берлина». Безусловно, это была бы тяжелая, кровопролитная борьба с серьезным противником. Однако сила и инерция внезапного удара позволили бы Красной Армии если и не разгромить, то значительно ослабить германские соединения на фронте Остроленка — Карпаты. При наиболее благоприятном ходе событий войска Западного и Юго-Западного фронтов смогли бы выполнить основную задачу и вышли бы на фронт Остроленка — Варшава — Лодзь — Оппельн — Оломоуц. Наименее благоприятным результатом наступления советских войск могла бы стать стабилизация фронта по рекам Нарев и Висла, то есть примерно там, где советско-германский фронт стабилизировался в конце 1944 г. На Балканах же ста-

билизировать фронт германскому командованию вообще было нечем, и глубина продвижения Красной Армии лимитировалась бы лишь инерцией удара.

Совершенно очевидно, что это наступление Красной Армии не вело бы к немедленному решению исхода войны, но советское нападение привело бы к срыву германского вторжения в СССР и облегчило бы победу в войне, сохранив нашей стране миллионы жизней и значительные материальные ценности. Красная Армия могла бы быть в Берлине не позднее 1942 г., что позволило бы поставить под контроль Москвы гораздо большую территорию в Европе, нежели это произошло в 1945 г. Разгром Германии и советизация Европы позволяли Москве использовать ее научно-технический потенциал, открывали дорогу к «справедливому социальному переустройству» европейских колоний в Азии и Африке. Созданный в рамках Старого Света социалистический лагерь контролировал бы большую часть ресурсов Земли. Соответственно, даже если бы Новый Свет и не был захвачен, он, скорее всего, вряд ли смог бы значительно превзойти Старый по уровню жизни. В результате там сохранялось бы значительное количество недовольных, с надеждой смотревших на помощь из-за океана. В случае же полного охвата Земли социалистической системой была бы полностью реализована сформулированная в либеральной европейской традиции задача создания единого государства Человечества. Это, в свою очередь, позволяло создать достаточно стабильную социальную систему и давало бы большие возможности для развития. Сегодня совершенно очевидно, что создание подобного Государства на основе русской советской традиции всеединства и равенства разных народов в гораздо большей степени отвечало интересам подавляющего большинства человечества, нежели реализуемая ныне расистская по своей сути модель «нового мирового порядка» для обеспечения интересов «золотого миллиарда»¹⁰⁸.

Естественно, возникает вопрос, как бы отреагировали Англия и США на советское нападение на Герма-

нию? Мнение официальной российской историографии выразил М.А. Гареев, утверждающий, что в этом случае «Советский Союз предстал бы перед всем миром в качестве агрессора, и в той же Англии могли взять верх силы, выступающие за союз с Германией»¹⁰⁹. Однако такой подход полностью игнорирует как многовековую традицию военно-политических действий в подобной ситуации, так и реальную политику Англии в 1939—1941 гг. Вся военная история человечества свидетельствует, что вмешательство в войну между двумя государствами третьей страны никогда не приводило к немедленному объединению воюющих стран против нее. К тому же неясно, что могло побудить Англию нарушить эту закономерность? Если же обратиться к реальной политике Англии в начале Второй мировой войны, то невозможно отрицать общепризнанный факт, что в одиночку выиграть войну с Германией она не могла. Именно поэтому в 1939—1940 гг. Англия всячески стремилась сохранить и расширить свой союз с Францией путем включения в него других европейских стран. С лета 1940 г. после разгрома и капитуляции Франции английское руководство сделало ставку на возможное втягивание в войну с Германией США и ухудшение советско-германских отношений: это могло бы привести к войне на Востоке Европы или хотя бы к тому, что Германия была бы вынуждена держать там внушительную военную группировку, что исключало ее использование против Англии.

Известные материалы показывают, что английское руководство активно стремилось претворить в жизнь обе эти возможности. Уже к началу 1941 г. ему удалось заручиться материальной поддержкой США. В отношении СССР политика Англии сводилась к тому, чтобы заставить советское руководство занять менее благоприятную позицию в отношении Германии. Для этого в Москву постоянно и методично передавалась информация об угрозе СССР в случае победы Германии. Весной 1941 г. попытки Англии втянуть СССР в войну стали принимать характер шантажа: если Москва не вступит

в войну, то Лондон будет вынужден пойти на соглашение с Германией, которая в результате этого получит возможность осуществить *Drang nach Osten*. Когда в начале июня 1941 г. английская разведка сделала вывод о том, что сосредоточение Вермахта у советских границ указывает на подготовку Германии к оказанию нажима на СССР для удовлетворения требований экономического, а то и политического характера, Лондон, заинтересованный в неуступчивой позиции Москвы, решил подготовить операцию для нанесения авиаудара по нефтеочистительным предприятиям Баку. Это позволило бы оказать нажим на СССР, чтобы он не уступал германским требованиям. Одновременно Англия по дипломатическим каналам обещала Москве свою помощь в случае возникновения войны с Германией. С другой стороны, в Берлин по всевозможным каналам передавалась информация об угрожающих Германии намерениях и действиях СССР. Поэтому представляется совершенно невероятным, чтобы Англия, всячески заинтересованная в возникновении советско-германской войны, вдруг сразу бы бросилась на помощь Германии.

Исходя из этих целей, Черчилль еще 15 июня 1941 г. телеграфировал президенту США Ф. Рузвельту, сообщая ему о возможности нападения Германии на СССР и о том, что «если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, — это Гитлер»¹¹⁰. Тут следует отметить: в этот момент никто не был полностью уверен, что Германия все-таки нападет на СССР, и не мог предсказать, какой именно оборот примут события на советско-германском фронте. 21 июня Рузвельт ответил, что он поддерживает эту позицию Черчилля и США окажут «России всемерную помощь»¹¹¹. Как сообщает личный секретарь Черчилля, Колвилл, во второй половине дня 21 июня он обсуждал с премьер-министром его позицию и спросил: «Не будет ли это для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа?» «Нисколько, — ответил Черчилль. — У меня лишь одна

цель — уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин»¹¹². Эту же позицию Черчилль повторил в своем знаменитом выступлении по радио вечером 22 июня. «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма, — заявил он. — ...За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем». Тем не менее основную угрозу Англии в настоящее время представляет Гитлер и его режим, которые «мы полны решимости уничтожить», поэтому «любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь»¹¹³.

Все это лишний раз подтверждает, что для английского руководства основной целью оставалась победа в войне с Германией с помощью кого угодно, и в принципе ему было совершенно безразлично, как именно начнется советско-германская война. То же самое можно сказать и о США, которые в первой половине 1941 г. все больше втягивались в необъявленную войну с Германией. На секретных англо-американских переговорах 21 января — 29 марта 1941 г. было решено, что Германия является главным противником, и была сформулирована общая стратегия войны с ней. Одновременно 11 марта американский Конгресс принял закон о ленд-лизе, дающий президенту право предоставлять военную и иную помощь любой стране, защита которой считалась жизненно важной для безопасности США. 24 марта Англии была предоставлена возможность ремонтировать свои военные корабли на американских верфях. 30 марта все германские и итальянские суда, находившиеся в американских портах, были захвачены США и через некоторое время переданы Англии. 10 апреля Рузвельт объявил Красное море «невоенной зоной», что позволяло американскому торговому флоту беспрепятственно снабжать английские войска в Северной Африке. 13 апреля американские войска стали развертываться на базах в Гренландии. 24 апреля «зона безопас-

ности» США в Атлантическом океане была расширена до 30-го градуса западной долготы. 27 мая Рузвельт объявил «неограниченное чрезвычайное положение» на территории США. 14 июня была «заморожена» (то есть фактически захвачена) германская и итальянская собственность на американской территории. 16 июня были закрыты все германские консульства и бюро различных германских агентств, действовавшие в США¹¹⁴.

Естественно, ни о какой военной помощи Германии в случае советского нападения Вашингтон и не помышлял. Это полностью шло бы вразрез с политикой США, не говоря уже о том, что там существовала влиятельная оппозиция курсу на вовлечение страны в войну, и, как известно, администрации Рузвельта пришлось приложить немало усилий, чтобы спровоцировать Японию на нападение, что позволило США вступить во Вторую мировую войну. Уже 23 июня 1941 г., когда еще никто не мог знать о том, что события на советско-германском фронте примут столь тяжелый для Красной Армии оборот, государственный департамент США выступил с официальным заявлением, осуждавшим «принципы и доктрину» коммунизма, но подчеркивавшим опасность германской экспансии, которая «в настоящее время более всего затрагивает нашу собственную национальную оборону и безопасность Нового Света, где мы живем. Поэтому, по мнению нашего правительства, всякая защита от гитлеризма, всякое объединение противостоящих гитлеризму сил, каково бы ни было их происхождение, приблизит низвержение нынешних германских лидеров и тем самым будет служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности». В тот же день сенатор от штата Миссури Г. Трумэн (будущий президент США) довольно откровенно выразил мнение правящей элиты: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»¹¹⁵. То есть американское руководство рассматрива-

до советско-германскую войну в качестве благоприятного фактора, снижавшего опасность германской экспансии для самих Соединенных Штатов.

Таблица 7

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ
В ИЮНЕ 1941 г.¹¹⁶**

	Англия	Италия	Германия	СССР	Япония	США
Дивизии	33	64	209	303	51	33
Бригады	29	?	4	19	58	?
Личный состав (тыс.)	3766	2870	8 229	5774,2	2142	2101,2
Орудия и минометы	Около 24 600	Около 18 400	88 251	117 581	Свыше 13 500	Около 14 700
Танки	Ок. 3200	Ок. 2000	6292	25 786	Ок. 3500	Ок. 1500
Самолеты	Ок. 5700	Ок. 3000	6852	24 488	Ок. 4800	6777
Военно-морские силы						
Линкоры	13	6	3	3	10	15
Линейные крейсера	2	—	—	—	—	—
Авианосцы	7	—	—	—	7	7
Тяжелые крейсера	14	4	4	—	18	18
Легкие крейсера	54	13	4	7	19	19
Эсминцы	248	108	43	54	109	168
Подводные лодки	54	93	158	212	60	113

Таким образом, летом 1941 г. для Советского Союза существовала благоприятная возможность нанести внезапный удар по Германии, скованной войной с Англией, и получить как минимум благожелательный нейтралитет Лондона и Вашингтона (а скорее всего, их помощь, хотя и ограниченную). Конечно, по мере продвижения Красной Армии в глубь Европы эти настроения могли бы измениться, но было бы уже поздно: Германия была бы на пороге поражения. Оказать ей реальную поддержку в войне с СССР Англия и США просто не имели бы возможности. США вообще не располагали сухопутными войсками, которые можно было бы послать в Европу, а войска Англии были слишком рассредоточены: от Британских островов до Дальнего Востока. Для переброски в Европу достаточной для обороны от Красной Армии группировки английских войск требовалось слишком много времени. В любом случае противодействие Красной Армии, освобождающей Европу от фашизма, вряд ли было бы слишком популярной мерой в Англии. Если же учесть долгосрочные цели внешней политики и США и Англии, в чьих интересах было столкновение Германии и СССР и их затяжная война с последующим ослаблением обоих противников, то представляется наиболее вероятным, что первоначально Лондон и Вашингтон заняли бы выжидательную позицию. А потом все решали бы масштабы военных успехов Красной Армии.

Политические условия для удара по Германии со стороны СССР были достаточно благоприятными. К сожалению, опасаясь англо-германского компромисса, советское руководство как минимум на месяц отложило нападение на Германию, которое, как мы теперь знаем, было **единственным шансом** сорвать германское вторжение. Вероятно, это решение «является одним из основных исторических просчетов Сталина»¹¹⁷, упустившего благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране. В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление

плана «Барбаросса» и Советскому Союзу пришлось 3 года вести войну на своей территории, что привело к колоссальным людским и материальным потерям.

Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором. Первоначально Вермахт намеревался завершить военные приготовления к 16 мая, а Красная Армия — к 12 июня 1941 г. Затем Берлин отложил нападение, перенес его на 22 июня, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок завершения военных приготовлений — 15 июля 1941 г. Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе. К сожалению, советской разведке не удалось достоверно установить намерения Германии на лето 1941 г., поэтому советское руководство не сумело верно оценить угрозу германского нападения. Правильно отмечая нарастание кризиса в советско-германских отношениях, Москва полагала, что до окончательного разрыва еще есть время, как для дипломатических маневров, так и для завершения военных приготовлений. Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. и первые неудачи на фронте оказали на советское руководство ошеломляющее воздействие. Наиболее образно эту ситуацию изложил в своих воспоминаниях тогдашний нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, отметив, что «государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценою больших жертв»¹¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Перечнев Ю.Г.* О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии//Военно-исторический журнал. 1988, № 4. С. 46—47; *Кирьян М.М.* Начальный пе-

риод Великой Отечественной войны//Военно-исторический журнал. 1988, № 6. С. 12—13; *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989. С. 80—86; *Сандалов Л.М.* Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии 22 июня — 10 июля 1941 года. М., 1989. С. 22—37; *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 173—183, 312—322, 324—340; *Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. Ч. 1. С. 132—136; *Хорьков А.Г.* Грозовой июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 85—130; *Киришин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Накануне 22 июня 1941 г.//Новая и новейшая история. 1991, № 3. С. 12—15. *Горьков Ю.А.* Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 году//Новая и новейшая история. 1993, № 3, С. 29—39; *Маковский В.Б.* Прикрытие госграницы накануне войны//Военно-исторический журнал. 1993, № 5, С. 51—58; *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 59—62; *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии 1941 года. М., 1997. С. 157—161.

² *Волгогонов Д.А.* Указ. соч. С. 133; *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 173.

³ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 51—52.

⁴ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 17—20; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 7—29; Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 18—22; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 40—45; 1941 год. Документы. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 181—193, 236—253, 741—746, Кн. 2. С. 215—220.

⁵ *Василевский А.М.* Накануне войны//Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 6.

⁶ 1941 год — уроки и выводы. С. 52; *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 56—57; *Михалев С.Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 309.

⁷ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 288—290.

⁸ 1941 год — уроки и выводы. С. 56.

⁹ *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 194—203, 364—384; *Бобылев П.Н.* Репетиция катастрофы//Военно-исторический журнал. 1993, № 7. С. 14—21; № 8. С. 28—35; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М., 1993. С. 388—390; *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?//Отечественная история. 1995, № 5. С. 3—20; Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 9; *Прозектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 308.

¹⁰ 1941 год — уроки и выводы. С. 57; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 34—35.

¹¹ *Петров Б.Н.* О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны//Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 12.

¹² *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 61.

¹³ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 9.

¹⁴ *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 61.

¹⁵ *Волгогонов Д.А.* Эту версию уже опровергла история//Известия.

1993. 16 янв.; Орлов А.С. Так кто же начал войну?//Армия. 1993, № 8. С. 18; Безыменский Л.А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г.//Новая и новейшая история. 2000, № 3. С. 58—67.

¹⁶ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 38. Правда, по сведениям М.В. Захарова и С.Н. Михалева на документе от июля 1940 г. имелась подпись начальника Генштаба Б.М. Шапошникова (Захаров М.В. Указ. соч. С. 322; Михалев С.Н. Указ. соч. С. 309).

¹⁷ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 8.

¹⁸ «...Разговор закончился угрозой Сталина». Десять неизвестных бесед с маршалом Г.К. Жуковым в мае — июне 1965 года//Военно-исторический журнал. 1995, № 3. С. 41. После публикации дневника посетителя кремлевского кабинета Сталина В.А. Анфилов «вспомнил», что Жуков говорил ему о том, что план от 15 мая 1941 г. был доложен им и Тимошенко Сталину 19 мая: Анфилов В.А. Долгий путь к Берлину//Независимое военное обозрение. 1999, № 17. С. 1—3.

¹⁹ Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 57—58.

²⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 156. Д. 2. Л. 40—44об.

²¹ «Современная армия — армия наступательная». Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий. Май 1941 г.//Исторический архив. 1995, № 2. С. 23—31; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 158—162.

²² Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 37.

²³ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 128; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939—1941. М., 1997. С. 404. Шифротелеграмма: «Пароль «Дортмунд» — 22 июня» была отправлена из Берлина в ночь на 21 июня 1941 г. (Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd.1. Frankfurt am Main. 1965. S. 408).

²⁴ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 210.

²⁵ Бобылев П.Н. Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940—1941 годах//Отечественная история. 2000, № 1. С. 57.

²⁶ Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны//Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 14—15; Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность//Другая война. 1939—1945 гг. С. 144—146; Отечественная история. 1995, № 5. С. 16; Отечественная история. 2000, № 1. С. 51, 55—56.

²⁷ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 144.

²⁸ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 109.

²⁹ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 2.

³⁰ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 4; 1941 год — уроки и выводы. С. 58—59, 214—215; Захаров М.В. Указ. соч. С. 218—219, 396—389; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 358—361.

³¹ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 17—18; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 24—25; № 2. С. 18—19; Новая и

новой истории. 1993, № 3. С. 40—41; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 181—182, 237—238, 742, Кн. 2. С. 215—216.

³² Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 18; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 25; № 2. С. 20; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 182, 238, 743.

³³ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 18—19; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 182—183.

³⁴ Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 25—26; № 2. С. 20—21; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 40—41; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 238—239, 743—744, Кн. 2. С. 216.

³⁵ Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929—1941 годы. М., 2004. С. 466—469.

³⁶ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 7.

³⁷ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 19; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 27; № 2. С. 22; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 41; 1941 год — уроки и выводы. С. 214—215; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 185, 241, 745, Кн. 2. С. 217, 359—360.

³⁸ Гареев М.А. Правду о войне нельзя брать или отдавать. Ее надо вместе искать//Красная Звезда. 1991, 27 июля.

³⁹ Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 125—126.

⁴⁰ Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 28—29; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 42—44; 1941 год — уроки и выводы. С. 212—215; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 185—189, 242—250, Кн. 2. С. 218—219, 359.

⁴¹ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 20; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 185—187.

⁴² Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 27—28; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 241—249; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 33.

⁴³ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 189—190, 249—250.

⁴⁴ Там же. С. 247.

⁴⁵ Шубин А.В. Указ. соч. С. 470.

⁴⁶ Савушкин Р.А. Развитие советского военного искусства в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. М., 1980. С. 24, 32.

⁴⁷ Савушкин Р.А. Развитие советских вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921—1941 гг.). М., 1989. С. 59.

⁴⁸ Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 22.

⁴⁹ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 35.

⁵⁰ Михалев С.Н. Указ. соч. С. 312.

⁵¹ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 35.

⁵² Михалев С.Н. Указ. соч. С. 312—313.

⁵³ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. / Пер. с англ. М., 1995. С. 284; Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 г. Документальные очерки. М., 2001. С. 36.

- ⁵⁴ *Гареев М.А.* Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁵ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 741—746.
- ⁵⁶ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 41; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 216.
- ⁵⁷ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 108.
- ⁵⁸ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 41—43; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 216—218.
- ⁵⁹ *Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 316.
- ⁶⁰ Начальный период войны. М., 1974. С. 70.
- ⁶¹ 1941 год — уроки и выводы. С. 69—79, 178—179; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 607—650.
- ⁶² Новая и новейшая история. 1997, № 5. С. 113.
- ⁶³ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 2—15; № 3. С. 4—17; № 4. С. 2—17; № 5. С. 2—15; № 6. С. 2—7.
- ⁶⁴ *Анфилов В.А.* Провал «блицкрига». М., 1974. С. 196; *Петров Б.Н.* О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны//Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 12—13; *Семидетко В.А.* Истоки поражения в Белоруссии//Военно-исторический журнал. 1989, № 4. С. 30.
- ⁶⁵ *Гареев М.А.* Указ. соч. С. 128.
- ⁶⁶ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 4.
- ⁶⁷ Там же. 1996, № 2. С. 14—15; № 3. С. 11—12; № 4. С. 8—10; № 5. С. 12, № 6. С. 7.
- ⁶⁸ Там же. 1996, № 2. С. 8, 13; № 3. С. 15; № 4. С. 3; № 5. С. 12.
- ⁶⁹ Там же, № 2. С. 13.
- ⁷⁰ *Гареев М.А.* М.В. Фрунзе — военный теоретик. М., 1985. С. 323.
- ⁷¹ Там же. С. 231.
- ⁷² *Маковский В.Б.* Указ. соч. С. 55; Военно-исторический журнал. 1989, № 3. С. 68—69.
- ⁷³ *Гареев М.А.* Указ. соч. С. 230; *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. С. 119—120.
- ⁷⁴ *Маковский В.Б.* Указ. соч. С. 55; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С. 93.
- ⁷⁵ 1941 год — уроки и выводы. С. 60—61.
- ⁷⁶ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 44; 1941 год — уроки и выводы. С. 61, 179; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 219.
- ⁷⁷ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 6; № 4. С. 3; № 6. С. 4; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 228, 234, 240, 284.
- ⁷⁸ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 133—139; Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 12.
- ⁷⁹ Новая и новейшая история. 1993, № 6. С. 9.
- ⁸⁰ Новая и новейшая история. 1997, № 5. С. 109; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 33.
- ⁸¹ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 484—497.
- ⁸² Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 42—43, 44; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 219, 220.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. Зас. Д. 3. Л. 274—277; 1941 год. Документы.

ты. Кн. 1. С. 731—732; *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 70—71; 1941 год — уроки и выводы. С. 82; *Владимирский А.В.* На киевском направлении. М., 1989. С. 50; *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 469—478; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М., 1994. С. 10—12.

⁸⁴ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 146. Численность второго стратегического эшелона к началу войны определяется в этом труде в 77 дивизий (58 стрелковых, 13 танковых и 6 моторизованных) (Указ. соч. С. 151), но из доступных документов не ясно, какие именно войска и с какого именно момента входили в состав резерва Главного Командования.

⁸⁵ *Петров Б.Н.* Указ. соч. С. 12—13; *Семидетко В.А.* Указ. соч. С. 31; *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. С. 96—97; *Владимирский А.В.* Указ. соч. С. 50—52; *Волкоготов Д.А.* Указ. соч. С. 125—128; 1941 год — уроки и выводы. С. 83—86, 214—215; *Филиппов А.* О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 года//Военный вестник АПН. 1992, № 9. С. 4; *Киселев В.Н.* Указ. соч. С. 14—15; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 36; *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний. 1941—1944. Записки командарма. М., 1973. С. 24—26.

⁸⁶ 1941 год — уроки и выводы. С. 198 — 199; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С. 32—33; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 16—18.

⁸⁷ 1941 год — уроки и выводы. С. 42—43; *Киришин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Указ. соч. С. 12; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С. 49.

⁸⁸ *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С. 50.

⁸⁹ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 60.

⁹⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25(14). М., 1998. С. 61—65.

⁹¹ *Пастуховский Г.П.* Развертывание оперативного тыла в начальный период войны//Военно-исторический журнал. 1988, № 6. С. 19.

⁹² Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Л., 1963. Ч. 1. С. 15.

⁹³ Начальный период войны. С. 70—71.

⁹⁴ *Азяцкий Н.Ф.* О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 году//Военная мысль. 1990, № 8. С. 17.

⁹⁵ *Вишнев О.В.* Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 г.//Новая и новейшая история. 1994, № 4—5. С. 242—253.

⁹⁶ *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992. С. 333.

⁹⁷ Начальный период войны. С. 212.

⁹⁸ Суворов В. Указ. соч. С. 317, 333.

⁹⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25(14). С. 48—52.

¹⁰⁰ Стаднюк И. С. Нечто о сталинизме//О них ходили легенды. М., 1994. С. 423—424.

¹⁰¹ Киселев В. Н. Указ. соч. С. 16; Данилов В. Д. Указ. соч. С. 148; Отечественная история. 2000, № 1. С. 57.

¹⁰² 1941 год — уроки и выводы. С. 81—85, 111; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 25, 33, 47, 168, 173—174; Киселев В. Н. Указ. соч. С. 15; Военно-исторический журнал. 1989, № 5. С. 43; Медведев Н. Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны//Военно-исторический журнал. 1987, № 11. С. 81; Захаров М. В. Указ. соч. С. 210—212, 402—406; Начальный период войны. С. 211; Анфилов В. А. Провал «блицкрига». С. 188.

¹⁰³ Сам приказ Г. К. Жукова никогда не публиковался и известен лишь по упоминанию в ходе суда над командованием Западного фронта в июле 1941 г. (Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 389.). Однако опубликован изданный на его основании приказ командующего ПриОВО № 00229 от 18 июня 1941 г. (Иванихин П. М. Начало войны. Северо-Западный фронт, июнь — сентябрь 1941 года. От Каунаса до Валдая: По материалам дневника полковника Щеткина Григория Федоровича. М., 2002. С. 30, 168—171.)

¹⁰⁴ Группировка войск сторон взята по: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 18. С. 66—68, 79—85; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 216—219.

¹⁰⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1983. Bd. 4. S. 313—316.

¹⁰⁶ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. / Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. С. 136—137, 151—152, 215—252, 257—264.

¹⁰⁷ Расплата: Третий рейх: падение в пропасть. М., 1994. С. 117.

¹⁰⁸ Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя Зла. М., 2001.

¹⁰⁹ Гареев М. А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году?//Война и политика, 1939—1941. С. 275.

¹¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. / Сокр. пер. с англ. М., 1991. Кн. 2. С. 169.

¹¹¹ Там же. С. 169—170.

¹¹² Там же. С. 170.

¹¹³ Там же. С. 170—171.

¹¹⁴ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 59—60.

¹¹⁵ История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 33—34.

¹¹⁶ Таблица составлена по: РГВА. Ф. 40997. Оп. 1. Д. 63. Л. 36, 37, 40; Сафронов В. Г. Итальянские войска на советско-германском фрон-

те. 1941—1943. М., 1990. С. 24; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933 — 1945 гг. / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 326; *A History of the US Air Force 1907—1957.* N.Y., 1957. P. 92; *Historikal Statistik of USA.* Washington. 1975. P. 1141; *The Army Almanac.* Washington. 1950. P. 649; *Hancock W.K.* British war Economy. L., 1949. P. 136; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart. 1988. Bd. 5/1. S. 554—555, 874—875, 959; *Hahn F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933—1945. Koblenz. 1987. Bd. 2. S. 211—212; *История второй мировой войны 1939—1945 гг.* Т. 3. М., 1974. С. 195; Т. 4. С. 13, 15, 20, 194, 195, 200; *Березовский Н.Ю. и др.* Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917—1941. М., 1992. С. 675; *Jentschura H., Jung D., Mickel P.* Warships of the Imperial Japanese Navy, 1896—1945. L., 1977. P. 25—35, 40—50, 79—87, 130—153, 160—182.

¹¹⁷ *Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг.// *Вопросы истории.* 1995, № 7. С. 38.

¹¹⁸ *Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 45—46.

ЕСЛИ БЫ СТАЛИН УДАРИЛ...

Сразу скажу, что версия о реальности превентивного удара СССР по Германии летом 1941 года имеет право на существование лишь как одно из теоретических допущений в целях полноты анализа того исторического периода. В реальности ни о каком превентивном ударе СССР по Германии летом 1941 года не могло быть и речи, и все иные утверждения на сей счет — или досужая болтовня непрофессионалов, или намеренная провокация профессионалов. Ниже я надеюсь это показать даже в пределах краткой статьи, но вначале — присказка...

С момента развала СССР прошло почти двадцать лет. За это время, по крайней мере, один раз перевернулись в гробу все государственные, политические и военные деятели, деятели науки и культуры, которые при жизни имели то или иное отношение к России и к русской истории. Причины такого массового беспокойства усопших разнятся, но повод у всех один и тот же — начавшееся в 1991 году и все еще длящееся наше Мутное время, то есть события, произошедшие и происходящие в пределах Российского Геополитического пространства в период с 1991 года по нынешние быстротекущие дни.

Конечно, и за гробом разные исторические фигуры волнует разное. Скажем, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр, Екатерина, Сталин переворачиваются в гробах, возмущенные сдачей того геополитического статуса России, за который они боролись так упорно и успешно. Скопина-Шуйского, Шереметева, Суворова, Ушакова, Кутузова, Скобелева, Фрунзе, Рокоссовского лишает покоя бездарная линия

в «россиянском» военном руководстве. Пушкину, Лермонтову, Гоголю, всем трем Толстым, Есенину, Маяковскому, Горькому, Федину, Шолохову не дает спать вечным сном надругательство над русской и советской культурой. А, скажем, Ломоносова, Бутлерова, Менделеева, Павлова, Вавилова, Курчатова, Колмогорова, Патона-отца, Келдыша тревожат поругание и гибель советской науки.

Неспокойно — но уже по другой причине — лежат в могилах и Батый с Мамаем, Карл XII, Наполеон, Клемансо, Черчилль, Барух, Трумэн и многие другие. Этим не дает покоя зависть к Горбачеву, Ельцину, к их «россиянским» и «эсэнгэшным» последышам, а также к членам действующего «Вашингтонского обкома», которые все вместе успешно совершили то, чего уже усопшая антирусская и антисоветская рать сделать так и не смогла.

И даже прах фюрера, развеянный в апреле 1970 года над рекой Бидериц в 11 километрах от Магдебурга, тоже вьется беспокойно над Европой, не в силах совладать с возбуждением и завидуя тем, кто сумел завоевать СССР и Москву без всяких танков — одним лишь Останкино.

А рядом с прахом фюрера завивается в завистливые петли развеянный во все том же апреле над все той же рекой Бидериц прах имперского министра пропаганды Йозефа Геббельса. Мастер политической провокации и автор чеканной формулы «Чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной», явно завидует автору целой груды антисоветских «бестселлеров» «Виктору»-Владимиру «Суворову»-Резуну. Еще бы! Идея о превентивной войне Сталина против рейха была обкатана и запущена в оборот в ведомстве сгоревшего в пламени войны рейхсминистра, а вся слава от ее тиражирования сегодня идет автору незабвенного «Ледокола». Обидно! Где уж тут покоиться с миром в мире, и так покоем давно не богатом.

Да, утверждение, что Гитлер в 1941 году лишь упредил Сталина в превентивном ударе на считанные недели,

является ложью. Но многие поверили в нее только потому, что эта ложь — чудовищна.

И, все же...

И, все же, если посмотреть на канун войны и ее начало так, как это предлагали своим современникам Гитлер и Геббельс, и так, как это — вслед за ними — предлагает уже нам «Виктор» «Суворов»? Что, если, все же, представить себе непредставимое?

Далее я это — коль уж участвую в коллективном сборнике с соответствующей тематикой — сделаю. Хотя вначале надо кое с чем объясниться...

Я написал «непредставимое» не потому, что считаю, что превентивный удар СССР по Германии был невозможен в принципе. Наоборот, любой компетентный аналитик, знакомый с реальностью той эпохи, не может теоретически исключать вариант превентивной войны СССР против Третьего рейха — при определенном развитии событий и в определенной ситуации. Но этот же аналитик не может не отдавать себе отчет также в том, что такой вариант был абсолютно исключен для лета 1941 года.

Нет, технически (не в военно-техническом, а, так сказать, в военно-*технологическом* смысле) такой вариант летом 1941 года был возможен. Скажем, сегодня известны соответствующие разработки Генерального Штаба РККА, и было бы удивительно, если бы тогда, в реальном масштабе времени, такие разработки упреждающего удара РККА по скоплению вооруженных сил рейха на востоке не велись. Генеральные штабы для того, в том числе, и существуют, чтобы детально рассматривать как оборонительные, так и наступательные варианты возможных кампаний. То есть само функциональное назначение Генштаба РККА говорит за то, что *технологически* упреждающий удар РККА был возможен. Однако такой удар был в 1941 году системно невероятен.

А невозможное и невероятное — очень разные понятия.

Создатель образа патера Брауна Гилберт Кийт Честертон провел различие между возможностью и вероятностью остроумно и точно. В рассказе «Проклятие золотого креста» он устами своего героя заявляет, что некоторые события возможны, но невероятны, и говорит: «Если вы скажете, что великого Гладстона (*видный английский политик и государственный деятель. — С.К.*) в его смертный час преследовал призрак Парнелла (*деятель ирландского национального движения. — С.К.*), я предпочту быть агностиком и не скажу ни да, ни нет. Но если вы будете уверять меня, что Гладстон на первом приеме у королевы Виктории не снял шляпы, похлопал королеву по спине и предложил ей сигару, я буду решительно возражать. Я не скажу, что это невозможно, а скажу, что это — невероятно».

Все верно! В принципе кто-то может на королевском приеме раскурить сигару, подойти к королеве, хлопнуть ее по плечу и по-свойски предложить закурить. В таком поведении нет ничего «технически» невозможного — это не то что штаны через голову надеть. Тем не менее подобное поведение полностью невероятно даже в наше время.

Так вот, ***превентивная война Сталина против Гитлера летом 1941 года не была невозможной. Она была невероятной.*** И это я подчеркиваю особо. Она была невероятной уже потому, что если даже не принимать в расчет явную неготовность РККА к ведению наступательной войны в 1941 году, есть все основания утверждать, что в июне 1941 года превентивная война была бы для Сталина во всех отношениях глупостью.

А Сталин этим неотъемлемым качеством нынешней «россиянской» элиты не страдал даже в малейшей мере.

Поэтому, перед тем как анализировать невероятное, не мешает хотя бы кратко поразмышлять — почему же теоретически возможная превентивная война СССР

против Германии была, по крайней мере в 1941 году, невероятной?

С этого я и начну.

Во-первых, если бы Сталин и замыслил превентивную войну против Германии, то в 1941 году такая война была невероятна уже потому, что она была преждевременна. Ну, в самом-то деле! Ход рассуждений здесь прост и очевиден.

Допустим, Гитлер к лету 1941 года не имел агрессивных планов против России (хотя реально он их имел). Зачем тогда было России затевать с ним войну летом 1941 года по собственной инициативе? Если уж России и стоило предпринимать нечто подобное, то разумный вариант — не раньше лета 1942 года, а еще лучше — лета 1943 года. Я имею в виду нашу именно превентивную войну против рейха после укрепления экономики и, главное, после полного перевооружения РККА и освоения ее личным составом новой техники. А это как раз, по планам, — 1942 и 1943 годы.

Во-вторых, превентивная война СССР против Германии летом 1941 года была не только преждевременна, но и нецелесообразна. В отличие от Германии, для которой превентивная война имела хоть какой-то смысл.

Проведем анализ буквально «на пальцах» — этого будет вполне достаточно!

Вот ситуация виртуального, то есть — полностью мирного на Востоке, 1941 года для Германии...

Отмобилизована огромная масса войск, которая не воюет, но которую надо содержать. Накоплены огромные запасы вооружения, которые реально не используются — кроме авиации и флота в ограниченных операциях против Англии.

Наращивать военную мощь Германии дальше некуда. В итоге германские вооруженные силы образца 1942 года — в том случае, если бы они не были задействованы в 1941 году против России — были бы по своему потенциалу примерно такими же, как и в 1941 году, и сила их противостояния гипотетическому удару СССР в 1942 году не была бы большей, чем при превентивном ударе

СССР в 1941 году. За мирный — мирный на потенциальном Восточном фронте — 1941 год немцы скорее всего даже ослабили бы, психологически устав от бездействия. Вспомним Ганнибала в Капуе. Его войска там без дела попросту разложились.

Промышленный и общий экономический потенциал Германии за 1941 год тоже существенно не возрос бы — все основные территориальные приобретения, его усиливавшие, были сделаны ранее.

Зато военно-политическое положение Германии к лету 1942 года однозначно ухудшилось бы за счет все большего подключения к войне в Европе Соединенных Штатов Америки, которые всю эту войну и затеяли. Я об этом много писал ранее. А надежных гарантий сохранения советского нейтралитета и в будущем Сталин Гитлеру не давал.

Между прочим, Гитлер все это прекрасно понимал. И все измышления Резуна-«Суворова» о фюрере, якобы обманутом Сталиным, убедительно опровергаются самим фюрером. Достаточно вчитаться в аутентичное, но малоизвестное, редко цитируемое, письмо Гитлера, отправленное им Муссолини накануне войны — 21 июня 1941 года. Насколько я знаю, в СССР оно было впервые опубликовано в №5 малотиражного «Военно-исторического журнала» за 1965 год и начиналось так:

«Дуче! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения... Дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или в следующем году к гибельным последствиям...

После уничтожения Франции — вообще после ликвидации всех их западноевропейских позиций — британские поджигатели войны направляют все время взоры туда, откуда они пытались начать войну: на Советский Союз.

Оба государства, Советская Россия и Англия, в равной степени заинтересованы в распавшейся, ослабленной дли-

тельной войной Европе. Позади этих государств стоит в позе подстрекателя и выжидающего Североамериканский Союз...

Если и дальше терпеть эту опасность, придется, вероятно, потерять весь 1941 год, и при этом общая ситуация ничуть не изменится. Наоборот, Англия еще больше воспротивится заключению мира, так как она все еще будет надеяться на русского партнера. К тому же эта надежда, естественно, станет возрастать по мере усиления боеготовности русских вооруженных сил. А за всем этим еще стоят американские массовые поставки военных материалов, которые ожидаются с 1942 года...»

Все, упомянутое в письме фюрера, объективно вынуждало Гитлера предпринимать какие-то масштабные акции против СССР как можно быстрее — уже в 1941 году. Что и было проделано в действительности, потому что мирный 1941 год в отношениях с СССР без надежных гарантий долгосрочного партнерства с ним не давал Германии никаких преимуществ и выгод. Напротив, мир с СССР ставил рейх во все более сложное положение. Ведь немцы уже вели войну с Англией, не желавшей идти на мир. потому что он был категорически не нужен Штатам.

Зато для СССР лишний мирный год был принципиально важен во всех отношениях! Мы имели бы выгоды во всем, начиная с того, что в 1942 году была бы мирно завершена третья пятилетка и экономический потенциал СССР резко усилился бы. К лету 1942 (а тем более — 1943-го!) года РККА была бы полностью перевооружена, причем — превосходным оружием. Были бы не на бумаге, а в реальности сформированы могучие танковые и авиационные корпуса, обучены новые стрелковые дивизии. И вот эта, с иголочки, но уже обкатанная для предстоящих боев сила, превентивно ударив по дислоцированным у границ с СССР частям вермахта, имела бы решающие шансы на успех.

Имела бы, но — не в 1941-м, а в 1942 году.

А еще лучше — в 1943 году.

Что — Сталин этого не понимал?

Все он понимал прекрасно, и поэтому ни о каком ударе в 1941 году не помышлял. К тому же он не мог не принимать в расчет и то, что положение рейха с каждым годом будет лишь ухудшаться из-за нежелания англосаксов заключать мир с Гитлером. Если бы Вермахт не ударил по России в 1941 году, то это было бы еще менее вероятным в следующем, 1942 году. Зато, если бы Гитлер не начал войну с Россией, в 1942-м, и уж, во всяком случае, в 1943 году надо было ожидать мощных ударов вступивших во Вторую мировую войну Соединенных Штатов Америки и Англии по Европе, занятой немцами. Положение немцев вследствие этого лишь осложнилось бы.

Так к чему Сталину было торопить события и ввязывать Россию в опасную войну с рейхом? Не умнее ли было укреплять СССР и спокойно наблюдать за ходом развития событий? И если уж и готовить удар по Германии, то нанести его в особенно благоприятный для этого момент — не ранее 1942 года.

Да, я не раз писал и по сей день убежден, что самым разумным вариантом для СССР и Сталина был бы союз с Германией и наши совместные с ней действия на антианглосаксонской и антиимпериалистической основе. Это был сложно реализуемый, но возможный вариант. Как возможный, так и вероятный! Однако если вести анализ в рамках теоретического допущения о целесообразности для СССР превентивной войны против Третьего рейха, то корректный вывод тут может быть, повторяю, один: вариант такой войны для 1941 года был полностью исключен.

Для 1941 года!

Между прочим, сказанное выше подтверждается фактически и самими немецкими авторами, писавшими по теме после войны. Тут дело вот в чем... Если мы располагаем множеством документов, подтверждающих озабоченность СССР военными приготовлениями немцев на границе с СССР (достаточно вспомнить до-

несения разведки погранвойск НКВД от 1941 года, которые тут же транслировались Берией Сталину, Молотову и Тимошенко с Жуковым), то аналогичных документов с немецкой стороны в природе, вообще-то, не имеется.

И это — крайне показательный и доказательный факт!

Масштабные военные приготовления, да еще в приграничных районах, долго скрывать от потенциального противника нельзя. И если бы деятельность РККА в приграничной зоне в 1941 году имела характер подготовки к превентивной войне, это обстоятельство было бы обязательно зафиксировано германскими разведслужбами и немедленно доведено до сведения высшего руководства Германии, включая Гитлера.

В том, что это было бы так, сомневаться не приходится еще и потому, что английскому и американскому агенту влияния в «верхах» Вермахта — я имею в виду шефа абвера адмирала Канариса — кровь из носа надо было создать у фюрера впечатление не только о слабости русских, чтобы подтолкнуть Гитлера к войне с нами, но и с теми же подстрекательскими целями создать впечатление о скором ударе русских. Тем не менее ничего подобного ниже цитируемым советским разведывательным сводкам, укладываемым Берией на стол Сталину, абвер уложить на стол Гитлеру не мог. Не мог, несмотря на все усилия Канариса и его абверовских соратников по служению англосаксам и Золотой Элите мира.

Зато у нас информации о подготовке германской агрессии против СССР в 1941 году хватало. И она в реальном масштабе времени доходила до Сталина и, вопреки многолетней клевете на него, им своевременно учитывалась.

Вот что сообщал весной 1941 года Сталину, Молотову и наркому обороны Тимошенко нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия. Вот что писал он о приготовлениях немцев к переброске германских войск к советской границе и о нарушении воздушного пространства СССР, например, в записке № 1196/Б от 21 апреля 1941 года:

«С 1 по 19 апреля 1941 г. пограничными отрядами НКВД СССР на советско-германской границе добыты следующие данные о прибытии германских войск в пункты, прилегающие к государственной границе в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве.

В пограничную полосу Клайпедской области:

Прибыли две пехотные дивизии, пехотный полк, кавэскадрон, артиллерийский дивизион, танковый батальон и рота самокатчиков.

В район Сувалки-Лыкк:

Прибыли до двух мотомехдивизий, четырех пехотных и двух кавалерийских полков, танковый и саперный батальоны.

В район Мышинец-Остроленка:

Прибыли до четырех пехотных и одного артиллерийского полков, танковый батальон и батальон мотоциклистов.

В район Остров-Мазовецкий — Малкия-Гурна:

Прибыли один пехотный и один кавалерийский полки, до двух артиллерийских дивизионов и рота танков.

В район Бяла-Подляска:

Прибыли один пехотный полк, два саперных батальона, кавэскадрон, рота самокатчиков и артиллерийская батарея.

В район Влодава-Отховок:

Прибыли до трех пехотных, одного кавалерийского и двух артиллерийских полков.

В район г.Холм:

Прибыли до трех пехотных, четырех артиллерийских и одного моторизованного полков, кавполк и саперный батальон. Там же сосредоточено свыше пятисот автомашин.

В район Грубешув:

Прибыли до четырех пехотных, один артиллерийский и один моторизованный полки и кавэскадрон.

В район Томашов:

Прибыли штаб соединения, до трех пехотных дивизий, и до трехсот танков,

В район Пшеворск-Ярослав:

Прибыли до пехотной дивизии, свыше артиллерийского полка и до двух кавполков. <...>

Сосредоточение германских войск вблизи границы происходило небольшими подразделениями, до батальона, эскадрона, батареи, и зачастую в ночное время.

В те же районы, куда прибывали войска, доставлялось большое количество боеприпасов, горючего и искусственных противотанковых препятствий.

В апреле усилились работы по строительству укреплений. <...>

За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 43 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину до 200 км.

Большинство самолетов фиксировалось над районами: Рига, Кретинга, Тауроген, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно.

Приложение: схема.

*Народный комиссар
внутренних дел СССР Берия»*

А вот извлечения из записки Берии № 1798/Б от 2 июня 1941 года. В записке, направленной лично Сталину, в частности, говорилось:

«...Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашов и Лежайск сосредоточились две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в местечке Улянув... и штаб армии в фольварке Усьмеж... командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения).

25 мая из Варшавы... отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на

аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполья) было доставлено сто самолетов. <...>

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау — в районе местечка Ульгувек... 18 мая — генерал с группой офицеров — в районе Белжец... 23 мая генерал с группой офицеров... в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов. <...>

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР...<...>

Основание: телеграфные донесения округов.

*Народный комиссар
внутренних дел СССР Берия»*

Пятого июня 1941 года Берия направляет Сталину записку № 1868/Б:

«Пограничными отрядами НКВД Украинской и Молдавской ССР дополнительно (наш № 1798/Б от 2 июня с.г.) добыты следующие данные:

По советско-германской границе

20 мая с.г. в Бяло-Подляска... отмечено расположение штаба пехотной дивизии, 313-го и 314-го пехотных полков, личного полка маршала Геринга и штаба танкового соединения.

В районе Янов-Подляский, 33 км северо-западнее г. Бреста, сосредоточены понтоны и части для двадцати деревянных мостов. <...>

31 мая на ст. Санок прибыл эшелон с танками. <...>

20 мая с аэродрома Модлин в воздух поднималось до ста самолетов.

По советско-венгерской границе

В г. Брустура... располагались два венгерских пехотных полка и в районе Хуста — германские танковые и моторизованные части.

По советско-румынской границе

<...> В течение 21-24 мая из Бухареста к советско-румынской границе проследовали: через ст. Пашканы — 12 эшелонов германской пехоты с танками; через ст. Крайова — два эшелона с танками; на ст. Дормэнэшти прибыло три эшелона пехоты и на ст. Борцов два эшелона с тяжелыми танками и автомашинами.

На аэродроме в районе Бузеу... отмечено до 250 немецких самолетов. <...>

В Дорохойском уезде жандармские и местные власти предложили населению в пятидневный срок устроить возле каждого дома бомбоубежище.

Генеральный штаб Красной Армии информирован.

Основание: телеграфные донесения округов.

*Народный комиссар
внутренних дел СССР Берия*

Это — лишь три из многих советских предвоенных разведывательных документов, и они вполне однозначно тревожны. Абвер же, хотя в советские приграничные округа — Прибалтийский, Западный и Киевский особые — тоже прибывали новые части, наполнить свои разведсводки *тревожным* звучанием не мог. Для тревоги не было объективных оснований. А специально изобретать фальшивки о мнимой агрессивности Сталина у Канариса к весне 1941 года нужды не было — Гитлер и так решил ударить.

Но решил он так не в последнюю очередь благодаря дезинформации Канариса иного рода, намеренно занижавшей военный и экономический потенциал СССР.

К слову... Насколько я помню, в одной из своих книг (если не ошибаюсь, в «Самоубийстве») Владимир Резун заявляет, что Гитлера-де подталкивало к войне с нами его окружение. Конечно, экс-майору Резуну — креатуре «Интеллиженс сервис», важно выгородить другую креатуру «Интеллиженс сервис» — адмирала Канариса и распределить фактически единоличную ответственность англо-американского агента влияния Канариса за провоцирование Гитлера *на все окружение* фюрера.

Но кто мог влиять на фюрера подобным образом?

Гесс? Он не был авторитетом для фюрера в военных вопросах, как и Гиммлер, Геббельс, Борман.

Геринг — на этот счет есть надежные свидетельства — войны с Россией опасался.

Что уж говорить о генералитете, который фактически поголовно относился к идее такой войны скептически, как и экономическое руководство рейха?

Нет, важнейшую роль сыграли провокации Канариса, предпринимаемые им по указанию Вашингтона и Лондона, которым крайне важно было сравнить Россию и Германию именно в 1941 году. Но вина Канариса за расширение масштабов войны имеет подчиненное значение по отношению к вине за раздувание военного пожара двух англосаксонских «демократий». А это выставляет их перед историей не в лучшем виде.

Вот, судя по всему, и получает экс-майор Резун задание по мере сил обелить адмирала от разведки, обеляя тем самым и страну своего нынешнего пребывания, как и ее «старшего брата» из-за океана.

Но, как уже сказано, Гитлер и сам склонялся к войне. Можно вспомнить, например, в качестве иллюстрации, послевоенные признания бывшего советника германского посольства в Москве Густава Хильгера. В своих мемуарах он писал, что в последние недели перед войной работа посольства утратила смысл — Берлин перестал интересоваться отчетностью, и лично Хильгер убивал время в чтении и дискуссиях с послом Шуленбургом.

Предлагаю почитателям автора «Ледокола» самим хорошенько поразмышлять над сказанным выше, не очень-то доверяясь «открытиям» «кумира». Возможно, тогда им станет понятно, что идея превентивной войны СССР против Германии — особенно для конкретного 1941 года — была глубоко порочной со всех точек зрения: геополитической, политической, военно-политической, военной, экономической и даже с моральной, хотя последнюю точку зрения в разумной государственной политике учитывать удастся далеко не всегда.

В геополитическом отношении СССР в результате превентивного удара отнюдь не улучшал своих позиций. К лету 1941 года фактически бескровно и без серьезных военных действий, если не считать финской кампании, Советский Союз уже вышел на естественные геополитические рубежи, вернув в состав Российского Геополитического пространства Западную Украину, Западную Белоруссию, Прибалтику, Бессарабию и старые российские территории, переданные Александром I в состав Великого княжества Финляндского в начале XIX века. Кроме того, СССР включил в свой состав Северную Буковину. То есть геополитические задачи к лету 1941 года были решены без большой войны.

В политическом и военно-политическом отношении СССР в случае превентивной войны с Германией добровольно переходил из выгодного по тем временам положения нейтральной невоюющей страны, сохраняющей для себя широкие возможности внешнеполитического маневра, в сомнительное и опасное положение воюющей страны. Причем опасность для России таилась не только в возможности ее неуспеха в войне с Германией. Единоличный успех в войне с Германией в 1941 году был для СССР не менее опасен. Позднее я подробно поясню, что имею в виду.

Кроме того, превентивный удар делал бы СССР агрессором, чего Сталин не желал допустить никак.

В чисто военном и военно-техническом отношении превентивная война СССР с Германией означала бы в 1941 году авантюру в силу неполной готовности РККА, находящейся в 1941 году в стадии активного перевооружения и переформирования. Все это достаточно хорошо известно, и я здесь сошлюсь на один лишь представительный пример, однажды уже мной приводившийся. Будущий дважды Герой Советского Союза генерал армии Дмитрий Данилович Лелюшенко весной 1941 года был назначен командиром 21-го механизированного корпуса, который предстояло сформировать в составе двух танковых и одной мотострелковой дивизии. По штату корпус, дислоцировавшийся на юго-западе Псков-

ской области на даугавпилсском направлении, должен был иметь 1031 танк разных марок. В наличии же имелось 98 БТ-7 и Т-26. Новые тяжелые танки КВ и новые средние танки Т-34 в корпус только начинали поступать. В конце мая 1941 года Лелюшенко имел в Москве разговор с начальником Главного автобронетанкового управления РККА генерал-лейтенантом Федоренко. В ответ на вопрос комкора Лелюшенко о том, когда придут танки, Федоренко сказал: «Не волнуйтесь! По плану ваш корпус должен быть укомплектован полностью в 1942 году».

Ситуация с 21-м мехкорпусом была типичной. Так что, выходит, Сталин предполагал вначале ударить по Гитлеру в июле 1941 года неукомплектованными корпусами, выиграть с неукомплектованными корпусами превентивную войну, а уж затем — в 1942 году, уже в местах новой дислокации корпусов в Восточной Пруссии, под Берлином, в районе Мюнхена и т.д., полностью укомплектовать корпуса-победители новой техникой?

Абсурд?

Пожалуй...

Но именно этот вариант вытекает из сценария «Суворова» и остальных «суворовцев». Хотя всего одна фраза из рассекреченной в 1990 году стенограммы Совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 года полностью опровергает измышления «суворовцев»-«резуновцев». Собственно, их опровергают и все остальные материалы этого совещания, но я приведу лишь одну фразу из доклада все того же Якова Николаевича Федоренко:

«Особенная трудность в 1941 году будет заключаться в том, что целый ряд танковых соединений не получит материальной части и придется учиться на минимальном количестве материальной части».

Это ведь был доклад народному комиссару РККА за полгода до, как оказалось, реальной войны, доклад «без дураков», не на публику — совершенно секретный.

И где же здесь изобретенная Резуном готовность бронетанковых соединений Красной Армии к «автострадным» рейдам по имперским автобанам и итальянским автострадам в 1941 году?

Ну, сколько же еще легковверный читатель будет верить резуновской галиматье?

В экономическом отношении превентивная война против Германии в 1941 году была для СССР тоже нерациональной. Она лишала нас очень нужных поставок промышленного оборудования, которое мы должны были получить из Германии и получали, хотя реально получали и со скрипом — Гитлер-то войну должен был начать вот-вот, и это сказалось на темпе поставок. Однако они были, эти поставки. И главное — на них в СССР рассчитывали.

В доказательство абсурдности заявлений об агрессивности Сталина в 1941 году можно привести еще множество данных, часть которых имеется в моих предыдущих книгах, а также в книгах многих отечественных и западных, в том числе и немецких, авторов. В этом отношении интересна, например, уже давняя книга «От Брест-Литовска до «Барбароссы» западногерманских историков Ф. Круммахера и Г. Ланге. Они признают, что в 1941 году Красная Армия не была готова даже к обороне, не то что к наступлению.

Надеюсь, сказанного здесь достаточно для того, чтобы решительно отставить в сторону версию о сталинском замысле превентивного удара по Германии летом 1941 года.

Тем не менее перед нами стоит задача анализа и невероятного варианта прошлого. Поэтому спросим себя: «А как все было бы, если бы Сталин, все же, ударил? И ударил так, как это описано у Виктора Суворова и ряда других «суворовцев», то есть неожиданно для немцев и превентивно — в 1941 году?»

Что ж, поразмышляем, начав с краткого анализа еще одной версии «суворовского» пошиба, то есть с утвер-

ждения нового «соратника» Владимира Резуна — Марка Солонина, о том, что при любом развитии событий, в том числе и в случае упреждающего удара РККА, Красную Армию ожидал бы в 1941 году только разгром, потому что командование РККА сверху донизу было бездарно, а красноармейцы за «тирана Сталина» воевать не хотели.

Забавно, что по «Суворову»-Резуну все обстояло бы наоборот — превентивный удар Сталина по Гитлеру летом 1941 года означал бы, по уверениям Резуна, быстрый разгром Третьего рейха. Солонин утверждает обратное, но при этом удостоивается комплиментов Резуна.

Я уже анализировал «открытия» и Резуна, и Солонина в своей книге «10 мифов о 1941 году» и здесь разберу только один пассаж Солонина. Он сообщает цифры потерь (в процентах) боевой техники и автомашин летом 1941 года, и на том основании, что потери танков, артиллерии и т.д. превышали потери автотранспорта чуть ли не вдвое, делает примерно следующий «глубокомысленный» вывод. Мол, на танке, а уж тем более — на пушке, далеко не уедешь, да и стрелять из них надо, а это задерживает бегство в тыл и осложняет его. А на самой плохонькой «полуторке» можно быстро отмахать сотню-другую километров в сторону, от фронта противоположную. Вот и бросали-де красноармейцы танки, не желая-де на них «защищать тирана». Зато автомашины — нет, не бросали. Они на них драпали от немцев. Потому, мол, машин и сохранилось намного больше, чем танков.

«Аналитики» типа Солонина «забывают» при этом, что войсковой автомобильный транспорт хотя и участвует **в обеспечении** боевых действий и тоже несет потери, но **непосредственно** в боевых действиях — в отличие от танков, самолетов и артиллерийских орудий — не участвует. Поэтому и потери автотранспорта, даже с учетом потерь подвижных средств мотопехоты, объективно оказываются меньшими, чем потери боевой техники.

По «логике» Солонина наименьшие потери должны были бы иметь советские ВВС. Если уж на «эмке» или «полуторке» можно было быстро удрать в тыл, то на самолете это можно было сделать раз в десять быстрее. Однако советские летчики с первого дня войны воевали, а не дезертировали. И ряд негативных примеров — не измены, а бестолковщины и разгильдяйства части авиационных командиров — общего вывода о героическом поведении советских ВВС не отменяет.

Вот, собственно, все об измышлениях Солонина.

Но как могли бы развиваться виртуальные события в 1941 году в случае упреждающего, превентивного удара РККА? Развиваться не «по Суворову», не «по Солонину», а с учетом объективно имевшихся факторов и обстоятельств?

Надо сказать, что вопрос интересен. И лично для меня он интересен, тем более что над этой стороной проблемы я никогда ранее не задумывался, всегда понимая, что сообщения о якобы агрессивных планах Сталина в 1941 году, сорванных-де упреждающим ударом Гитлера, — всего лишь жалкие и грубо сляпанные измышления. Но, оказывается, и провокации резунов могут сослужить хорошую службу, если рассматривать их как отправные точки для новых, вполне взвешенных и исторически корректных размышлений. Ведь для полного и всестороннего анализа ситуации 1941 года полезно не провокационным, не клеветническим, не «чернушно»-пропагандистским образом, а объективно рассмотреть возможные последствия превентивного удара СССР по Германии летом 1941 года.

При этом я не склонен жонглировать номерами частей и соединений, заниматься играми «в солдатики» на картах, двигая туда или сюда механизированные корпуса и пехотные дивизии, и строить из себя великого полководца, как это делают сегодня ряд историков, резво пишущих о той войне, но вряд ли знакомых с армейской практикой даже в объеме курса молодого бойца.

Давно сказано, что «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», но сегодня подобных «стратегов»

развелось так много, что, в дополнение к бессмертным строчкам Шота Руставели, хочется не в рифму, но по существу прибавить: «Особенно тогда, когда «стратеги» видят бой не просто со стороны, а с приличного исторического отдаления, зная и ход былых боевых действий, и точную дислокацию войск, и обстановку на картах, и конечные результаты отдельных операций и кампаний в целом».

Тогда легко быть Македонским, Морицем Саксонским и Наполеоном с Мольтке, вместе взятыми.

Все же, не изображая из себя квалифицированного генштабиста, в качестве исходного тезиса рискну заявить, что построение наших войск к лету 1941 года было предпочтительнее для активной обороны с переходом в контрнаступление, чем для превентивного наступления. Дислокация же частей и соединений Вермахта была в этом отношении прямо противоположной — это была дислокация превентивного удара. Поскольку немецкие авторы, писавшие о Второй мировой войне после окончания этой войны, знали, у кого «рыльце в пушку», они особенно не упирали на анализ исходной дислокации войск по обе стороны границы. Зато в «России» появился ряд авторов, которые усмотрели в сосредоточении в Белостокском выступе большинства механизированных корпусов Западного особого военного округа доказательство их изготровки к превентивному удару по немцам. Об этом пишет, например, Борис Шапталов в своей удивительно необъективной книге «Испытание войной».

Однако сложившаяся к 1941 году конфигурация советско-германской границы с двумя выступами в районе Белостока и Львова благоприятствовала скорее фланговым ударам Вермахта по РККА, чем фланговым ударам РККА по Вермахту. Всегда удобнее наступать по сходящимся, чем по расходящимся направлениям.

Здесь, пожалуй, уместно вспомнить ситуацию, сложившуюся на советско-германском фронте к лету 1943 года в районе Курского выступа. Советские войска изготавливались тогда к стратегической обороне против Вер-

махта, готового бить под основание «выступа» с флангов. В 1943 году события развернулись для немцев не так, как в 1941 году, но сам их замысел основного стратегического удара лета 1943 года в виде наступления по двум сходящимся направлениям доказывает как раз то, что было сказано выше, то есть — объективно оборонительную ситуацию для РККА летом 1941 года.

Впрочем, при всем при этом возможности для нашего успешного превентивного удара по немцам в 1941 году имелись, конечно же, немалые. И, не вдаваясь в возможное развитие событий так, как это делают не только литературные «полководцы», но и — по долгу службы и профессии — профессиональные военачальники на картах командно-штабных и полевых учений, можно дать исходно успешную оценку той ситуации, которая могла бы стать результатом превентивного удара РККА летом 1941 года.

Но — лишь исходно успешную, поскольку на устойчивый стратегический, а тем более — геополитический успех мы в результате превентивного удара по Германии рассчитывать не могли.

Что мы могли получить и чего могли достигнуть в ходе такого удара?

Скорее всего, первоначальный серьезный успех Красной Армии был бы обеспечен. Ведь войска, двинутые в бой по заранее отданному приказу, и войска, поднятые по тревоге для отражения неожиданного нападения, — это два принципиально разных состояния вооруженных сил.

Реально летом 1941 года Красная Армия оказалась в массе своей во втором положении. Почему вышло так, я сейчас говорить не буду, отметив лишь, что не Сталин в том виноват. Но сейчас мы рассматриваем *более веселый* для РККА, хотя и виртуальный, вариант — наш тщательно спланированный превентивный удар летом 1941 года.

Что ж, многое в этом более выгодном для нас варианте является однозначным и бесспорным, особенно — в части авиации и танков.

Так, не приходится спорить, что при превентивном ударе Красной Армии те примерно 800 самолетов, которые мы в первый же день реальной войны потеряли на аэродромах, взлетели бы в воздух вовремя — в указанный Сталиным час — и нанесли бы немцам немалый урон в воздушных боях с истребителями Люфтваффе и в бомбовых ударах по наземным целям. И это ведь — дополнительно к тем тысячам наших самолетов, которые после реального 22 июня 1941 года уцелели.

Несколько тысяч танков, потерянных нами в первые недели реальной войны без соответствующего урона для немцев, также нанесли бы по соединениям Вермахта, не ожидающим русского нападения, более эффективные удары, чем это вышло на деле после 22 июня 1941 года. Теперь ведь не танковые «клинья» немцев рвались бы на восток, а танковые «тараны» Красной Армии проламывали бы позиции немцев на западе.

Не были бы захвачены немцами и огромные военные запасы, сосредоточенные в приграничных округах, не попали бы к немцам несколько миллионов винтовок, нехватка которых очень сказалась в реальном 1941 году. К слову, их странное сосредоточение в особых приграничных округах скорее доказывает — вопреки толкованию «Суворова» — наличие в РККА и в 1941 году неразоблаченных «тухачевцев» и троцкистов, чем агрессивные намерения Сталина.

Ведь если бы Сталин решил ударить, миллионы винтовок не хранились бы на складах, а повисли бы — за считанные-то недели до удара — на ружейных ремнях за спинами пехотинцев. И уж, во всяком случае, эти винтовки находились бы во внутренних округах, которые должны были дать наибольшее количество призванных резервистов и новобранцев. А вот если Сталин удар не готовил, а в руководстве РККА, в Госплане СССР, в Совнаркоме оставались так и не выявленные враги Советской власти (которые там, увы, оставались), то складировать миллионы (!) единиц стрелкового оружия поближе к местам превентивного удара немцев было мерой, для «пятой колонны» разумной.

Мы сейчас рассматриваем геббельсовско-резуновскую версию, в соответствии с которой Сталин готовился ударить и ударил. Что ж, если бы Сталин ударил, эти винтовки нам тоже оченьгодились бы и тоже сыграли бы свою положительную роль, как и те запасы военного имущества и горючего, которые были бы использованы нами в собственном превентивном ударе, а не достались немцам в ходе их превентивного удара.

И Берлин с Данцигом в случае нашего превентивного удара можно было бы бомбить не с балтийских островов на пределе радиуса, а с аэродромов на занятой в ходе наступления польской территории, что было бы для подчиненных полковника Преображенского намного эффективнее и проще.

И обильные трофеи в первые же дни войны подсчитывали бы, надо полагать, не немцы, а мы...

То есть в идее превентивного удара РККА по Вермахту летом 1941 года были, казалось бы, свои достоинства. Но в целом эта идея была, как уже сказано, порочной и глупой со всех точек зрения.

Присмотримся к невероятной, но теоретически допущенной нами версии превентивного удара СССР по рейху внимательнее. Что мы увидим?..

Полнокомплектные советские ВВС, не горящие на земле, а наносящие удары по врагу? Воздушные бои и воздушные удары?

Да...

Но все это не дало бы нам ни решающего преимущества, ни господства в воздухе. Превентивный удар советских ВВС по Люфтваффе лишь уменьшил бы преимущество немцев, но чуда не произошло бы. Самолеты советских ВВС и в превентивном ударе были бы теми же, что и были, то есть — в массе своей или старыми, или новыми, но еще толком не освоенными, а с точки зрения технической надежности — не приработанными.

Напомню, что наши тогдашние новые пушечные истребители Як-1 и ЛаГГ-3 не превосходили новые немецкие истребители, а МиГ-3 имел лишь пулеметное

вооружение. При этом налет на самолетах новых марок Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2 у многих летчиков составлял менее 10 часов.

Немецкий летный и технический состав были подготовлены не в пример серьезнее, да и массовый боевой опыт был принципиально *большим* тогда у немцев.

Примерно таким же оказывалось положение летом 1941 года в бронетанковых войсках РККА. Да, с той массой танков, которую мы имели к лету 1941 года, можно было, казалось бы, получить в превентивном ударе серьезные преимущества. Однако реально и здесь мы решающего перевеса не получили бы. Старые танки были нередко изношены. Новые танки были мало освоены и еще ненадежны. Так, тяжелые танки КВ в 1941 году чаще терялись из-за поломок на марше, чем в боях.

На старых танках, как правило, не было рации, как и на старых истребителях. Поэтому успех превентивного удара ВВС и танковых соединений РККА мог стать в 1941 году лишь тактическим или оперативным. Иными словами, он не стал бы решающим, стратегическим.

Ведь за считанные недели новую технику должным образом не освоишь, комплект ее быстро не восполнишь. Ходовая часть КВ от того, что они были бы брошены в бой не для отражения чужого удара, а в развитие собственного превентивного, надежней не стала бы.

И танкисты с летчиками от того, что они ударили бы первыми, опытней не были бы. А рации на старые танки и самолеты не смог бы поставить в одночасье даже великий виртуальный «полководец» «Виктор» «Суворов».

То есть даже в случае превентивного удара РККА летом 1941 года ни о каком победном шествии к Берлину на «быстроходных» «автострадных» танках «конструкции» «Суворова» речи быть не могло. Общий потенциал РККА 1941 года подобный успех обеспечить не мог даже при самом удачном развитии событий.

Я сейчас пишу всего лишь статью в очередной военно-исторической сборник издательства «Яуза» и не могу приводить развернутую, объемную фактографию, от-

носящуюся к весне и лету 1941 года, поэтому просто отсылаю заинтересованного читателя к, например, двум неплохим советским монографиям, изданным достаточно массовым тиражом — 50 000 экземпляров каждая.

В коллективном труде «Начальный период войны» (Воениздат, 1974, под общей редакцией генерала армии С.П. Иванова) анализу начала Великой Отечественной войны отведено не так уж много места, но имеются интересные сведения и рассуждения о подготовке к войне и о ведении Второй мировой войны всеми великими военными державами, в том числе и СССР.

В частности, там сообщается, что весной 1941 года Генеральный штаб РККА разработал план обороны государственной границы, на основе которого каждый из приграничных военных округов должен был разработать свой конкретный план боевых действий и представить его на утверждение в Генеральный штаб. Такие планы были разработаны и с 5 по 20 июня 1941 года поступили в Генштаб на утверждение.

Как видим, план *обороны* был тщательно и детально проработан на всех уровнях, в отличие от тех тезисных и наступательных по сути «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» от 15 мая 1941 года, которые были написаны А.М. Василевским от руки, никем не утверждены, но которыми Резун и его «суворовцы» размахивают на всех углах как доказательством якобы готовности СССР к превентивному удару в июле 1941 года.

Монография 1977 года «Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» под общей редакцией генерала армии С.К. Куркоткина во многих отношениях уникальна по сей день, и в ней приводится вполне обильная и доказательная статистика, которая также подтверждает, что в 1941 году о готовности РККА к ведению инициативных наступательных действий в стиле превентивного удара говорить не приходилось.

Соответственно, не приходилось говорить и об оглушительно успешных результатах такого удара.

Их не было бы!

А что было бы?

Скорее всего, после первых, в лучшем случае — оперативных, наших успехов противостояние перешло бы в фазу затяжных боев, ведущихся с переменным успехом. Эти бои были бы взаимно тяжелыми и взаимно истощающими. При этом, с учетом всех объективных преимуществ Вермахта в 1941 году, он, оправившись от первых неудач, мог бы двинуть линию фронта вспять — на Восток. И дойти если не до Волги, то — до Днепра.

Войну против России Гитлер все равно, конечно, не выиграл бы и в этом случае. Он мог стать победителем лишь в союзе с Россией против англосаксов. Однако положение СССР с любой точки зрения оказалось бы сложным. Превентивный удар РККА в 1941 году не привел бы ни к триумфальному рывку «автострадных» танков конструкции «Виктора» «Суворова» к Берлину, ни к быстрому разгрому Третьего рейха. Не привел бы он и к краху и разгрому советских Вооруженных Сил. Скорее всего, ситуация оказалась бы межеумочной — в силу неумного нашего решения на превентивный удар, и ее развитие тоже было бы межеумочным. Превентивным ударом Сталин не решил бы назревшие внешнеполитические и военно-политические проблемы, а просто перевел бы их в дурацкую плоскость.

И вот почему...

Если бы в 1941 году Сталин поставил бы себя в положение формального агрессора, а Гитлер оказался бы в 1941 году формальной жертвой советской агрессии, мировая военно-политическая ситуация могла бы развиваться для СССР не лучшим образом.

Для фюрера она оказывалась в любом случае проигрышной. Но и для СССР она была бы в случае первого удара СССР очень сложной для нас и неблагоприятной. И чем *большим* был бы наш успех в превентивном ударе, тем *большой* опасности мы бы подвергались.

И ничего парадоксального в этом не было бы — если знать подоплеку тогдашней мировой ситуации.

Вторая мировая война была задумана и спланирована в Вашингтоне задолго до того, как она началась. Собственно, она была запрограммирована «мирным» Версальским договором 1919 года. И ожидаемым результатом планируемой войны должно было стать взаимное истощение России и Германии, а как следствие этого — безраздельный мировой диктат США с Англией и Францией в качестве «присяжных» при заокеанском «кореннике».

В соответствии с заокеанским планом войны, Гитлера надо было провоцировать против СССР так, чтобы добиться удара Гитлера по России. В идеале рейх и СССР должны были взаимно обессилить себя, после чего США пришли бы в Европу как абсолютная решающая сила. Менее удобным, но приемлемым для США вариантом был бы полный разгром рейхом Советской России. Тогда США пришлось бы провести в Европе победоносную войну против рейха почти единолично, то есть — с большими людскими и материальными потерями. Но это было бы не очень-то критично для капиталистической элиты США — *электорат* США обеспечил бы как воспроизводство людских резервов, так и финансирование дополнительных военных расходов.

А вот вариант стратегического успеха СССР в 1941 году для Запада, для США, для мировой Золотой Элиты был бы абсолютно неприемлем.

Рассмотрим два варианта. Первый — близкий к «резуновскому». Красная Армия в результате превентивного удара продвигается в глубь Польши и подходит к границам рейха. Бои взаимно тяжелы, но есть шанс на нашу окончательную победу в 1941 году.

Второй, вскользь уже упомянутый вариант — обратное продвижение Вермахта после нашего натиска до линии, например, Нарва — Днепр от Смоленска до Киева — Одесса. Здесь линия фронта могла стабилизироваться до весны 1942 года, после чего было бы более чем вероятным наше успешное и победное наступление до Берлина — ведь к кампании 1942 года в этом случае Красная Армия получила бы качественно и количест-

венно иной военно-технический облик, а Вермахт был бы примерно тем же, то есть — качественно более слабым, чем РККА.

Все это время англичане не вели бы серьезных действий против рейха, зато при обозначившемся стратегическом успехе РККА были бы почти неизбежными мирные переговоры немцев с англичанами и заключение мира.

Причем это был бы не сепаратный мир, потому что в рассматриваемом нами варианте СССР не был бы союзником англосаксов.

Иными словами, единоличный успех в превентивной войне против Германии был бы для СССР не менее опасен, чем провал такой акции.

Как уже было сказано выше, для англосаксов, и прежде всего для США, были приемлемы лишь два варианта.

Первый, идеальный — рейх разбивает СССР, истощив при этом себя. Затем США легко побеждают немцев.

Второй, допустимый — рейх разбивает СССР, оставаясь вполне сильным, но недостаточно сильным для того, чтобы выиграть войну против США в союзе с Англией. Затем США обеспечивают себе победу, приложив для того немало усилий.

Вариант же разгрома рейха силами одной лишь победоносной и крепнувшей России был для США абсолютно неприемлем и недопустим. И поэтому, если бы наши успехи виртуального 1941 года вели бы нас в Берлин, англосаксы не только мгновенно свернули бы свое противостояние с рейхом, но и, весьма вероятно, блокировались бы с ним для борьбы с «большевистским нашествием».

Да, все это было бы реальным, потому что в случае превентивного удара по немцам Россия имела бы репутацию агрессора, а наше продвижение в Европу немедленно консолидировало бы все антикоммунистические силы Европы — от Финляндии и Англии до вишистской Франции, Венгрии, Румынии, Италии и так далее.

Вспомним, как хотелось, но очень уж кололось, англ-

лосаксам заключить сепаратный мир с немцами даже в начале 1945 года! И причина была одна — страх перед приходом в Европу «Советов» и боязнь «советизации» Европы. Ведь антинацизм Запада был вынужденным, а антикоммунизм, антисоветизм и русофобия — врожденными, органически Западу свойственными.

Черчилль даже летом 1945 года держал в Норвегии неразоруженную (!) полумиллионную (!!)-германскую армию. Держал на всякий случай, но однозначно — против русских, бывших в 1945 году юридически союзниками Англии.

Что уж говорить о таком варианте 1941 года, когда не генерал Гудериан рвался бы к Москве, а генерал Павлов — к Берлину, и мы при этом не были бы союзниками бриттов?

Да Черчилль тут же стал бы лучшим другом фюрера!

Чаще всего забывается, но зря забывается, что США, Англия и Франция во время советско-финской войны 1939—1940 годов были на грани вступления в войну с СССР на стороне финнов, что эти страны инициировали тогда исключение СССР из Лиги Наций и фактически прервали с нами дипломатические отношения. А весной 1940 года англичане и французы всерьез планировали воздушные удары по Баку, а затем — и наземные операции.

В случае виртуальных «европейских» побед РККА в 1941 году эти планы могли бы получить новое наполнение и реализоваться. А после таких ударов союзники могли бы заключить с Германией мир и ударить по СССР при координации своих действий с немцами.

И плохо бы нам было тогда после всех «автострадных» успехов «стратега» Резуна.

Итак, подводя итог нашему анализу, можно сделать следующие основные выводы.

1. Тезис о подготовке Сталиным первого удара по рейху летом 1941 года полностью антиисторичен, провокационен и лжив. Такой удар был невероятен с любой точки зрения, в том числе в силу его полной нецелесообразности для СССР в ситуации 1941 года.

2. Рассмотрение тезиса о возможности превентивной войны СССР против Германии в 1941 году допустимо лишь для полноты анализа тогдашней ситуации.

3. Превентивный удар РККА в 1941 году не привел бы ни к триумфу, ни к разгрому советских Вооруженных Сил, а обусловил бы тяжелые бои с переменным успехом и вероятным перемещением их к осени 1941 года на территорию СССР до линии Днепра.

4. Рассматривая теоретическую ситуацию после превентивного удара СССР в 1941 году, можно сказать, что в 1942 году можно было бы ожидать вначале успешной для СССР весенней кампании 1942 года, однако развитие успеха могло бы привести к блокированию с рейхом всех антикоммунистических сил Европы, включая Англию, и к организации совместных военных действий против СССР при патронаже или даже прямом участии в европейской войне уже в 1942 году Соединенных Штатов Америки.

5. Совместная агрессия Запада и США против СССР, ставшая результатом превентивной войны 1941 года СССР против Германии, резко ухудшила бы наше стратегическое положение и втянула бы СССР в тяжелую и длительную войну, наиболее вероятным итогом которой стало бы изгнание агрессора с территории СССР, но не более того. Потенциал СССР как мировой державы был бы надолго подорван.

В целом можно сделать вывод, что после отказа Советской России от стратегического союза с националистической Германией наиболее рациональным для СССР оставался вариант обеспечения успеха в вероятной оборонительной войне в 1941 году и отказа от наступательной политики, по крайней мере, до полного перевооружения РККА в 1942 году.

Такое решение — на оборону в случае возможной войны — и было принято Сталиным на 1941 год реально.

Лишь откровенно агрессивные приготовления Германии вдоль советских границ и информация об этих приготовлениях разведки пограничных войск НКВД СССР, постоянно передаваемая Сталину наркомом Берией, побудили Сталина срочно активизировать нашу военную деятельность примерно с 18—19 июня 1941 года.

В коллизиях предвоенной ситуации 1941 года по сей день много неясного, но я неоднократно писал в своих книгах о том, что при ее анализе, и, особенно при анализе последней предвоенной недели, важнейшими реперными точками следует считать:

* нарастающий в течение апреля—июня 1941 года поток информации о масштабных приготовлениях немцев и концентрации их войск в приграничной полосе, получаемый от приграничных информаторов массовой разведки погранвойск НКВД СССР;

* постепенное осознание Сталиным готовности Гитлера начать войну уже летом 1941 года;

* предварительный политический зондаж Гитлера, предпринятый Сталиным в форме опубликования Заявления ТАСС от 13—14 июня 1941 года;

* окончательный политический зондаж Гитлера, предпринятый Сталиным 17 или 18 июня 1941 года в форме отклоненного Гитлером предложения немедленно направить в Берлин Молотова;

* организация Берией и руководством ВВС РККА 17 или 18 июня 1941 года, по поручению Сталина, полета вдоль границы командира 43-й истребительной авиадивизии ЗапОВО полковника Г.Н.Захарова для получения информации о ситуации по ту сторону границы со съемом информации в реальном масштабе времени силами погранвойск НКВД и немедленной передачей ее в Москву;

* решение, не позднее 19 июня 1941 года, Сталина о проведении срочных военных мероприятий, включая вывод командования Западного и Киевского Особых военных округов на фронтовые командные пункты.

Я об этом писал не раз, об этом же я говорил и в документальном фильме «Кто прошляпил начало войны?», снятом в 2008 году по моей концептуальной разработке ассоциацией «Наше кино» по заказу НТВ.

Да, многое еще не ясно до конца. Но уже можно сказать, что катастрофические события конца июня — начала июля 1941 года были обусловлены рядом таких объективных и субъективных причин, в том числе — просчетами высшего генералитета, которые позволяют снять лично со Сталина не только обвинение в намерении нанести летом 1941 года внезапный превентивный удар по Германии, но и обвинение его в ответственности за провалы начального периода войны.

Сталин не прошляпил начало войны. Однако для затронутой выше темы не менее важен тот неоспоримый факт, что Сталин летом 1941 года превентивной войны и не готовил — с любой точки зрения.

ТИЛЬЗИТСКИЙ ТУПИК

Если говорить о планах превентивного удара Советского Союза по Германии в 1940-х годах, то можно заметить одну интересную особенность. С легкой руки британского историка (советского изменника Суворова) Резуна принято считать, что Гитлер опередил Сталина всего на какую-то пару недель, в результате чего война продлилась четыре кровавых года, вместо того чтобы закончиться за четыре недели. Этаким блицкриг по-советски. Но тогда следует, что Сталин выбрал чуть ли не самый неподходящий момент из всех возможных для нападения на Германию, специально дождавшись сосредоточения основных сил Вермахта на востоке. Зачем? Чтобы разгромить их «малой кровью, могучим ударом»? А где гарантия, что это получится? Полностью отмобилизованная, отдохнувшая армия — не тот противник, на котором следует проверять сомнительные идеи. Но не проще ли было попытаться достичь своих целей в более благоприятной обстановке?

Такая благоприятная обстановка складывалась для Красной Армии не один раз, причем всегда ключевым фактором можно было считать рассредоточенность немецких частей и соединений. Впервые мы видим подобную ситуацию в сентябре 1939 года во время так называемого «освободительного похода» в Польшу. К этому времени дивизии Вермахта были равномерно «размазаны» буквально по всей территории страны, изрядно потрепаны боями и маршами. Напротив, Красная Армия действовала сосредоточенными, компактными ударными группами, которые никаких боев не вели, так, мелкие локальные стычки, не более. Поэтому она имела

все шансы перемолоть немецкие дивизии до того, как немцы сообразят, что именно началось. Имелся еще один дополнительный нюанс, работавший на Красную Армию. Знаменитые Панцерваффе пока еще не превратились в реальную силу, слаженность танковых дивизий была далека от идеала, а структура оказалась такой же громоздкой и неуклюжей, как и у нас. Но вот количество танков было сильно неравным, да и качество тоже. Поэтому шансы на успех были совсем неплохими, требовалась только внезапность.

Вторым, просто идеальным, периодом нужно считать июнь 1940 года, когда Вермахт увяз в боях во Франции. В этом случае предстояло смять лишь слабые кордоны, и совсем не требовалось дожидаться, пока немцы по уши увязнут в операции «Морской лев», тем более что они и не планировали переправлять в Англию все свои силы. Я считаю, что это была идеальная возможность воткнуть нож в спину Гитлеру, причем отразить этот удар у немцев не было никаких шансов. Танковые дивизии, которые пришлось бы перебрасывать из Южной Франции, в лучшем случае встретили бы советские мехкорпуса в районе Зееловских высот, и еще не факт, что сумели бы остановить их. По сути, такой вариант войны вылился бы в схватку между советскими танковыми войсками и Люфтваффе, вот пикировочные эскадры могли прибыть на Восточный фронт буквально через пару дней. При этом в условиях полной готовности советской авиации и ее численном превосходстве успех Люфтваффе совсем не выглядит гарантированным.

Но ведь нет же, приспичило почему-то дожидаться лета 1941 года, когда обстановка для подобного мероприятия стала чуть ли не наихудшей из всех возможных. И все-таки, давайте попытаемся представить, как все могло сложиться, если поверить в мифическую дату 6 июля 1941 года. Мы предлагаем вам перевод отрывка книги известного американского историка Дэвида Гланца «Гроза без дождя» — «Dry Thunderstorm».

Раннее летнее утро где-то на территории Генерал-губернаторства... Вермахт продолжал готовиться к Восточной кампании, в частности, штаб 41-го танкового корпуса прорабатывал график выдвижения частей к советско-германской границе и вел тоскливую переписку со штабом 77-й бомбардировочной эскадры, которая наотрез отказывалась поддерживать действия танков генерала Рейнгардта. Не помогло даже вмешательство командующего 4-й танковой группой Гёпнера, командующий 1-м воздушным флотом генерал-oberст Келлер стоял насмерть, утверждая, что имеет свои собственные задачи, которые выше и важнее поддержки какого-то там корпуса.

Но вся эта мирная бюрократическая идиллия разлетелась в прах, когда в 4 часа утра совершенно внезапно советские бомбы посыпались на мирно спящие немецкие аэродромы. 4-я и 6-я смешанные авиадивизии атаковали Линденталь, Тракенен и Блюменфельд, где базировались самолеты 54-й истребительной эскадры. Хотя советским самолетам пришлось пролететь над территорией, занятой германскими войсками, немцы просто не успели своевременно отреагировать, и все свелось к беспорядочной стрельбе зениток. По воспоминаниям одного из пилотов эскадры:

«Советские самолеты в первом же вылете нанесли сокрушительный удар по нашим авиационным частям на аэродроме Линденталь. Бомбы обрушились на истребители Me-109, выстроенные вдоль взлетной полосы перед своими укрытиями. Советские истребители сопровождения И-16 атаковали аэродромы вместе с пикирующими бомбардировщиками СБ-3 (так в тексте!) и уничтожили большую часть немецких самолетов на земле. Наши истребители, которым удалось взлететь, были сбиты на взлете или сразу после него».

Аэродромы, где базировались самолеты 1-й, 76-й и 77-й бомбардировочных эскадр, пострадали меньше, хотя и там имелись потери. Замысел советского коман-

дования был очевиден: лишить группу армий «Север» воздушного прикрытия, после чего бомбардировщики, даже если они рискнут действовать самостоятельно, станут легкой добычей советских истребителей, а войска будут совершенно беззащитны перед атаками с воздуха. Напомним, что на всю 4-ю танковую группу были выделены только 133-й и 164-й зенитные полки.

Одновременно с ударом по аэродромам советские войска перешли границу почти на всем ее протяжении. Главный удар Северо-Западного фронта наносился как раз в полосе 41-го механизированного корпуса на левом фланге 4-й танковой группы. Как позднее стало известно, ударный кулак составляли части 12-го мехкорпуса Красной Армии. Не следует обольщаться фиктивным равенством сил: корпус против корпуса, в двух танковых дивизиях немецкого корпуса числились 390 танков, причем 160 из них были типа 35(t), а еще 90 — Т-II, то есть почти две трети машин в лучшем случае можно было считать ограниченно боеспособными. Зато в 12-м мехкорпусе числились 806 танков, конечно, следует вычесть отсюда непонятно каким образом затесавшиеся танкетки и музейные экспонаты, вроде FT-17, но все равно двукратное номинальное превосходство возрастает до пятикратного фактического, если еще вспомнить о пушечных бронев автомобилях БА-10. К тому же пока еще немецкие части находились в основном в местах тыловой дислокации и лишь готовились к выдвиганию в приграничную полосу. И, как мы уже отмечали, немцы были фактически лишены второго из своих главных козырей — авиационной поддержки.

В обстановке хаоса, воцарившегося после первого удара советской авиации, возникло естественное замешательство, перешедшее в легкую панику. Командующий 1-м воздушным флотом генерал-oberст Келлер приказал немедленно поднять разведчики и приготовить бомбардировочные эскадры, которые почти не пострадали, к ответному удару. Однако повторилось то же самое, что уже происходило в период Битвы за Англию. Столкнувшись с неприятными неожиданностями, нем-

цы отреагировали на них далеко не лучшим образом. Самолет 11-й разведывательной группы «обнаружил» огромную танковую колонну, движущуюся в направлении Куссена. Келлер немедленно приказал самолетам 76-й и 77-й бомбардировочных эскадр атаковать эту колонну, в воздух были подняты около сотни бомбардировщиков Ju-88. Однако сведения разведчика оказались настолько неточными, что самолетам пришлось довольно долго рыскать в поисках цели. Ударная группа развалилась на отдельные отряды, причем I группа 76-й эскадры нарвалась на советские истребители. Хотя Ju-88 был неплохим самолетом, но без истребительного прикрытия он превращался в удобную мишень. В считанные минуты были сбиты 5 самолетов, среди погибших оказался и командир группы капитан фон Зихарт. II группа 77-й эскадры стгоряча едва не отбомбилась по разворачивающимся подразделениям собственной 1-й танковой дивизии, катастрофу каким-то чудом удалось предотвратить в самый последний момент.

Развернутый в приграничной полосе 82-й разведывательный батальон 6-й танковой дивизии был моментально смят ударом советской 23-й танковой дивизии. Собственно, его командир только и успел сообщить, что принимает бой, после чего связь прервалась. Как позднее стало известно, 45-й танковый полк майора Тихоненко прошел через расположение немцев, не встретив никакого сопротивления. Позиции не были оборудованы, их попросту не существовало как таковых, уцелели лишь те, кто успел вовремя сдаться в плен.

Генерал Рейнгардт решил остановить наступление русских встречным ударом своих танковых дивизий, однако им требовалось некоторое время для подготовки. Бросать танки в наступление вслепую Рейнгардт не хотел. Одновременно он связался со своим соседом справа, командиром 56-го танкового корпуса генералом фон Манштейном. Однако тут же выяснилось, что у Манштейна масса собственных проблем, причем более серьезных. Завеса его корпуса также была смята, при-

чем здесь русские ввели в дело тяжелые танки, против которых были бесполезны противотанковые орудия. Предусмотрительный Манштейн усилил передовую завесу ротой истребителей танков «Панцеръягер I», но эти легкие машины были просто передавлены советскими стальными монстрами. Поэтому Манштейн, не особо стараясь скрыть раздражение, посоветовал Рейнгардту самому разбираться со своими трудностями. Единственное, чего сумел добиться Рейнгардт, это обещания командира 77-й бомбардировочной эскадры подполковника Райтеля выслать две группы для атаки русских танков. Но Райтель сразу предупредил, что не может ничего гарантировать, так как связь со штабом истребительной эскадры нарушена, а он не желает посылать свои самолеты на убой, утренний вылет показал, насколько рискованным может стать вылет без сопровождения истребителей.

Как выяснилось буквально через пару часов, осторожность Райтеля была более чем обоснованной. Советская авиация нанесла повторный удар по немецким аэродромам, теперь были атакованы места базирования бомбардировочной авиации. Нельзя сказать, чтобы русские летчики бомбили очень точно, видимо, они полностью выложились в утренней атаке, но тем не менее на аэродромах Хейлингенбейля, Йезау и Вормдитта воцарился хаос. Опомнившиеся немецкие зенитчики вели интенсивный огонь и сбили около двух десятков самолетов, однако немедленный вылет, обещанный Райтелем, сорвался.

Зато самолеты 7-й смешанной авиадивизии буквально в порошок стерли поспешно брошенный навстречу русским авангард 6-й танковой дивизии. Генерал Ландграф выдвинул вперед то, что оказалось под рукой — II батальон 11-го танкового полка и роту истребителей танков. Опасаясь за судьбу своих главных сил, он задержал приданный дивизии батальон 411-го зенитного полка, результат получился ужасным.

«Нас атаковали десятки русских самолетов, они были буквально повсюду. Бомбы сыпались градом, во время первого же захода они накрыли голову колонны, и командир батальона погиб. Танки попытались свернуть с дороги, чтобы укрыться в соседней роще, но местность оказалась довольно топкой, и машины ползли буквально с черепашьей скоростью, превращаясь в отличные мишени. Особенно плохо пришлось истребителям танков, так как их расчеты были прикрыты только щитами. Русские истребители, идя на бреющем над самой дорогой, безжалостно расстреливали их из пулеметов. В результате атаки батальон понес очень тяжелые потери и был вынужден отступить, не выполнив задачи».

В общем, на фронте 4-й танковой группы сложилась очень неприятная для немцев ситуация. За день советские войска продвинулись в глубь немецкой территории на расстояние до 30 километров и при этом нигде не встретили серьезного сопротивления. Хуже всего было то, что 1-й воздушный флот, хотя и не был уничтожен, понес серьезные потери и был фактически парализован. Вечером две эскадрильи 76-й эскадры, откликнувшись на отчаянные призывы Манштейна, сумели разбомбить небольшую колонну советской 2-й танковой дивизии, но это не только не остановило, но даже серьезно не задержало русские войска. Их перевес в силах был слишком велик.

Ночью немецкие командиры попытались собрать сведения с различных участков фронта, чтобы прояснить ситуацию. Картина вырисовывалась самая мрачная. Русские уверенно наступали по всей линии границы, хотя продвижение было неравномерным. Стрелковые корпуса лишь перешли границу, оттеснив немецкие завесы, тогда как механизированные острыми клиньями врезались в расположение немецких войск, причем до сих пор оставалась не слишком понятной конечная цель их наступления. Самое же главное — перед генералом Гёпнером стояла практически неразрешимая про-

блема: как остановить русское наступление? окопаться и укрепиться его войска не успевали, значит, оставался только встречный контрудар, но при колоссальном превосходстве русских в силах этот контрудар мог закончиться катастрофой. На помощь соседей рассчитывать не приходилось, так как соседняя 3-я танковая группа из группы армий «Центр» оказалась в еще более сложном положении. Огромные массы советских танков с Белостокского направления ударом на север — здесь направление определилось сразу — грозили отрезать группу Гота. Вообще было похоже на то, что советское командование готовило огромный котел, в котором должны были оказаться 3-я и 4-я танковые группы, 16-я армия и часть сил 9-й армии. Именно она попала под удар и разваливалась буквально на глазах, из ОКХ уже поступили требования отправить армейский резерв (моторизованную дивизию СС «Тотенкопф») на юг. Отступать к укреплениям в районе Кёнигсберга? Они, разумеется, выглядят грозно, но сумеют ли они сдержать удар танковой армады? А пока что, не занятые войсками, они и вообще бесполезны.

Генерал Келлер отчаянно пытался восстановить хоть какой-то порядок в своих эскадрах, что удавалось ему плохо. Относительную боеспособность сохранили 1-я бомбардировочная эскадра и несколько разведывательных групп. Келлер попытался было добиться у Геринга посылки подкреплений с Запада, но командование Люфтваффе гасило свой пожар. На центральном участке фронта положение складывалось вообще катастрофическое.

Словом, это была тяжелая ночь для генерал-оберста Гёпнера. И, словно мало было других неприятностей, русские ночью выбросили в немецком тылу несколько диверсионных групп парашютистов, которые устроили переполох на дорогах. Одна из таких групп даже атаковала штаб 8-й танковой дивизии как раз в тот момент, когда туда примчался командир корпуса Манштейн. Слава богу, рота охраны сумела отбить нападение, и Манштейн остался цел, но во время нападения погибли

начальник штаба корпуса подполковник барон фон Эверфельдт и командир дивизии генерал Бранденберг, что еще больше увеличило замешательство.

После долгих колебаний Гёпнер решил действовать активно. 41-й корпус Рейнгардта должен был встретить русских ударом в лоб, в то время как 56-й корпус Манштейна должен был подрезать основание клина. Наступление в его полосе Гёпнер собирался остановить силами дивизии «Тотенкопф».

Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Рейнгардт сумел сосредоточить мобильные подразделения 1-й и 6-й танковых дивизий, однако корпусная артиллерия и 3-й зенитный полк, на которые возлагалась борьба с русскими танками, отстали. Поэтому волею-неволей, главной ударной силой становился 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии, который имел на вооружении танки Т-III, перевооруженные 50-мм пушками. Рассчитывать на остальные машины было просто несерьезно.

На рассвете немецкие танки двинулись вперед, однако тут же были встречены сокрушительным огнем русской противотанковой артиллерии. Как оказалось, вместе с 12-м мехкорпусом наступали 10-й стрелковый корпус и 9-я артбригада ПТО. За ночь советские командиры успели развернуть бригаду на направлении предполагаемого немецкого удара и замаскировать орудия. Поэтому поспешный и неподготовленный контрудар 1-й танковой дивизии оказался форменным самоубийством.

«Выдвижение войск для контрудара происходило в условиях, когда завесы первого эшелона танковой группы отходили под натиском противника... Дивизии 41-го механизированного корпуса еще при выдвижении на исходные рубежи подверглись сильному воздействию авиации врага. В районе Тильзита произошло неожиданное столкновение частей 1-й танковой дивизии с противником. Врагу удалось отрезать ее от 6-й танковой дивизии, и тем не менее полки этой дивизии все же

смогли вовремя сосредоточиться для контрудара. Что же касается 6-й танковой дивизии, то ее части вышли в намеченные районы с опозданием на три часа, а часть ее сил оказалась связанной отражением танковых атак врага. Здесь же ожесточенные бои с противником вела и 269-я пехотная дивизия корпуса. Начало контрудара пришлось сдвинуть на три часа. Действия 41-го механизированного корпуса практически вылились во встречное сражение без должной подготовки».

Нарвавшись на массированный огонь противотанковых пушек и советских танков, 1-я танковая дивизия потеряла до 30 Т-III, после чего была вынуждена перейти к обороне, чтобы не допустить прорыва советских войск к Неману. Но когда во второй половине дня 7 июля советская 23-я танковая дивизия сама попыталась перейти в наступление, оно имело еще более катастрофические последствия. 144-й танковый полк был практически полностью уничтожен, его командир полковник Кокин погиб. После этого боя дивизия уже не могла считаться эффективной боевой единицей.

Главные события в этот день разыгрались на южном фланге образовавшегося выступа, где попытался наступать 56-й механизированный корпус Манштейна. К вечеру предыдущего дня немецкие войска были вытеснены за Неман, однако мосты через реку не взрывали «по обоюдному соглашению», каждая из сторон надеялась использовать их для **своего** наступления. Именно над этими мостами рано утром разыгрался крупный воздушный бой. Генерал Келлер за ночь успел сколотить сводную истребительную группу «Храбак», куда вошли остатки 54-й эскадры. Эта группа прикрывала потрепанные, но все еще грозные 4 бомбардировочные группы 76-й и 77-й эскадр, направленные для атаки советских войск на фронты наступления 56-го корпуса. 1-я бомбардировочная эскадра прочно увязла в боях на приморском участке фронта. Келлер попытался выпросить у командования Люфтваффе хотя бы одну эскад-

рилью пикировщиков, но ему отказали наотрез. В полосе групп армий «Центр» и «Юг» дела обстояли еще хуже, и сейчас пикировочные эскадры пытались помочь 17-й армии отразить русское наступление в направлении на Люблин. Вообще, единственным участком, где обозначился хотя бы символический успех, был район Бреста, где 2-я танковая группа не только отразила первый удар русских, но и даже продвинулась на советскую территорию. Однако даже «Стремительный Гейнц» Гудериан начал колебаться, так как наступление его танков при отсутствии соответствующих ударов 3-й танковой группы Гота лишалось всякого смысла. Гудериан, наверное, мог продвинуться дальше, но это привело бы только к полной изоляции его группы. Поэтому 3-я танковая группа продолжала топтаться на месте. На южном участке фронта румынская 3-я армия, даже не вступив в бой, начала поспешный отход, обнажив левый фланг немецкой 11-й армии, которая сразу попала в крайне опасное положение.

Но когда немецкие самолеты прибыли в указанный район, выяснилось, что советское командование имело точно такой же замысел и бросило для атаки войск Манштейна 7-ю и 8-ю смешанные авиадивизии, усиленные 21-м авиаполком ПВО. Небо над Неманом превратилось в пылающую топку, тут и там его перечеркивали черные хвосты дыма, тянущиеся за подбитыми самолетами. Конечно, истребители Me-109 превосходили по своим характеристикам старые советские И-16, но, втрое уступая в количестве, они ничего не могли сделать, ведь им еще была поставлена задача защищать свои бомбардировщики. В ходе этого воздушного сражения немцы потеряли до 20 истребителей и 50 бомбардировщиков, советские потери оказались примерно в полтора раза выше, и немцы могли бы быть довольными, если бы после этого остатки 54-й истребительной эскадры не растаяли, словно кусок сахара в кипятке. Бомбардировка позиций 3-го мехкорпуса тоже сорвалась. Советские бомбардировщики все-таки сумели атаковать 8-ю танковую дивизию, но налет получился сла-

бым, и единственным результатом стал перенос начала немецкого наступления на два часа.

Войска Манштейна перешли Неман, причем наступлением руководил сам командир корпуса, сменивший погибшего командира 8-й дивизии. Но тут же немцы были встречены 2-й танковой дивизией. В результате Манштейн и его солдаты оказались в крайне опасном положении, так как атаку возглавляли русские сверхтяжелые танки КВ-1. Основным танком дивизии был слабый чешский 38(t), который никак не мог соперничать с русскими машинами.

«Скорчившись в неглубоких окопчиках, под дорожными мостами и в кюветах либо вообще посреди поля, немецкие солдаты ждали приближения вражеских танков. Ожидание превратилось в настоящую пытку, так как наша дальнобойная артиллерия обстреливала эти танки, не подозревая, что одновременно обстреливает и собственных пехотинцев, повезло тем, кто сумел укрыться под мостами и в других убежищах. Они могли наблюдать за происходящим, не замеченные противником. Гигантские танки с грохотом приближались, стремительно вырастая в размерах. Один из них натолкнулся на небольшое болотце, в котором увяз наш PzKw-38t. Не колеблясь ни секунды, черный монстр переехал беспомощный танк. Та же участь постигла немецкую 150-мм гаубицу, которая не успела вовремя скрыться. Когда КВ-1 приближались, гаубица стреляла по ним в упор, не причиняя никакого вреда. Один из танков пошел прямо на нее, и гаубица попала ему в лобовую броню. Мигнула яркая вспышка, и раздался громовой удар, когда снаряд взорвался. Танк остановился, словно в него ударила молния. Артиллеристы облегченно вздохнули, и один из них сказал: «Ему конец». «Да, этот получил свое», — согласился командир расчета. Но тут они буквально позеленели, так как кто-то крикнул: «Он снова движется!» Действительно, танк снова двинулся вперед, громко лязгая траками. Танк смял тяжелое орудие,

словно детскую игрушку, вдавил его в землю и исковеркал, ничего не заметив. С гаубицей было покончено, но расчет, к счастью, успел бежать».

От полного разгрома Манштейна спасло то, что он предусмотрительно перебросил к месту боя 2 батареи 88-мм зенитных орудий 23-го зенитного полка, приданного его корпусу. Они сумели подбить несколько этих супертанков, причем один из них даже проскочил через мост и едва не вышел к позициям батареи, но был остановлен в самый последний момент.

Но русские продолжали наращивать силы и ввели в бой 5-ю танковую и 84-ю механизированную дивизии. В результате 8-я танковая дивизия не выдержала напора и отошла за реку, но теперь Манштейн приказал взорвать мосты, так как не видел никаких перспектив для наступления. К тому же, как мы говорили, немного севернее ситуация принимала все более опасный характер. Генерал Гальдер 7 июля делает в своем дневнике такую запись:

«Ясно лишь, что наш 41-й танковый корпус, с самого начала находившийся в районе Тильзита, разбит танковыми корпусами русских и что танковый корпус Манштейна настолько так и не сумел продвинуться на север, чтобы подрезать основание русского клина и вынудил русских начать отход. Мы готовим организованное отступление, намереваясь прикрывать его танковыми соединениями».

Но Гальдер слишком оптимистично оценивал ситуацию. К этому времени 41-й механизированный корпус потерял уже около 70 процентов своих танков, положение 56-го корпуса было немногим лучше, недаром ведь Манштейн решительно отказался от всяких попыток проявить активность. Окончательно веру Гёпнера в успех подорвали сообщения авиаразведки — почему-то

русские не особенно старались перехватывать эти самолеты. Скорее всего, они, уничтожив ударные силы 1-го воздушного флота, просто не придавали особого значения действиям самолетов-разведчиков. Удастся перехватить — перехватят, но целеустремленно охотиться за ними никто не собирался. Так вот, разведчики обнаружили выдвижение к линии фронта новых крупных танковых сил русских. Это был недавно сформированный и тайно переброшенный в Прибалтику 28-й механизированный корпус в составе 6-й и 54-й танковых дивизий, 236-й моторизованной дивизии и приданных частей. Еще 860 танков готовились обрушиться на изнемогающие войска Гёпнера. В результате он, нарушая приказы ОКХ, оставил у себя моторизованную дивизию «Тотенкопф» и выдвинул ее на фронт в полосу обороны 41-го механизированного корпуса. Одновременно генерал Рейнгардт перебросил на угрожаемый участок свою 36-ю моторизованную дивизию.

Утро 8 июля началось мощным налетом советской авиации на Тильзит и его окрестности, впрочем, гадать, куда именно будет направлен очередной удар, не было необходимости. Так как истребителей у генерала Келлера не осталось, отдуваться за все пришлось зенитчикам. Они старались как могли и даже сбили несколько самолетов, которые опрометчиво снизились слишком сильно, но все равно, поспешно построенные оборонительные позиции заметно пострадали. После этого по немцам открыла ураганный огонь тяжелая артиллерия. Командующий 8-й армией генерал-лейтенант Собеников стянул сюда почти всю свою артиллерию. После часовой артподготовки в атаку пошли танки 28-й танковой дивизии 12-го мехкорпуса.

Немцы встретили их нестройным артиллерийским огнем, так как часть батарей пострадала во время авианалета. Однако и того, что осталось, хватило, чтобы остановить атаку, так как советские танки действовали отдельно от пехоты. Это шло вразрез с немецкими наставлениями и всем опытом предыдущих кампаний. Судя по всему, советские командиры делали ставку на

один-единственный фактор — подавляющее превосходство в силах. Но, поскольку эта дивизия имела на вооружении только более старые танки Т-26 и БТ-7, ее атака захлебнулась, а на поле осталось около 60 сгоревших машин. Немцы полагали, что на этом все закончится, никакой командир не позволит своим частям нести такие большие потери, однако они крупно недооценили решимость генерала Собенникова. После полудня начал атаку 28-й мехкорпус. Вспоминает генерал Рейнгарт:

«Как можно было предвидеть, противник подтянул свежие силы и не только от Пскова, но и от Минска и Москвы. Вскоре нам пришлось на северном берегу Немана обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот... Наконец, 7 июля в корпус прибыло третье механизированное соединение — дивизия СС «Тотенкопф», но это не облегчило нашего положения, так как русские подкрепления были гораздо более многочисленными».

И если первую атаку 28-го корпуса немцы еще сумели отбить, то вторая, в которой участвовала и 236-я моторизованная дивизия, принесла русским успех. При этом большую помощь танкистам оказала авиация. Истребители штурмовали позиции немцев, прижимая их к земле пулеметным огнем, что позволило танкам подойти вплотную к наспех вырытым траншеям. 6-я танковая дивизия наступала короткими бросками. Ширина наступления дивизии не превышала 10 километров, что обусловило высокую плотность танков в первой линии, как позднее вспоминал один из участников боя, танки шли так плотно, что почти каждый выпущенный снаряд из немецких противотанковых пушек достигал своей цели. Но, несмотря на это, корпус двигался вперед, и в результате боев 8 июля немецкий 41-й моторизованный корпус был вынужден отойти за Неман. В целом танко-

вой группе Гёпнера удалось зацепиться за реку, однако командующий с ужасом ожидал возобновления атак на следующий день.

Сообщения с других участков фронта были такими же неутешительными. Немецкие войска отходили, оказывая то сопротивление, на которое были способны, но отступали. Однако немецких генералов озадачивал не слишком высокий темп наступления советских частей относительно задействованных сил. Если в первый день русские танковые дивизии продвинулись на расстояние 25—35 километров, то далее скорость продвижения упала до 10 километров в сутки и даже менее. Конечно, это объяснялось усилившимся сопротивлением немцев, но имелись и другие причины.

Генерал-oberст Эрих Гёпнер был бы страшно удивлен, если бы узнал, генерал-лейтенант Собенников ждет завтрашнего дня с неменьшим страхом, чем он сам. Собенников получил приказ командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Кузнецова форсировать Неман, взять Тильзит и наступать на юг к Инстербургу. Кузнецов надеялся взять в клещи немецкую группировку в Восточной Пруссии согласно составленному плану. С севера удар наносила 8-я армия в направлении Тильзит — Инстербург — Гердауэн, а с юга 10-я армия в направлении Алленштейн — Бишуфштейн — Гердауэн. Однако к исходу уже третьего дня наступления выяснилось, что советские войска находятся в таком же скверном состоянии, как и немецкие. Во время наступления части и подразделения перемешались, вдобавок командование фронта, испугавшись собственных успехов, решило отобрать у 12-го мехкорпуса 202-ю моторизованную дивизию для защиты самого себя. После удачного нападения на штаб немецкой 8-й танковой дивизии советским генералам повсюду начали мерещиться вражеские парашютисты. Венцом этой паники стала «высадка» парашютистов прямо на улицы Каунаса.

Вдобавок выяснилось, что спешка, с которой 3-й мехкорпус был передан 8-й армии, имела и свою оборотную сторону, корпус прибыл без своих тыловых час-

тей и сейчас испытывал проблемы со снабжением, прежде всего с боеприпасами, израсходованными в ходе ожесточенного боя. Генерал-майор Куркин сообщил Собенникову, что у него осталось не более четверти боекомплекта, а танки почти полностью израсходовали бензин, поэтому на следующий день он может вести лишь оборонительный бой. Кроме того, марш-бросок нанес гораздо больше потерь, чем атака, например, 5-я танковая дивизия потеряла в бою около 60 танков, но из-за различных поломок на дорогах остались чуть не вдвое больше. Такая же картина наблюдалась и в 28-м мехкорпусе.

Но выбора у Собенникова не было, срыва наступления ему никто не простил бы. Поэтому ночью он примчался в штаб 12-го мехкорпуса, чтобы лично ознакомиться с обстановкой на месте. Увиденное его совсем не обрадовало, и Собенников попытался сколотить ударную группу, чтобы утром попытаться форсировать Неман. Как ни странно, немцы и здесь не взорвали мосты, похоже Гёпнер и Рейнгардт никак не могли отказаться от намерений реализовать хоть какие-то пункты плана «Барбаросса».

Чуть раньше Манштейн оценил ситуацию гораздо более трезво, правда, для этого ему потребовалось погубить 8-ю танковую дивизию. Но теперь он ясно понимал, что встречный танковый бой при подавляющем численном превосходстве Красной Армии будет настоящим самоубийством. Немцы все еще сохраняли некоторое качественное превосходство, благодаря более совершенным системам связи, однако уступали в качестве вооружения. Довольно быстро выяснилось, что советская 45-мм танковая пушка более чем эффективна против любого немецкого танка, в отличие от короткоствольных 37-мм французских пугачей. Во Франции еще можно было рассчитывать на помощь Люфтваффе, но грозные «штукагешвадер» бесследно исчезли где-то в необъятных просторах России, а горстка Ju-88, оставшихся в распоряжении генерала Келлера, никак не могла заменить авиацию поля боя. Снова процитируем дневник генерала Гальдера:

«Войска группы армий «Север» почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, стоящей перед Либавой), отражали танковые атаки противника, которые, предположительно, вел 3-й танковый корпус русских при поддержке нескольких мотомеханизированных бригад. Правое крыло группы армий вынуждено отойти к Неману. На этом участке фронта русские сражаются крайне упорно и ожесточенно.

В общем, теперь стало ясно, нам придется совершенно забыть о наступлении, а напротив, бросить все, что только мы имеем в своем распоряжении, навстречу вклинившимся русским войскам. При этом Верховное командование Люфтваффе, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями своих частей, Геринг потерял голову. Это трудно понять. Полное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает нас возможности эффективно влиять на ход боевых действий».

В результате усилий Собенникова под командованием генерал-майора Шестопалова (командир 12-го мехкорпуса) собралась настоящая татарская орда, сколоченная из отдельных полков и даже батальонов. Самым главным, как полагал Собенников, было то, что он сумел наскрести 20 танков КВ-1, 7 КВ-2 и 20 Т-34, которые должны были сыграть роль тарана, проламывающего немецкую оборону. Вслед за тараном двигались 280 танков, собранных по принципу «каждой твари по паре». Было сложно представить, чтобы такое, с позволения сказать, «соединение» могло чего-нибудь добиться. Последующие события это подтвердили. Единственным светлым местом во всей этой мрачной ситуации была обещанная поддержка авиации. Генерал-майор Ионов твердо пообещал вбомбить Тильзит в Неман.

Свое обещание Ионов постарался выполнить, утренний налет на Тильзит оказался самым сильным из всего, что пришлось до сих пор пережить немцам. Конечно, ударам советских самолетов недоставало точно-

сти, которую демонстрировали немецкие пикировщики, однако они брали количеством. Кузнецов сумел договориться с командованием Балтийского флота и получил еще 3 полка бомбардировщиков. Конечно, не дело минно-торпедной авиации бомбить противотанковые батареи, но на них особо никто не рассчитывал, морские летчики должны были создать массовость сцены, основной удар наносила фронтовая авиация.

После короткой артподготовки (на долгую просто не хватало боеприпасов) танки рванулись к мостам. Оказалось, что немецкая оборона не столь прочная, как казалось на первый взгляд, к тому же солдаты были потрясены страшной бомбардировкой, так как нормальных траншей и блиндажей они отрыть просто не успели. Это позволило части танков проскочить железнодорожный мост, но на выходе с него они были остановлены огнем уцелевших немецких орудий. Генерал Рейнгардт, предвидя такую попытку, приказал разместить 88-мм зенитки среди зданий и садов. Часть из них была уничтожена, но остальные сделали свое дело. Тяжелые снаряды, выпущенные практически в упор, пробивали толстую броню КВ, как картон. После этого следовал взрыв боеприпасов, и башня, кувыряясь, летела в воздух. В считанные минуты на выходе с моста был уничтожен почти весь танковый таран, уцелевшие машины поспешно отошли назад. Попытку советской пехоты прорваться через мост пресекли пулеметчики дивизии «Тотенкопф». Оглушенные и потрясенные, они все-таки остались на позициях. Но, скорее всего, сыграл свою роль вид десятков сожженных танков.

Беда пришла оттуда, откуда ее не ждали. Рейнгардт не мог организовать одинаково прочную оборону по всей линии фронта своего корпуса, он правильно угадал направление главного удара русских и отразил его, но... Совершенно неожиданно 54-я танковая дивизия, хотя и сильно ослабленная действиями Собенникова, сумела захватить мост у Рагнита и форсировала Неман. И советское, и немецкое командование считали это направление второстепенным, а потому не уделяли ему

должного внимания. Находившиеся там подразделения немецкой 269-й пехотной дивизии поспешно отступили.

Собенников, узнав об этом, немедленно приказал перебросить туда сводную танковую группу Шестопалова и ударить на Тильзит. Закрепиться на плацдарме было приказано 236-й моторизованной дивизии 28-го мехкорпуса, что и было сделано. Но, странным образом, этот успех сыграл роковую роль в судьбе 12-го, 3-го и 28-го мехкорпусов. Спешное передвижение в полосу 8-й армии, неподготовленные атаки, новая спешная передислокация привели к тому, что на плацдарм добрались не более 100 танков, чего было совершенно недостаточно для развития успеха.

Генерал Шестопалов лично повел остатки своей группы в атаку на север, однако его встретила спешно развернутая в сторону Рагнита 36-я механизированная дивизия. Генерал Оттенбахер сумел передислоцировать 87-й пехотный полк, подкрепив его двумя артиллерийскими батальонами и 36-м батальоном истребителей танков, однако его пехоте пришлось принимать крайне неудобный и опасный для себя встречный бой с танками. Если бы только русские сумели подкрепить группу Шестопалова пехотой и артиллерией, прорыв вполне мог увенчаться успехом, однако, как мы уже сказали, 236-я моторизованная дивизия в это время занималась оборудованием плацдарма, а советская артиллерия никогда не обладала подвижностью германской, но танки все равно оставались грозной силой. На левом фланге они прорвались к позициям II/36-го артиллерийского батальона и уничтожили одну из батарей, но при этом прямым попаданием 105-мм снаряда был взорван танк генерала Шестопалова. Лишь позднее русские сумели остановить истребители танков.

В результате были разгромлены и отступили обе группировки. Оттенбахер отвел остатки полка к Тильзиту, а уцелевшие русские танки откатились на плацдарм у Рагнита. Генерал Собенников был вынужден доложить в штаб фронта, что его армия окончательно потеряла способность вести наступательные действия,

лишившись 2000 танков. Однако он утверждал, что в результате боев полностью разгромил танковую группу генерала Гёпнера и приданный ей танковый корпус СС. Потери немцев он оценивал в 5000 танков.

В результате на северном участке Восточного фронта установилось зыбкое равновесие. Действительно, русская 11-я армия полностью исчерпала свой наступательный потенциал уже к вечеру четвертого дня операции, причем генерал-лейтенант Собенников решил не докладывать о том, что собственно боевые потери составили не более 40 процентов танков, остальные машины стояли по обочинам дорог памятниками качеству производства и квалификации механиков-водителей. Кроме того, несмотря на все усилия, советский тыл оказался совершенно не готов к современной маневренной войне. Колонны снабжения и передвижные ремонтные мастерские не успевали за танковыми частями, и в результате три механизированных корпуса превратились в пехотные. Сейчас даже организация надежной обороны на рагнитском плацдарме представлялась делом крайне сложным.

Однако положение немцев было ничуть не лучше. Грозные Панцерваффе не сумели доказать своего превосходства над русскими танковыми войсками. Причиной этому было множество взаимно переплетающихся факторов, но главные из них видны сразу. Застигнутые врасплох немцы сразу потеряли один из своих главных козырей — поддержку авиации. Уже к исходу второго дня войны Люфтваффе было вынуждено переключиться на борьбу за выживание, забыв о взаимодействии с армией. Немецкие танковые дивизии были вынуждены вести встречные танковые бои, потеряв свой второй козырь — отлично налаженное взаимодействие с артиллерией и противотанковыми подразделениями. В итоге Панцерваффе тоже были обескровлены.

Первая неделя войны на Восточном фронте привела к вынужденному затишью, советские войска продвинулись в глубь немецкой территории на расстояние до 100

километров и остановились. Немцы не имели сил для того, чтобы вытеснить их обратно и даже были вынуждены отвести войска там, где они имели первоначальный успех, как у 2-й танковой группы. Ее фланги повисли в воздухе, а дальнейшее наступление представлялось совершенно бессмысленным.

Складывалась парадоксальная ситуация — возвращалась пехотная война образца 1914 года с той лишь разницей, что теперь русские имели достаточно сильную авиацию. Не приходится сомневаться, что, если бы в ее составе имелись какие-то аналоги немецких пикировщиков, действия советских войск даже сейчас могли бы иметь успех. Но горизонтальные бомбардировщики не могли наносить достаточно точные удары и их поддержка пехотных наступлений была неэффективной, и пока пехотные атаки приносили лишь чудовищные потери без намека на успех. Немецкие атаки завершались точно так же, что было неудивительно, ведь немецкая пехота вообще не имела авиационной поддержки. В результате обе армии начали спешно окапываться на северном и центральном участках Восточного фронта. Решить исход борьбы должен был, как ни странно, тыл — кто раньше сумеет восстановить боеспособность потрепанных мобильных войск и авиации.

И все было бы еще терпимо для Германии, если бы не положение на юге. Румынская армия оказалась не в состоянии даже изобразить сопротивление, русские быстро продвигались к нефтяным полям Плоешти. Лишь немецкая 11-я армия кое-как сдерживала их наступление, ведя бои фактически в полной изоляции. Предсказать, что произойдет после того, как Германия лишится румынской нефти, было несложно.

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

Красивые литературно-исторические реминисценции при буквальном понимании и попытках практического использования чаще всего оказываются вздором.

Народ не обязательно заслуживает то правительство, которое имеет; истина не посередине, а где угодно; история имеет сослагательное наклонение и т.д.

С последним утверждением несогласны — и публично это декларируют — чаще всего сторонники традиционно-советской версии истории Второй мировой войны. Это версия предписывала воспринимать происшедшее с СССР как единственно возможный вариант событий и не ломать голову над тем, почему они произошли и как этого можно было бы избежать.

Мы воспитаны историческим детерминизмом. В представлении советского человека жизнь текла от одной неизбежности к другой: победа революции была неизбежна, победа Сталина — тоже, неизбежны были коллективизация, индустриализация и ГУЛАГ. Война с Германией была неизбежна так же, как победа в ней.

Один из главных предрассудков, характерный для советского мировосприятия — уверенность в исторической и моральной неизбежности антигитлеровской коалиции с СССР. Как будто союзников в объятия Сталину бросили не трагические обстоятельства, а естественное предпочтение коммунизма нацизму.

Причина этого феномена, наверное, в том, что все семьдесят лет советское общество не имело ни малейшего влияния на события. Причем ни на реальные события, ни на истолкование событий прошлого. Отсюда

и упомянутая уже выше популярная сентенция — «история не имеет сослагательного наклонения». История, конечно, реализуется только в одном варианте, но могла бы выглядеть и по-другому.

История как наука существует только в сослагательном наклонении. Она исследует причины и закономерности случившихся событий, и автоматически отвечает на вопрос о том, почему некие события произошли, другие — нет, и при каких обстоятельствах исторический процесс мог выглядеть по-другому. Изучение истории есть перебор возможных вариантов.

Только задавая себе вопрос: «Что произошло бы, если бы обстоятельства сложились иначе?» можно понять смысл происходящего. Тем более когда речь идет о такой запутанной и многомерной ситуации, каковая сложилась в Европе после Первой мировой войны.

Например, сторонники одномерной истории ограничиваются констатацией факта — Германия 22 июня 1941 г. напала на СССР. Из этого делается дежурный вывод, что Германия — агрессор, а СССР — жертва.

Вывод дурацкий, потому что вариантов ответа несколько. Жертва СССР или агрессор, пусть в тот момент и несостоявшийся — это определяется в первую очередь собственными советскими намерениями и приготовлениями. Каковые довольно легко вычисляются, если отбросить недобросовестную сентенцию об «истории, не имеющей сослагательного наклонения» и напрячь мозги.

Одним из первых этим занялся в конце 1970-х годов — поразительно поздно, если учесть, что война закончилась в 1945 г. — Виктор Суворов.

Он доказал, что катастрофическую ситуацию 1930-х годов создала не некая «историческая объективность», а злая воля конкретных людей с криминальной психикой. Причем сам ход событий сильно зависел от мелочей и случайностей. Не разгадай Гитлер замыслы Сталина в 1940 г. и не ошибись Сталин в расчетах сроков нападения в 1941 г., судьба Европы могла сложиться по-другому. При таком подходе анализ исторического процесса — увлекательнейшее занятие.

Конечно, просчитать все нюансы невозможно. Выделим только основные факторы, определившие события 1930-х годов — постоянные и переменные.

Стабильным фактором можно считать характер и стратегические цели трех основных противостоящих друг другу сторон — СССР, Германии и западных демократий. Цели Гитлера и Сталина были одинаковыми: расширить свои империи до возможного предела. Хотя намерения Сталина шли гораздо дальше намерений Гитлера. Программа-максимум Гитлера в 1939 г., до заключения пакта со Сталиным, не выходила за рамки объединения земель, населенных немцами, с помощью шантажа военной силой. Начинать мировую войну Гитлер не планировал.

Программа-максимум Сталина предполагала именно мировую войну в Европе с вовлечением в нее максимального количества стран. Войну, в которую СССР вмешается в удобный момент, чтобы остаться единственным победителем.

Неизменная цель Запада — оказывать обоим агрессорам пассивное или активное сопротивление, стараясь не спровоцировать мировую войну.

Переменные факторы:

— успех революций в России и Германии, который зависел от многих более или менее случайных причин;

— успех реализации стратегических планов обоих диктаторских режимов — то есть кому удалось бы успешнее обмануть противников и напасть первым;

— успех в создании атомной бомбы — то есть кому из трех основных участников событий удалось бы сделать ее раньше других.

Попробуем, учитывая эти факторы, просчитать основные варианты развития событий.

Вариант 1

Октябрьская революция не удалась. Причин — вполне реальных — могло бы быть много:

1. Мятеж Корнилова имеет успех.

2. Временное правительство своевременно (в июле — октябре) арестовывает Ленина со товарищи и разоружает Красную Гвардию.

3. Левые эсеры побеждают в июле 1918 г. и вынужденно возвращаются к Учредительному собранию.

4. Красная Армия проигрывает Гражданскую войну (как позднее случилось с коммунистами и анархистами в Испании).

Россия в той или иной степени остается демократической. В этом случае Гитлер, даже и победив на выборах, имеет дело с объединенной демократической Европой и более чем вероятно, что не решается на Вторую мировую войну. В мирное время нацисты не пошли бы на геноцид «низших рас». Относительно либеральный нацистский режим (либеральный относительно советского режима, то есть без массового террора, как оно и было в Германии до войны) просуществовал бы в изоляции несколько десятилетий и постепенно демократизировался бы обратно. Тем более что экономику Гитлер почти не социализировал. Тоталитарные режимы чашнут без экстремальных условий — гражданской или внешней войн, террора, давления снаружи и всоруженной консолидации общества как ответа на это давление. Если бы еще и нацисты не пришли к власти, Европе был бы гарантирован золотой век.

Вариант 2

Сталин у власти, а Гитлер — нет. Германия остается демократической. Сталину не удается столкнуть Германию с Англией, Польшей и Францией. Он имеет дело с объединенной, не поддающейся расколу Европой и вынужден искать другой способ развязать войну. Возможно, он идет по пути Гитлера, шантажом отхватывая куски от соседних стран, пока не упирается в стену и, вероятнее всего, не решается на мировую войну. Скорее всего, даже на куски он не смог бы рассчитывать, как это и было в 1920-е годы.

Если, конечно, ему не удастся первым изготовить атомную бомбу. Но это уже другой, совсем катастрофический вариант.

Вариант 3

Вполне реальный. И Сталин, и Гитлер приходят к власти. Но западным странам (в первую очередь, США) хватает осторожности отказать СССР в покупке военной технологии в конце 1920-х — начале 30-х годов. Сталину не удастся построить в считанные годы автомобильную, тракторную, танковую и авиационную промышленность и боеспособную — на европейском уровне — армию. Не имея шансов на конечную победу в мировой войне, он не решается ее спровоцировать предложением Гитлеру заключить пакт о разделе сфер влияния и совместном нападении на Польшу. Да и для Гитлера СССР с первобытной, немоторизованной армией не представляет интереса в качестве военного союзника (такой вариант был проанализирован еще в «Майн Кампф»). Может быть, Гитлеру и удались бы какие-нибудь захваты в Европе, но до мировой войны дело бы не дошло.

Локальным следствием такого развития событий была бы физическая невозможность форсированной индустриализации в СССР. Просто нечего было бы строить. Следовательно, и коллективизация, послужившая источником средств (финансовых и материальных) для индустриализации, была бы, скорее всего, гораздо менее кровавой. И сама индустриализация не стоила бы таких жертв. Менее жуткими были бы, скорее всего, и все волны террора в СССР.

Вариант 4

Полностью исторический вариант, то есть то, что произошло в действительности.

Гитлер опередил Сталина и летом 1941 года разгромил подготовленную к нападению Красную Армию. Сталин вынужден обратиться за помощью к западным странам. Совместными усилиями союзники побеждают

Германию. Сталину вместо всей Европы достается только ее восточная часть. К концу войны у Сталина появляются шансы вернуться к первоначальному довоенному плану и попытаться уже после победы над Германией продолжить наступление на Запад — превратить, как это предполагалось изначально, мировую войну в «мировую революцию». Соотношение военных сил в Европе в 1945 году было таково, что вряд ли что-то, кроме атомной бомбы, смогло бы остановить Сталина с Жуковым.

Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки не только погубила сотни тысяч японцев, но и заставила Японию немедленно капитулировать, что спасло жизни миллионов американцев и японцев: штурм японских островов стоил бы, по оценкам американцев, только США около миллиона солдат — так велика была готовность Японии защищаться.

Кроме того, и, наверное, самое главное: Сталину продемонстрировали, что будет с Москвой, если он решится продолжать войну. По сути дела, Хиросима спасла Европу. Холодная война так и не перешла в горячую. Советский Союз опоздал с разработкой атомного оружия на три-четыре года и, как выяснилось, навсегда. С тех пор, как ни напрягалась советская наука и советская промышленность, сократить разрыв в уровне ядерных вооружений ни Сталину, ни Хрущеву, ни Брежневу не удалось. Что и было вплоть до 1989 года единственной реальной гарантией мира.

Вариант 5

Американцы на несколько лет запаздывают с получением атомного оружия. Сталин переносит в 1945 г. войну на запад, сбрасывает американцев в море и захватывает Европу. Еще через несколько лет или месяцев американцы все-таки получают бомбу и немедленно ее используют. Европу, скорее всего, удалось бы освободить, но чего бы это стоило и каковы были бы последствия, представить трудно.

Вариант 6

Сталину удается получить атомное оружие раньше американцев — не в 1949-м, а в 1943—1945 гг. Он сразу же и с большой радостью превращает войну в атомную с прежней целью — немедленного захвата всей Европы и Азии. В союзниках он больше не особенно нуждается и, уничтожив Берлин, продолжает агрессию на Запад. Американцы делают бомбу с небольшим запозданием, в 1945—1946 гг., и также немедленно ее используют. В середине 1940-х годов начинается мировая атомная война с неясным результатом и сотнями миллионов жертв.

Вариант 7

В фантастическом романе «Заповедник для академиков» Кир Булычев разработал, на первый взгляд, неожиданный, но тем не менее вполне реальный вариант. Некий особенно прозорливый ученый убеждает начальников НКВД создать атомную шарашку в начале 1930-х годов. Первую атомную бомбу испытывают в СССР в 1938-м г. Правда, дальше Кир Булычев пошел по литературно эффектной пути, который привел почти к «хеппи-энду». Заболевший лучевой болезнью Сталин решает перед смертью отомстить Польше за поражение в 1920 г. и в 1939 г. сбрасывает первую и единственную атомную бомбу на захваченную немцами Варшаву в тот самый момент, когда тайно приехавший туда Гитлер принимает военный парад. Смерть обоих диктаторов парализует мировую войну, она кончается, едва начавшись.

Это, конечно, чистая литература. Действительность могла бы быть намного страшнее. Сталин, получивший в руки бомбу в конце 1930-х, уже не зависел бы в своих действиях от действительного или мнимого союза с Германией. Вторая мировая война началась бы тогда же, в конце 1930-х, но уже сразу атомной и, не дай бог, победоносной для СССР.

Вариант 8

Это самый интересный вариант, его изучение, скорее всего, и станет в самое ближайшее время основным предметом исследований историков Второй мировой войны. Это вариант, в реальности запланированный Сталиным и предназначенный им к реализации.

До весны 1941 г. все идет так, как и шло в действительности. В 1939-м Сталин и Гитлер совместно начинают войну, каждый захватывает то, что оговорено секретными соглашениями. Летом 1940 г. Гитлер догадывается об опасности удара в спину и начинает готовить нападение на СССР, не дожидаясь окончательной победы над Англией, но не успевает. Сталин с Жуковым в июле 1941 г. реализуют свой план нападения на Германию.

Германская армия, стоявшая в уязвимом положении на восточной границе, попадает в окружение и гибнет так, как погибла в реальности РККА. Разница в том, что у Гитлера не было второго эшелона, который мог встретить противника в глубине собственной территории, и нет таких резервов территории, таких людских и сырьевых ресурсов, как у Сталина. Скорее всего, у него не оказалось бы даже резервов времени, чтобы договориться с Англией и Америкой о совместном сопротивлении СССР. У Сталина великолепные шансы в короткие сроки захватить всю или почти всю Европу, уже разгромленную Гитлером. И не только Европу.

Вырвавшаяся на европейский простор и европейские автобаны РККА берет Берлин и движется дальше. Во Франции собственной армии уже нет, а коммунистическое движение сильно. Есть на кого опереться и есть из кого создавать местную власть. В Германии картина та же, тем более что недавних коммунистов и симпатизантов коммунистов — миллионы. Ситуация, которая после войны привела к созданию ГДР, разыгрывается гораздо раньше, но уже на всей территории Германии. Одновременно с нападением на Германию оккупируется Финляндия — отзвук этих планов можно увидеть в бессмысленной бомбардировке Финляндии 25 июня 1941 г.

Болгария, Турция и Иран — тоже в числе первоочередных целей.

Затем, возможно, после короткой передышки, наступает черед Южной Европы. В Испании коммунистические настроения сильны — доделать то, чего не удалось добиться во время гражданской войны, не представляется нерешаемой задачей. И так далее.

В захваченных странах начинаются экономические и политические реформы, как это произошло в реальности в Прибалтике и Восточной Польше в 1939—1940 гг. Возникает Соппротивление, подавляемое привычными методами — массовым террором. В масштабе Европы — это десятки миллионов жертв.

Положение Англии остается прежним, она, как и раньше, изолирована от материка, только теперь на нем хозяйничает Сталин. Америка, которая не в состоянии оказать серьезную помощь Европе на материке, воюет на море до тех пор, пока не получает атомную бомбу и сбрасывает ее, но только не на Хиросиму, а скорее всего, на Тулу или Челябинск.

В Европе возобновляется освободительная война, но уже с неисчислимым количеством жертв.

Если Сталину удастся тоже получить атомную бомбу, то война становится ядерной с обеих сторон.

В свете такой перспективы реализовавшийся вариант Второй мировой войны с 50 млн жертв представляется относительно безобидным. Можно с большой долей уверенности сказать, что отчаянное нападение Гитлера на СССР в 1941 г. спасло Европу (включая СССР) от гораздо худшей судьбы.

* * *

Как хорошо известно, архивы советского Генштаба закрыты наглухо, о советском военном планировании до 1941 г. известно документально очень немного. Думаю, что причина не только и не столько в том, что там

можно найти документы, однозначно подтверждающие планы нападения СССР на Германию. Доказательств существования этих планов и так с избытком. Это и отдельные, случайно вылетевшие из архива документы, и — главное! — сами военные приготовления СССР в 1940—1941 гг., которые хорошо изучены и истолковать которые в оборонительном смысле невозможно. Да и желающих заняться этим среди уважающих себя историков давно не обнаруживается.

Но нападение на Германию само по себе имело смысл только как первый шаг к завоеванию Европы (и вообще всего, до чего удалось бы Сталину дотянуться).

Разгром Германии тоже, как и разгром СССР немцами, предполагался в виде блицкрига, вряд ли на него отводилось больше одного-двух месяцев. Планы дальнейшего развития событий наверняка обдумывались и составлялись Сталиным и Жуковым в первые месяцы 1941 г. Именно эти планы станут настоящей сенсацией, когда архивы Генштаба когда-нибудь откроются — и если они не будут своевременно уничтожены.

Но даже в самом худшем случае — в случае ликвидации архивных документов — сомнений о характере этих планов и приблизительной последовательности действий быть не может. Как нет их и сегодня.

Вряд ли эти планы по целям и средствам (если не считать появления атомного оружия) сильно отличаются от планов Варшавского договора по захвату Европы, хорошо известных странам НАТО.

В принципе военные планы Варшавского договора 1960—1980-х гг. — это всего лишь развитие и уточнение планов сталинской эпохи, и довоенных, и послевоенных.

* * *

Можно и дальше углубляться в это увлекательное занятие — варианты будут множиться и ветвиться. Со всем иной характер могла принять мировая война, если бы атомную бомбу раньше всех получили нацисты (во

время войны они были ближе к этому, чем советские специалисты). Можно уйти несколько глубже и предположить, как бы выглядел СССР, если бы после смерти Ленина страну возглавил не циник Сталин, а идеалист-фанатик Троцкий, мечтавший о немедленной мировой революции. Или гуманист Бухарин, безусловно, сохранивший бы НЭП (гуманист он, конечно, только на фоне прочих людоедов). И в том, и в другом случае в СССР возник бы совсем другой режим.

Восемь перечисленных вариантов — это как бы наиболее очевидные случаи. При этом нельзя сказать, что четвертый — реализовавшийся — вариант менее фантастичен, чем прочие. Во многом даже наоборот. Кто бы мог, например, заранее предположить, что осторожный и дальновидный, стратегически мыслящий Сталин так фатально ошибется в расчетах и позволит Гитлеру напасть первым? А это, как оказалось, единственный расклад событий, при котором Запад смог, в конечном счете, оказаться в победителях. Какому чуду должны мы быть благодарны за то, что атомная бомба оказалась в распоряжении Америки именно летом 1945 г., а не на несколько месяцев позже, когда Сталин мог стоять у Ла-Манша? Следует признать, что человечество еще легко отделалось.

* * *

Заниматься историческим фантазированием — совсем не пустое дело. Сегодня, через шестьдесят пять лет после окончания войны, проблема состоит не в недостатке исторических данных, а в их понимании. Очень уж живучи абсолютно ложные исторические стереотипы, отработанные по свежим следам советской победы. Один из главных — всеобщая уверенность в исторической и моральной неизбежности антигитлеровской коалиции во главе с СССР. Что совсем не так.

Для западных союзников СССР, нацисты и коммунисты были равно отвратительны. Но в разное время по-разному опасны. В конфликте между ними поддер-

живать имело смысл не наиболее симпатичного (такого выбора просто не было), а самого слабого. Полуразбитый, победивший с помощью союзников Советский Союз был для человечества значительно менее опасен, чем Третий рейх, в одиночку справившийся со Сталиным. И наоборот.

Если бы Сталину удалось реализовать свои планы и напасть на Германию в 1941 г., Запад был бы вынужден в той или иной форме поддержать Гитлера. Ручной, полуразбитый Гитлер не очень опасен для цивилизации. А ничего страшнее, чем Советский Союз в масштабах всей Европы, представить себе невозможно.

Гитлер, напав на СССР, объявил себя защитником человечества против коммунизма. Пострадавший Сталин обратился к Западу за помощью в борьбе против мирового фашизма. Но ввали оба.

ДЕНЬ «Ч»

Он миновал планету Кловис, триста восемьдесят жителей которой вполне серьезно готовились к завоеванию Вселенной.

К. Саймак

Ксенф напился пьян и обещал выпить море. Наутро, протрезвев, он пришел в ужас от своего обещания.

Из басен Эзопа

ИДЕЯ ЗАВОЕВАНИЯ МИРА

Нет ничего нового в том, что коммунизм в СССР — это утопия у власти. Нет ничего нового в том, что эта утопия хотела сделаться Земшарной.

Нет ничего нового в том, что Сталин был гением недоверчивости, скрытности, коварства, умения просчитать на несколько ходов вперед. Никто не знает, какие формы могла принять эта идея в сталинской голове.

Нет также ничего нового, что коммунисты строили империю, для начала собирая страны бывшей Российской империи. Для этого они были готовы в любой момент нарушить любые международные договоры. Коммунисты легко нарушили договор с Грузией и оккупировали эту страну в 1921 году. Восстание 1924 года они подавили с невероятной жестокостью. Они повторно завоевали Казахстан, Кавказ и Среднюю Азию. Только нехватка сил помешала им завоевать Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Молдавию.

Уже после 1920 года, и после образования СССР в 1922 году коммунисты вели Гражданскую войну:

- 1) С белыми армиями.
- 2) С «зелеными» крестьянскими армиями.
- 3) С политическими врагами, социалистическими партиями и их вооруженными силами.
- 4) С национальными государствами и их армиями на окраинах бывшей Российской империи.

Но и это еще не все! Большевики последовательно считали, что Россия — это страна «неправильная». Необходимо коренным образом переделать не только весь ее политический, но и весь экономический и социальный строй. Весь народ России, все его сословия, классы, этнографические и культурные группы подлежали полной «переделке». Как тогда говорили, нужно «сменить кожу».

Вот он, еще один «фронт» Гражданской войны:

5) Война с народом России за его советизацию.

То же самое большевики думали обо ВСЕХ народах мира. Они полагали, что законные правительства всех держав — не легитимны. Они сформированы буржуазией, а не пролетариатом. Необходимо свергнуть эти правительства, чтобы пролетариат встал у власти.

Уже в силу этой позиции большевики оказывались в состоянии войны со всем остальным человечеством. Они пока не могли, но очень хотели открыть этот «шестой фронт» Гражданской войны:

б) Война с законными правительствами всего мира.

А за этим шестым направлением Гражданской войны просматривалось и седьмое...

7) Война с народами мира за их советизацию.

Все это — части не национальной, а Мировой Гражданской войны. То, что происходит в стране, легко выплескивается за ее пределы. То, что происходит в мире, отражается на политике большевиков.

Идея мирового господства появилась раньше СССР. Старый друг Ленина, Г. А. Соломон вспоминал еще в самом начале 1918 года: «Следующее мое свидание было с Лениным... Беседа с Лениным произвела на меня

самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред. — Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров «Утопия», только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю...

— Никакого острова Утопии здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А!.. вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..»¹

10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов Советская Россия приняла Конституцию. Состояла она из шести разделов, и второй раздел, «Общие положения», декларировал временный, переходный характер Конституции. Даже в третьем разделе, «Конструкция советской власти», включались формулировки чисто политического характера, ориентированные не на Россию, а на все мировое сообщество. «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической ориентации общества и победы социализма во всех странах...».

В разделе пятом, «Бюджетное право» — тоже сплошная политика, причем международная.

Конституция определяла способы разрушения всех старых экономических основ государства и финансовый удар по другим государствам. Основные принципы — отказ от уплаты долгов «как первый удар международному банковому, финансовому капиталу» и обещание идти по этому пути «вплоть до полной победы

¹ Соломон Г. А. Среди красных вождей. Париж. 1930. Т. 1. С. 15.

международного рабочего восстания против ига капитала».

В 1922 г. создается СССР. Конституция Советского Союза начинается с «Декларации об образовании СССР». После долгой демагогии про то, что «Там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов», «Декларация» наконец переходит к делу: «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»¹.

Можно привести немало других, не менее впечатляющих, текстов.

СССР — это форма, которую приняла идея фикс коммунистов: о мировом господстве. Очень удобная форма: хотя бы теоретически к СССР можно было присоединять какие угодно республики, не изменяя ни политического устройства, ни структуры государства.

ИСХОДНАЯ МЕСТЕЧКОВОСТЬ ИДЕИ

Коммунисты не первые придумали завоевать Мир.

Александр Македонский хотел завоевать мир — и мгновенно убедился, что известная ему часть Ойкуме-

¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. М., 1924.

ны намного меньше, чем неизвестная. Он хотел завоевать Индию — но смог только постоять на самом ее краешке. А за Индией, как «оказалось», лежат колоссальные области, о которых ни самому Александру, ни его великому учителю, Аристотелю, просто ничего не известно.

Причем области земного шара, о которых Александр узнал к концу своей жизни — только крохотный клочок всей Земли.

Чингисхан заповедал своим потомкам завоевать Вселенную, дойти до «последнего моря». Он смутно слышал про Атлантический океан, и он-то сделался для дикаря и неуча этим «последним». В реальности все завершилось даже не на берегах Атлантики... «Последним морем» стала Адриатика, чем все и кончилось. Океаны то ревели штормами, то расстилались слепящим синим шелком. Они омывали мыс Горн, острова Тасманию и Таити, побережье Калифорнии и Гренландии. Океаны вздымались цунами и несли на себе корабли. В океанах извергались вулканы и плавали вкусные рыбы.

...А в диких и нищих степях на пороге первобытной юрты сидел неграмотный кривоногий дикарь, который не то что завоевать всего этого не мог... Который даже не знал, что все это существует на свете. А увидел бы — не понял, что именно видит.

И покорить мир силой идей коммунисты хотели не первые.

Императора Римской империи Константина изображали с державой в руке. Держава символизировала собой земной шар, в который воткнут крест, символ христианизации Мира. Империя считала себя кораблем истинной веры, плывущим в океане язычества. Но планам захватить и христианизировать мир не суждено было не только сбыться — они не смогли даже приблизиться к осуществлению.

Все «великие» завоеватели неизбежно сталкиваются с тем, что мир намного больше и разнообразнее, чем это им кажется с идеологического бодуна.

Захлебываясь от энтузиазма по поводу «Земшарной

республики советов, стремясь «землю Гренады крестьянам отдать», мечтая умереть в боях на Ганге, чтобы их арбатская родина сияла от Японии до Англии, мальчишки в красных революционных штанишках совершенно не учитывали этого.

О Земшарной республике советов всерьез говорить не будем: не становиться же на одну доску с Пашей Коганом и другими в той же степени несерьезными людьми.

В самой постановке таких задач есть что-то глубоко местечковое.

Возьмем даже не весь Мир, возьмем только Европу — маленький кусочек нашего колоссального мира. Даже этот кусочек слишком велик и разнообразен, чтобы кто-то мог его завоевать. Не только Сталин, а вообще кто бы то ни было.

ИДЕЯ ЗАВОЕВАНИЯ ЕВРОПЫ

В пропагандистских фильмах типа «Снайпер» или в книге «Первый удар»¹ война будущего понималась просто: разгром Вермахта, с дальнейшим постижением вражескими солдатами всей гениальности идей Маркса.

Фильм «Если завтра война» снимали, используя документальные съемки проводившихся тогда маневров. Документальные кадры переходят в художественные: враг нападает, мгновенно разбит, война идет на территории противника, РККА бомбит Германию: Нюрнберг, Магдебург, Фюрт. А в Германии, конечно же, вспыхивают восстания пролетариата против «фашистов».

Даже представим себе на мгновение — так и было бы в реальности, а не в воспаленном воображении режиссеров и постановщиков.

Но какая же в этом «Земшарность»?

Даже если разбить Вермахт и оккупировать Германию, за ней лежат Франция и Бельгия, Швейцария и Италия, страны Балкан и Скандинавия. Каждую страну

¹ Шпанов Н.Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

придется завоевывать, положив немало своих солдат. В каждую из них придется вводить оккупационную армию, подавляя восстания и проводя советизацию. Где взять силы для всего этого?

В реальности СССР с трудом и не до конца советизировал только Восточную Европу, и даже в ней имел «проколы» типа Югославии, Албании, упорного польского сопротивления.

Кстати, Россию-то коммунисты советизировали? Они искренне верили, что личность человека — полное ничто, продукт среды, и не более. А раз так, если воспитать человека в правильной среде, то и получится единомышленник-коммунист. Но множество людей, которых они воспитывали пионерами и комсомольцами, выросли или совершенно равнодушными к идеологии, или убежденными врагами советской власти.

Это в России. Как же они собирались советизировать Испанию и Ирландию? Не говоря об индейцах в Перу и фермерах Австралии?

Что ж до захватов... Завоевывать мир им все время мешало как раз то, во что коммунисты то ли «не верили», то ли ни в грош не ставили: внутренний мир, внутренние убеждения человека. Финны ложились за валуном и стреляли до последнего, ценой собственной жизни всаживая пулю за пулей в «строителей светлого будущего». И потому, даже разделив мир с Гитлером, Сталин не смог завоевать отведенной ему Финляндии. После войны СССР вынужден был уйти из Австрии, отказаться от ввода войск в Грецию...

Если бы СССР в 1941 г. и приступил бы к реализации планов захвата Европы, осуществить их он не мог бы чисто физически.

Сама попытка такого рода была совершеннейшим безумием в самом прямом, буквальном смысле — проявлением неадекватности. Такую попытку могли предпринять только люди, духовно живущие вне реального мира.

ЗАЧЕМ КОММУНИСТАМ БЫЛА НЕОБХОДИМА ВОЙНА?

В Гуверовском институте Стенфордского университета в Калифорнии (США) хранится пакет из 232 особо секретных постановлений советского Политбюро по вопросам внешней политики за 1934—1936 гг. «Немецкие агенты регулярно приобретали такие документы, получая их через 7—8 дней после их создания»¹. Эти постановления содержали информацию об указаниях Политбюро верхушке Наркоминдела и высшим государственным чиновникам.

11 февраля 1934 г. Политбюро решило, что крупная европейская война поможет пролетариату захватить власть в крупнейших европейских центрах.

В постановлении Политбюро от 1 мая 1935 года Политбюро полагало, что СССР примет участие в новых конфликтах в Европе и в Азии ровно в той мере, «которая позволит ему оказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию»².

19 августа 1939 г. Сталин на Политбюро говорил, что если подписать Пакт с Третьим рейхом, то рейх непременно нападет на Польшу. А тогда и вступление в войну Англии и Франции станет неизбежным. Советский же Союз может остаться в стороне от конфликта и выжидать в выгодном положении, пока придет его очередь.

Еще в 1920 г. во время советско-польской войны задача ставилась: «Дойти до Германии, неся на красноармейских штыках труп белой Польши». Теперь, с 1939-го, и Польши нет, Брест стоит на советско-германской границе.

«Ледокол революции» врубился в тело остальной Европы и к 1940 г. завоевал ее почти всю.

Судя по всему, Сталин вовсе не торопился. Он оття-

¹ МакДауэлл Дж., Ловенталь М. Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина—Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 235.

² Там же. С. 243.

гивал время, но вовсе не по трусости или по слабости. Он ведь видел — время работает на СССР. Чем позже СССР вступит в войну — тем больше государства Европы будут измотаны, воюя друг с другом. А Красная Армия с каждым годом будет становиться все профессиональнее, сильнее, активнее, управляемее.

Если можно ударить на Гитлера в августе 1941 г. — это лучше, чем в июле. А если можно весной 1942 г. — еще лучше! Если Гитлер опередил Сталина — то именно потому, что Сталин очень уж не торопился. Время работало на него.

А за всеми границами Красную Армию с нетерпением ждут единомышленники, ждущие только момента — как бы им взорвать мир, в котором они живут?

ПРОПАГАНДА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Анекдотичность разговоров о «миролюбии СССР» очень хорошо видна, если почитать статьи в советской прессе 1938—1939 гг. Буквально устаешь от потока злобной, не стесняющейся в выражениях агрессии. «Фашистские уроды», «каннибалы», «тупицы», «так называемые «генералы» — это еще комплименты. Карикатуры, на которых вражеских солдат и политиков изображают со свиными рылами и с обезьяньими мордами — в «Красной Звезде» и в «Литературной газете».

Что характерно: в 1938 г. ЦК ВКП(б) уже говорит о «начавшейся мировой войне». О «Второй мировой войне», которая приведет к восстаниям и революциям в Европе... Формально Вторую мировую числят с 1 сентября 1939 г., но для коммунистов она уже началась. Что и логично: гражданская война в Испании уже идет, Чехословакию уже делят.

Еще характернее четкая антигерманская направленность всей милитаристской пропаганды.

Общей границы с Третьим рейхом еще нет. Войной именно с немецким народом еще и не пахнет. А вражеские солдаты в фильмах «Если завтра война» и «Эскад-

рилья № 5» говорят по-немецки! А Эйзенштейн именно в 1938 г. снимает «Александра Невского»!

Вот песня из этого кинофильма «Если завтра война». Слова В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрассов.

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет, —
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.

Припев:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!

Если завтра война, — всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко.

Припев.

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.

Припев.

Мы войны не хотим, но себя защитим, —
Оборону крепим мы не даром, —
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

Припев.

В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила, —
С нами Сталин родной, и железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!

Припев.

Подымайся народ, собирайся в поход!
Барабаны, сильней барабаньте!

Музыканты, вперед! Запевалы, вперед!
Нашу песню победную гряньте!

Прпев:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!

Фильм Абрама Роома «Эскадрилья № 5» начинается с того, что советская разведка перехватывает приказ командования Третьего рейха о переходе советской границы. На бомбежку немецких аэродромов вылетают тысячи советских самолетов, в числе которых — эскадрилья №5. «Наши» со страшной силой громят «ихних», но «фашисты» подбивают два наших самолета. Летчики эскадрильи №5 — майор Гришин и капитан Нестеров — на парашютах спускаются на территорию врага. А! Вот они, подземные ангары врагов!!! Захватив рацию, герои вызывают эскадрильи советских бомбардировщиков. «Мы» «им» покажем — строить подземные ангары! А вот и немецкий антифашист. Свой парень, пролетарий, рабочая косточка. С его помощью герои фильма захватывают «ихний» самолет и улетают к своим.

И в литературе делается то же самое! В конце 1930-х советская литература не просто нагнетает военную истерию (она делала это с 1918 г.). Она называет вполне конкретного будущего врага: «фашистскую» Германию. Социалистический рейх.

Ни одна книга перед войной не имела таких тиражей, как «Первый удар»¹. После подписания Пакта в 1939 г. книгу изъяли из продажи... Но к тому времени ее только ленивый не прочитал. И вообще каждый красный командир обязан был прочитать эту книгу, потому что военное издательство выпустило ее в учебной серии «Библиотека командира».

В ней все «как надо»: враг, «фашисты», нападает. Но

¹ См.: Шпанов Н.Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

«наши», конечно же, мгновенно опрокидывают врага, на территории СССР бой идет только первые сутки. А потом небо темнеет от самолетов-мстителей... «Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух».

«Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы».

До какой же все-таки степени материализуется то, чего мы ждем... Конечно, в книгах и фильмах «мы» стреляли, а «они» взрывались. В реальной истории было не совсем так... Но советское общество с 1938 г. ждало войну с Германией. Можно сказать, накликало ее по всем правилам первобытной магии. Ну, и накликало. Как же тут не поверить в то, что мысль материальна, и в Божий Промысел в истории?

Что же до высказываний официальных лиц, то «...множество «косвенных улик» позволяет с большой долей уверенности предположить, что именно в мае

1941-го в Москве было принято решение начать крупномасштабную войну с Германией, причем не когда-то в неопределенном будущем, а в июле—августе 1941-го»¹.

Например, 5 мая 1941 года Сталин выступил с речью перед выпускниками военных академий на приеме в Кремле. В ней он, не называя противника, неожиданно объявил, что СССР будет вести не оборонительную, а наступательную войну, к которой страна готова.

Вопрос — в какой степени готова?

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРАСНОЙ АРМИИ

На 22 июня 1941 г. Красная Армия была самой многочисленной армией мира. В приграничных округах и флотах СССР имелось 3 289 850 солдат и офицеров, 59 787 орудий и минометов, 12 782 танка, из них 1475 танков Т-34 и КВ, 10 743 самолета. В составе трех флотов имелось около 220 тыс. человек личного состава, 182 корабля основных классов (3 линкора, 7 крейсеров, 45 лидеров и эсминцев и 127 подводных лодок).

Непосредственную охрану государственной границы несли пограничные части (сухопутные и морские) восьми пограничных округов. Вместе с оперативными частями и подразделениями внутренних войск они насчитывали около 100 тыс. человек.

Эти войска подчинялись пяти приграничным округам: Ленинградскому, Прибалтийскому Особому, Западному Особому, Киевскому Особому и Одесскому. С моря действия сухопутных войск должны были поддерживать три флота: Северный, Краснознаменный Балтийский и Черноморский.

Войска Прибалтийского военного округа под командованием генерала Ф. И. Кузнецова включали в себя 8-ю и 11-ю армии, 27-я армия находилась на формировании западнее Пскова. Эти части располагались от

¹ Солонин М. СССР — Финляндия. От мирного договора — к войне. // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008.

Балтийского моря до южной границы Литвы, на протяжении 300 км.

Войска Западного Особого военного округа под командованием генерала Д. Г. Павлова располагались от южной границы Литвы до реки Припять на фронте протяженностью 470 км.

В состав этого округа входили 3-я, 4-я и 10-я армии. Кроме того, соединения и части 13-й армии формировались в районе Могилев, Минск, Слуцк.

Войска Киевского Особого военного округа под командованием генерала М. П. Кирпоноса в составе 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий и соединений окружного подчинения занимали позиции на фронте протяженностью 860 км от Припяти до Липкан в Северной Молдавии.

Войска Одесского военного округа под командованием генерала Я. Т. Черевиченко прикрывали границу на участке от Липкан до устья Дуная протяженностью 480 км.

Войска Ленинградского военного округа под командованием генерала М. М. Попова располагались в северо-западных районах СССР (Мурманская область, Карело-Финская ССР и Карельский перешеек), а также на северном побережье Эстонской ССР и полуострове Ханко. Протяженность сухопутной границы на этом участке достигала 1300 км, а морской — 380 км. Здесь располагались — 7-я, 14-я, 23-я армии и Северный флот.

Но эти 186 дивизий — только часть Красной Армии, включавшая 303 дивизии общей численностью 5400 тыс. человек. Всего в СССР жило 34—37 млн потенциальных призывников. Число призванных за четыре года войны составило 28 807 150 человек.

ВЕРМАХТ

Суворов абсолютно справедливо пишет, что в СССР старательно преуменьшали численность Красной Армии, качество ее вооружений и так же старательно преувеличивали численность Вермахта и качество его боевой техники.

Классический способ передегивать — это сравнивать заведомо несравнимые величины: например, только тяжелые танки в СССР и ВСЕ танки Третьего рейха. Или сравнивать ВСЮ артиллерию Вермахта только с числом стволов калибром более 76 мм в Красной Армии.

Еще в СССР считали, что в дивизиях Красной Армии было по 8—9 тыс. человек, тогда как реально в среднем по дивизии числилось 12 360 солдат и офицеров.

Приводя численность Красной Армии, обычно не учитывали примерно 500 тыс. человек из дополнительного призыва, поступившего в июне 1941-го.

А говоря о Вермахте, учитывали и боевой состав, и технических работников, и службу.

В общем, шулерских приемов много.

Если учитывать не весь персонал Вермахта, а только боевой состав, то его численность на лето 1941 г. надо определить в 4,2 млн человек, из них 1,8 млн — граждане других государств, не Германии. Из них порядка 3 млн человек в западных приграничных округах и войсках второго стратегического эшелона. Потенциальных призывников в рейхе было 23 млн, из них реально призвали 21 100 тыс. человек.

В войсках только западных приграничных округов Красная Армия имела более 37 тыс. орудий и минометов, а в войсках Вермахта и всех его союзников — не более 31 тыс. стволов.

Помимо моторизованной артиллерии, в штатах немецкой пехотной дивизии первых волн было 6300 лошадей, из них почти половина в артполку. Вся артиллерия пехотных дивизий была на конной тяге. Моторизована была лишь артиллерия ПТО, РГК, танковых и мотопехотных дивизий.

На границе с СССР стояло всего 3300 танков и 250 самоходных орудий, из них 1600 легких (Т-1, Т-2 и Т-38) и 1610 средних (Т-3 и Т-4). Против 1610 средних танков Вермахта в западных округах СССР стояло 160 тяжелых и средних танков КВ и Т-34, намного превосходивших

немецкие по боевым качествам. А против 1600 немецких легких танков было около 9 тыс. советских легких, нисколько не уступавших нацистским (без учета 2 тыс. танков мехкорпусов второго стратегического эшелона).

Против 3046 всех нацистских боевых самолетов (1067 истребителей, 1417 бомбардировщиков и 562 разведчика) ВВС западных округов, флотов и дальнебомбардировочная авиация (ДБА) имели 9917 боевых самолетов, в том числе в округах — 7133, в ДБА — 1339 и на флотах — 1445.

Самолетов новых типов советские ВВС приняли от заводов 3719, так как в числе новых надо учитывать и самолеты образца 1939—1940 гг. ДБ-3Ф, Ар-2, Су-2, Ту-2, Як-4, Пе-8, ББ-2, которых было более тысячи. Вермахт же из 3046 боевых самолетов имел новых менее 2 тыс., если исключить устаревшие самолеты Ю-87, Хе-111, До-217 и др.

Что мы имеем в итоге? Правильно: подавляющее превосходство Красной Армии над Вермахтом в количестве и качестве танков и авиации. Неудивительно, что руководство СССР не боялось потенциального противника.

Позже Сталину много раз ставили в вину, что он не стал объявлять всеобщую мобилизацию и не стал вводить войска в предполье укрепрайонов до нападения нацистов. Если это и ошибка, то только в оценке боеспособности войск. Сталин и Народный комиссариат обороны считали, что 186 дивизий и всей накопленной силищи вполне хватит, чтобы отразить любое внезапное нападение Третьего рейха и всех его союзников.

Если судить по числу дивизий и боевой техники, Сталин совершенно прав: Красная Армия намного сильнее Вермахта. Если Сталин ошибся, то не потому, что неправильно посчитал дивизии.

Наверное, война Третьего рейха и СССР была неизбежна потому, что каждый из них претендовал на мировое господство, А создать второй земной шар пока что никому не удавалось. К тому же «дорогие союзники» не

доверяли друг другу. Договориться они практически никак не могли.

Не случайно же и Третий рейх, и СССР держали на общей границе большие контингенты войск. Проводили общий парад, подписывали договоры, обменивались ценным опытом... А на границе к 22 июня 1941 г. стояли, по Мельтюхову¹, такие силы:

Количество:	Советских	Германских	Соотношение
Дивизий	190	166	1,15:1
Солдат	3 289 851	4 306 800	1:1,3
Танков и штурмовых орудий	15 687	4171	3,8:1
Самолетов	10 743	4846	2,2:1
Артиллерии — орудий и минометов	59 787	42 604	1,4:1

Советские войска посильнее. При этом тяжелых танков (более 40 т) у нацистов вообще не было, а в Красной Армии — 564 машины (504 новейших КВ и 59 Т-35); средних танков (более 20 т) у нацистов было 990, а у Красной Армии — 1373, в том числе 892 новейших Т-34 и 481 Т-40. Но ведь и нацистские войска стоят наготове. Как встали в 1939 г., так два года и стоят... задолго до плана «Барбаросса».

Глобальная неизбежность войны дополнялась множеством мелких взаимных уколов.

СССР захватил больше, чем ему «полагалось» по пакту Молотова — Риббентропа (то-то потребовалось три новых секретных протокола, уточняющих границы зон оккупации — и все три в пользу СССР).

Наверное, вопрос был только в одном: когда именно и кто на кого нападет. И тут действительно возникает недоумение: почему Гитлер выбрал такое неудобное

¹ См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

время для нападения? Если бы он напал после покорения Британии, все было бы понятно. А так, до проведения операции «Морской лев», начало войны с СССР означало войну на два фронта. Нацисты и Вермахт очень боялись такой войны — по опыту Первой мировой. Почему же на это шли?

Во-первых, потому, что убедились: Британию не победить. По крайней мере, пока.

Во-вторых, с Британией никак не удавалось заключить мир.

В-третьих, СССР не удалось использовать против Британии.

ДЛЯ ЧЕГО СТОЯЛА ЭТА АРМИЯ?

В СССР обычно говорили, что Советский Союз с 1939 года «начинает активно готовиться к вступлению в войну». В порядке подготовки увеличивается численность Красной Армии, промышленность переводится с шестидневной на семидневную неделю, рабочий день увеличивается на час, вводится закон об уголовной ответственности за опоздания и прогулы, отменяется право увольняться «по собственному желанию».

Но почему, собственно, «готовится»? СССР находится в состоянии войны с 17 сентября 1939 года. Он аннексировал 3 страны, делил Польшу, отгрызал куски от Румынии, провел Зимнюю войну с Финляндией и начал с ней новую войну одновременно с нападением нацистов.

Все меры по укреплению тыла вполне можно объяснить не подготовкой, а естественными изменениями в законах и нравах воюющей страны.

Этим же объясняется запуск в серийное производство образцов новой военной техники: новейших самолетов, танков, реактивных минометов «катюши» и т.д.

Войска стягиваются к западным границам? Но ведь не только Гитлер не доверял Сталину. Сталин тоже не доверял Гитлеру. Он тоже готовился. (Да и почему эти

двое и их окружение должны были доверять друг другу? Не такие они были наивные.)

О плане «Барбаросса» мы знаем достаточно много. Документы о планах советского руководства к 22 июня 1941 года, приказы Наркомата обороны и Киевского военного округа в первые часы и дни войны не рассекречены и по сей день. Есть отдельные документы... Но они очень красноречивы.

«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» — 18 сентября 1940 г.

«Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных сил СССР» — 11 марта 1941 г.

«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»¹ — май 1941 г.

И наконец, «записка начальника штаба Киевской ПВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год»².

В сущности, это один и тот же документ, много раз уточнявшийся и дорабатывавшийся.

В общей сложности Красная Армия включала 61 танковую и 31 мотострелковую дивизию, 12 400 танков, не считая тысяч пулеметных танкеток.

Эта громадная армия вторжения должна была реализовывать доктрину «малой кровью и на чужой территории». Трудно сказать, как там насчет «малой крови», но вот насчет чужой территории — это точно. Согласно всем этим документам, неприятельские войска не должны были находиться на территории СССР больше суток. Это если враг вообще будет атаковать первым. А лучше считалось «ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания».

¹ Военно-исторический журнал. 1992, № 11 и 2.

² Россия— XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. М., 1998.

И вообще, «наша оперативная подготовка, подготовка войск должна быть направлена на то, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы»¹.

Вот так. Нападать первыми, не ждать полного развертывания вражеских войск. И — на чужую территорию. К 30-му дню войны Красная Армия должна была выйти «на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц». То есть находиться в 300—350 км от новой границы СССР, на территории Польши и Чехии.

Следующий этап, прописанный менее четко — «овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии».

Точно так же, кстати, и в плане «Барбаросса» ближайшие планы прописывались четко, последующие — менее определенно. Сроки вторжения — не ранее 10—15 июля. Неточно? Но день наступления на Бельгию и Францию Гитлер переносил 9 раз. День нападения на СССР — трижды. Все переносы и уточнения такого рода — в пределах обычного при планировании операций такого масштаба.

Среди моделей, которые рассматривали в СССР, была и такая: нацисты нападают в Белоруссии силами 50 дивизий. А Красная Армия силами 44 дивизий их сдерживает и одновременно наносит удар с юга на Краков. 44 обороняющиеся дивизии действительно могут сдержать 50 атакующих... Отличный план, но для его реализации надо, чтобы 44 дивизии хотели бы кого-то сдерживать.

Могла ли Красная Армия в 1941 году напасть на Вермахт, разгромить его, захватить и оккупировать Германию? Могла ли она пройти сквозь Германию до Ла-Манша, ворваться во Францию, дойти до Пиренеев и Средиземного моря?

С точки зрения технической, могла. 303 дивизии,

¹ Мельтюхов М.А. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

11 тыс. танков, почти 10 тыс. самолетов, 40 тыс. крупнокалиберных стволов. Это колоссальная сила, и равной ей в Европе просто не было. Если бы все решалось численностью танков и пушек, Сталин захватил бы весь мир очень легко.

Однако советское руководство не видело минусов Красной Армии, а они очень велики.

МИНУСЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Советские люди ценят все материальное. Военная техника — это для них очень важно. Гораздо важнее духа войск, психологии солдат, их доверия к офицерам и всему руководству страны...

Техника для них постоянно оказывается важнее и самих людей, в том числе важнее их квалификации.

На самом деле с квалификацией не очень хорошо обстояло дело и в Вермахте. К началу 1939 года были сформированы 12 армейских корпусов Вермахта из 38 дивизий, общей численностью 582 тыс. человек. К сентябрю 1939 года в Вермахте было уже 3 214 000 человек, а к 1941-му — 7 234 000 (включая и боевой, и небоевой состав). При таком стремительном росте численности армии множество солдат оставались плохо подготовлены... с точки зрения профессиональной армии, конечно.

Но, во-первых, в Вермахте и в первую очередь в германских частях, на унтер-офицерских должностях служили прекрасные специалисты.

Единого звания для рядовых солдат в Вермахте, подобно Красной Армии (красноармеец, краснофлотец, рядовой), не существовало даже внутри рода войск. Рядовые солдаты именовались по своей специальности, должности.

Рядовые в разных частях носили разные названия. Рядовой в горнострелковых частях назывался Jäger (охотник); рядовой в кавалерии — Reiter (всадник). Рядовой артиллерист — Kanonier (стрелок). Рядовой танкист — Panzerschütze (танковый стрелок). А в мотопехоте — уже Panzergrenadier (танковый grenадер).

Старшина (фельдфебель) в разных родах войск тем более жестко отделялся от старшины в другом роде войск. Sanitatstabsfeldwebel — это главный старшина медицинской службы, который не имеет ничего общего со старшиной-кузнецом (Stabsbeschlagmeister) или со старшиной-сапером — Festungspionierstabfeldwebel'ем. И так вплоть до старшины-голубевода (Stabsbrieftaubenmeister).

А общее немецкое слово солдат «Der Soldat» использовалось только как собирательное название.

Во-вторых, хотя бы часть офицерского состава была хорошо подготовлена.

Офицеров сравнительно мало, их квалификация и моральный дух традиционно высоки.

Советские взводы и роты были подготовлены гораздо слабее, чем их немецкие противники. Во время войны разрыв между выучкой солдат Красной Армии и Вермахта постепенно сокращался: красноармейцы накапливали опыт. В Вермахте же к 1943 году выбило многих квалифицированных солдат, а новых призывников обучали на скорую руку и плохо.

Но если разрыв сократился в ходе военных действий, значит — до их начала солдат Красной Армии готовили мало и плохо. Так и есть.

Летчики в СССР по выходе из училища имели всего 40—50 часов налета. В Вермахте — порядка 400 часов.

Полезно посмотреть на Красную Армию глазами нацистских генералов: многие из них написали и издали свои воспоминания. Красная Армия виделась им как громадное неповоротливое скопище малоподготовленных, малоинициативных людей. Эти люди не умеют использовать свою боевую технику, плохо обращаются с ней и часто ее ломают. Они храбры в наступлении и цепки в обороне, но мало доверяют начальству и легко поддаются панике.

Части Красной Армии казались нацистам не умеющими четко взаимодействовать друг с другом, лишенными надежной связи и мало помогающими друг другу.

Эта картина может вызвать раздражение «патрио-

тов» советского разлива. Не случайно же так популярен В.Суворов: ведь он сказал, что у СССР не было технического отставания! Тезис отставания в современной России чаще всего вызывает чисто эмоциональный протест и раздражение. Но именно так виделась нацистам Красная Армия. Причем напомним еще раз — сам Вермахт не был очень профессиональным. Армия Британской империи была намного лучше подготовлена и обучена, чем армия Третьего рейха.

Трудно представить себе армии, которая имела бы лучшую материальную часть, чем РККА, но которая была бы способна хуже распорядиться этим богатством.

Очень характерно утверждение нацистов, что одной из главных причин тактических недостатков РККА была недостаточная механизация. Как же так?! Ведь боевых машин в РККА было значительно больше, чем в Вермахте?! Да, но транспортных машин было как раз намного меньше.

РККА — единственная крупная европейская армия, которая за всю войну так и не приняла на вооружение бронетранспортеров. Мотопехота обычно перевозилась на броне танков, большая часть пехотинцев передвигалась пешком.

Чаще всего это объясняют «необходимостью» выпускать как можно больше танков. Поскольку все промышленные мощности были заняты, выпуск бронетранспортеров неизбежно бы повлек уменьшение количества выпущенных танков. Что характерно: во время войны командование РККА рассматривало бронетранспортеры как излишнюю роскошь, но после войны была развернута программа широкой механизации Красной Армии.

В действительности уменьшение числа выпускаемых танков вполне можно было бы компенсировать и подготовкой танкистов, и выпуском бронетранспортеров... При большей квалификации танкистов и танков для выполнения одних и тех же задач потребовалось бы меньше.

Так что не в недостаточных производственных мощ-

ностях тут дело и не в тактических доктринах самих по себе. Дело в особенном устройстве мозгов советских людей: они последовательно считали, что техника важнее людей, чувство долга важнее комфорта — в том числе и психологического, а выполнение поставленных партией задач намного важнее сохранения жизни и здоровья людей. То есть опять же важен не человек, а лишь результат его труда.

АРМИЯ ИЗ ДРУГОЙ ЭПОХИ

Эта черта РККА и всего советского общества очень характерна для начала периода индустриализма, для конца XVIII — первой половины XIX века. Тогда промышленная продукция производилась на очень простых станках, квалификация рабочих была не высока. Потому и выгодным было заставлять рабочего «пахать» по 14—16 часов в сутки. Важен был станок: грубый, не ломаешь, но стоит во много раз больше, чем труд рабочего. Важен результат труда: и сырье, и готовая продукция стоят намного больше, чем заплачено рабочему.

А вот рабочий не важен: его труд не ценен. Если он заболел, устал, состарился, его легко можно заменить другим.

В России промышленный переворот задержался, в Российской империи и в начале XX века было много производств, на которых рабочий менее ценен, чем станок, сырье и изготавливаемый продукт. Большевики, захватив власть, «подморозили» Россию, остановили общественное развитие. В середине XX века многие россияне мыслили так же, как полвека назад. Да ведь и марксизм родился в раннем индустриальном обществе.

В Европе в середине XIX века появились станки, которые требовали от работника квалификации. Чем больше надо учить рабочего, тем большую ценность он представляет. Тем выше доля его зарплаты в стоимости продукта. Тем сложнее станок — а тем самым и легче его сломать, если рабочему не нравится работать или он захотел нагадить хозяину.

Такие производства были и в России, но к началу Первой мировой промышленности только начала переключаться на них. Германия же почти не застала первой стадии индустриализма, сразу переходя к квалифицированному труду. По этой причине Германия к началу 20-го столетия и вырвалась вперед, обгоняя Британию и Францию. Потому в Германии и не сложилось массового нищего люмпенства, как в Британии.

Армия массового призыва — тоже своего рода «массовое производство». В СССР это «производство» организовано по законам другой эпохи.

Можно долго приводить примеры того, как недоумевают нацистские генералы и офицеры: почему советские начальники так не берегут своих солдат?! Для многих из них это служит убедительным доказательством: это еврейские комиссары сознательно губят русский народ.

Сохранился вопрос, который легенды приписывают то Гальдеру, то Вейдлингу, то Пауэльсу, то даже Дуайту Эйзенхауэру. Задавался он в разных вариантах легенды то Коневу, то Жукову. Во всех версиях легенды советскому военачальнику задают вопрос:

— Почему вы так мало бережете жизни ваших солдат?

На что советский военачальник пожимает плечами и отвечает вполне браво:

— Воюем по-нашему! По-сталински!

Но не только в сталинизме тут дело.

АРМИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИЛИ КЛАССОВАЯ?

Сам дух Вермахта исходно был совершенно другой, чем Красной Армии. Ведь Красная Армия исходно создавалась как армия «классовая», армия «пролетариата». Вермахт формировался как имперская армия, включающая разные национальные части. Правящая партия много раз пыталась поставить армию под контроль, но должности комиссара в Вермахте никогда не было. Даже если партийная власть и существовала — то на дистанции.

А в РККА каждая часть от батальона и крупнее имела кроме командира еще и комиссара. Такая система была введена еще во время Гражданской войны. Только в апреле 1940 года, после финской войны права комиссаров были урезаны, они потеряли право отменять приказ командира части. До того комиссар подтверждал или отменял любой сколько-нибудь важный приказ командира части.

Почти все комиссары ничего не понимали в вопросах военного дела. Да от них и требовалось вовсе не это, а только абсолютная личная преданность ВКП(б) и лично товарищу Сталину.

Разумеется, были среди комиссаров очень разные люди. Одни честно помогали «своим» командирам, другие устранялись от всего, кроме «политического воспитания» личного состава. Третьи же давали ценные указания и даже начинали сами командовать. Попытка же приструнить комиссара могла дорого обойтись командиру.

Кроме того, в армейских частях очень независимую систему представлял собой комсомол. Если солдат РККА приходил на службу не комсомольцем, его быстро принимали в комсомол. А комсомольские собрания шли... закрытые. Солдаты собирались на собрания, обсуждали командиров и комиссаров, а порой писали на них доносы и даже прямо отказывались подчиняться. Фактически рядовые солдаты любой части в любой момент могли понять, какая прелесть этот комсомол, и практически выйти из-под контроля. А попытка воздействовать на солдат могла тут же обернуться для командира части доносом в «дорогие органы».

О «ДОРОГИХ ОРГАНАХ»

Особый отдел... Так называлось подразделение военной контрразведки, входившее в состав Красной Армии. Особые отделы были созданы 19 декабря 1918 года постановлением Бюро ЦК РКП (б), по которому фронтовые и армейские ЧК были объединены с органами

Военного контроля, и на их основе образован новый орган — Особый отдел ВЧК при СНК РСФСР.

Теоретически — военная контрразведка. Фактически — система слежки и контроля за войсками, единая централизованная система органов безопасности в войсках. В 1934—1938 гг. военная контрразведка как Особый, затем — 5-й Отдел, входит в состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. В марте 1938 года с упразднением ГУГБ, на базе 5-го Отдела создается 2-е Управление (особых отделов) НКВД СССР. Уже в сентябре 1938 г. Особый отдел воссоздается, как 4-й Отдел ГУГБ. В подчинении — особые отделы (ОО) в РККА, РККФ, войсках НКВД.

То есть Особый отдел существует в армии — но армии не подчиняется.

Особый отдел НКВД следил за политическим и моральным состоянием части, а также должен был выявлять изменников, шпионов, диверсантов, террористов, контрреволюционные организации и группы лиц, ведущих антисоветскую агитацию. Он вел следствие под надзором прокуратуры и передавал дела в военные трибуналы.

С начала войны по октябрь 1941 года особыми отделами и заградотрядами войск НКВД было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. В этой массе было выявлено и разоблачено 1505 шпионов и 308 диверсантов. То есть вражеских агентов арестовано меньше 2 тысяч. А военных задержано больше 65 тыс.¹. За антисоветскую агитацию и «неправильные» разговоры, не иначе.

О СТРАННЫХ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ В КРАСНОЙ АРМИИ

О «неоправданных сталинских репрессиях» в РККА в 1937 году не писал разве что ленивый. О гениальности репрессированных командиров лили слезы, начиная с эпохи Хрущева. Придется поговорить и об этом...

¹ См.: *Десярев К. СМЕРШ. М.: Яуза-Эксмо, 2009.*

Жестокие сталинские репрессии в РККА начались с «дела Тухачевского», которое официально называлось: дело «антисоветской троцкистской военной организации». Это дело по обвинению 9 крупных советских военачальников в организации военного заговора с целью захвата власти. Из них армейский комиссар 1-го ранга, начальник Политуправления РККА, первый зам. наркома обороны СССР Я.Б. Гамарник застрелился накануне ареста. Остальных судили.

Эти 9 высших руководителей РККА обвинялись в

— передаче в 1932—1935 годах представителям германского Генштаба секретных сведений военного характера;

— разработке в 1935 году подробного оперативного плана поражения Красной Армии на основных направлениях наступления германской и польской армий;

— подготовке террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства;

— подготовке плана вооруженного «захвата Кремля» и ареста руководителей ЦК ВКП(б) и советского правительства, то есть подготовке военного переворота, назначенного на 15 мая 1937 года.

Целью организации был объявлен насильственный захват власти в СССР в случае военного поражения от Германии и Польши.

Следствие заняло меньше месяца, судебное заседание прошло через два дня после утверждения обвинительного заключения и заняло всего один день. При этом судебное заседание было закрытым, подсудимые лишены права на защиту и обжалование приговора. В материалах суда не приводятся какие-либо факты, подтверждающие предъявленные обвинения в шпионаже, заговоре и подготовке террористических актов. Приговор от 11 июня 1937 года целиком основан на признаниях (или все же «признаниях»?) подсудимых.

11 июня 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило к расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинских званий: Маршала СССР М.Н. Тухачевского, командарма 1-го

ранга И.Э. Якира, командующего войсками Киевского ВО, командарма 1-го ранга И.П. Уборевича, командующего войсками Белорусского ВО; командарма 2-го ранга А.И. Корка, начальника Военной академии им. М. Фрунзе, комкоров Р.П. Эйдемана, В.К. Путну, атташе при полпредстве СССР в Великобритании, Б.М. Фельдмана, начальника Управления по начальствующему составу РККА, и В.М. Примакова — заместителя командующего войсками Ленинградского ВО.

Приговор был приведен в исполнение через несколько часов по завершении суда в ночь на 12 июня 1937 года.

Типичный «сталинский» процесс, не утруждающий себя доказательствами. Неудивительно, что у многих современников и последующих исследователей возникли сомнения в обоснованности приговора и сильнейшие подозрения в незаконных методах получения показаний.

13 января 1957 года все 9 были реабилитированы за отсутствием состава преступления. По мнению Комиссии по реабилитации, признания подсудимых были получены с использованием пыток и избиений. А других доказательств, кроме самооговоров, попросту нет.

Сложность в том, что сигналы о наличии в РККА сильной оппозиции Сталину поступали много раз уже в 1929—1934 годах. Эта информация не вышла из недр спецслужб, но уж Сталину наверняка была известна. И материалы есть, помимо собственных признаний.

Аналогичное дело о заговоре в верхушке РККА разрабатывалось ОГПУ еще в 1930 году. Сталину представили материалы о том, что группа крупных военачальников во главе с Тухачевским готовит захват власти и убийство самого Сталина. Сведения основаны только на показаниях арестованных преподавателей Военной академии — Какурина и Троицкого. Тухачевский на очной ставке все категорически отрицал и был признан невиновным¹.

¹ См.: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

По мнению ряда исследователей, настоящей причиной процесса был заговор с целью захвата власти. Обвинения же в шпионаже было призвано сделать процесс более приемлемым для остальной военной верхушки¹.

Судя по тому, как вела себя Красная Армия в 1941 году, у Сталина были очень веские основания считать заговор высших военачальников реальностью.

РЕПРЕССИИ В РККА 1937—1938

Дело Тухачевского стало спусковым крючком для начала ширококомасштабных репрессий в РККА. Из 8 членов «специального присутствия», выносившего приговор 11 июня 1937 года, расстреляны были 4. Маршал В.К. Блюхер, по одним данным, расстрелян, по другим — умер под пытками. Уцелели только В.В. Ульрих, С.М. Буденный и Б.М. Шапошников.

В 1937—1938 годах были расстреляны: из 5 маршалов — 3; из 5 командармов I ранга — 3; из 10 командармов II ранга — 10; из 57 комкоров — 50; из 186 комдивов — 154; из 16 армейских комиссаров I и II рангов — 16; из 26 корпусных комиссаров — 25; из 64 дивизионных комиссаров — 58; из 456 командиров полков — 401². Чудовищный масштаб «чистки», разумеется.

«Головка» армии уничтожена, нет слов. А как насчет офицеров низового звена?

Как утверждает публицист-сталинист И. Пыхалов, со ссылкой на архивные источники, в течение 1937—1938 гг. в армии, с учетом всех последующих пересмотров дел (изменений статей и восстановлений), было репрессировано 17 776 человек³ командного состава, из них 9701 был уволен и 8075 арестовано.

¹ См.: Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006.

² См.: Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск, 2000, С. 82—202.

³ См.: Пыхалов И. В. Великая Оболганная война. М., 2005.

В. Г. Клевцов утверждает, что в 1937—1938 гг. было физически уничтожено 35,2 тыс. офицеров, Д. А. Волкогонов¹ и Д. М. Проэктор² пишут о 40 тыс. репрессированных. Н. Г. Павленко пишет: «...только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года был репрессирован 36 761 военачальник»³. А. М. Самсонов пишет о 43 тыс.⁴, Н. М. Раманичев — о 44 тыс.⁵, Ю. А. Горьков — о 48 773⁶.

В публицистике называются цифры и покруче: 50 тыс. репрессированных⁷, и даже: «Более 70 тысяч командиров Красной Армии были уничтожены Сталиным еще до войны»⁸.

В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер пишут: «Поэтому мы вынуждены считать, что убыль кадрового состава за два года чистки составила приблизительно 100 тыс. человек»⁹. Л. А. Киршнер утверждает, что было репрессировано 50% офицеров: «Считается, что в предвоенный период репрессировано 44 тыс. человек командного состава, свыше половины офицерского корпуса»¹⁰.

Цифры настолько противоречат друг другу, что имеет смысл уточнить: численность офицерского корпуса в 1938 году составляла порядка 180 тыс. человек. Из уволенных в 1937—1938 гг. 38 тыс. командиров и политработ-

¹ См.: *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 книгах. Кн. II. Ч. 1. М., 1989.

² См.: *Проэктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. М., 1972.

³ *Павленко Н. Г.* Размышления о судьбе полководства. М.: Знание, 1989.

⁴ *Самсонов А. М.* Вторая мировая война. 1939—1945. М., 1990.

⁵ *Раманичев Н. М.* Красная Армия всех сильнее? // Военно-исторический журнал. 1991, № 12.

⁶ *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.

⁷ *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР // Новая и новейшая история. 2006, № 6.

⁸ *Яковлев А. Н.* Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Известия. 25 апреля 1995. № 76 (24435).

⁹ *Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А.* Измена Родине. М., 1995.

¹⁰ *Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л. А. Киршнер. Л., 1991.*

ников в 1939—1940 гг. вернулись в армию 12 тыс., 9 тыс. было уволено по старости или болезни. Не более 18 тыс. офицеров уволены из армии по политическим причинам. Причем только 9,5 тыс. из них было арестовано.

Важно, что масштабы репрессий ВЕЛИКИ. Настолько велики, что после смерти Сталина его враги легко смогли стократ преувеличить их масштаб.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЛУЧШИХ?

Естественно, возникал вопрос — зачем? Что тут — шизофрения Сталина? Борьба за власть? Уже в те времена современники уверенно говорили: Сталин уничтожил самых лучших. 11 июня 1937 года немецкий журнал «Верфронт» писал в статье «новое лицо Красной Армии»: «После суда ... Сталин распорядился расстрелять восемь лучших командиров [РККА]. Так закончился краткий период реорганизации командования Красной Армии ... Военная квалификация была принесена в жертву политике и безопасности большевистской системы».

Квалификация ли?

Выдвигалась даже версия, что репрессии против верхушки РККА вызваны красивой операцией германской разведки: стремясь ослабить Красную Армию перед войной, германская разведка «закинула» Сталину такую «дезу».

Со сталинской чисткой РККА многократно связывали поражение Красной Армии в 1941 году. На это толсто намекают и Жуков, и Рокоссовский, а современный публицист даже утверждает, что «Без войны в застенках и лагерях НКВД погиб почти весь великолепный офицерский корпус — становой хребет Красной Армии»¹.

Мнение советской интеллигенции 1960-х блестяще выразил Расул Гамзатов в сочиненной в 1960—1962 годах поэме «Люди и тени»:

¹ Коваль В.С. «Барбаросса»: истоки и история величайшего преступления империализма. Киев, 1989.

Бойцам запаса посланы повестки,
Пехота немцев лезет напролом.
Поторопитесь, маршал Тухачевский,
Предстать войскам в обличье боевом.

Пусть гений ваш опять блеснет в приказе
И удивит ошеломленный мир.
Федько пусть шлет к вам офицеров связи
И о делах радирует Якир.

Но их, приговоренных к высшей мере,
Не воскресить и богу, а пока
В боях невозместимые потери
Несут осиротелые войска.

Правда, Гитлер думал совершенно иначе: после заговора верхушки Вермахта в июле 1944 года он говорил: «Вермахт предал меня, я гибну от рук собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнивших аристократов».

Большинство «прогрессивно мыслящих людей» полагали и тогда, полагают и сейчас, что «процессы изменников» и чистки 1935—1938 годов являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявлением дурных качеств самого Сталина, который завидовал гениальным полководцам вроде Якира и Тухачевского.

Сложность в том, чтобы найти подтверждение симптомов гениальности этих лиц. Якир славен в основном тем, что во время Гражданской войны держал при себе отряд из 500 китайских палачей. Тухачевский пытался писать теоретические труды... К счастью, их не раз издавали, можно почитать и убедиться: ничего в них нет, кроме идеологических заклинаний¹. Не случайно же В. Суворов посвятил «репрессиям в РККА» книгу с выразительным названием «Очищение»². Суворов совершенно солидарен с Гитлером: «очищенная» от револю-

¹ См.: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения в 2 т. М., 1964.

² *Суворов В.* Очищение. М., 2005.

ционеров армия стала намного более боеспособной. Не будь «очищения», и победа во Второй мировой стала бы маловероятной.

Методы, конечно, чудовищные, но помимо жестокости Сталина стоит отметить и его просто неправдоподобную дальновидность и прозорливость. Впрочем, он имел возможность много раз наблюдать идейных революционеров вблизи. Судя по всему, эту публику он сильно не любил...

И не один Сталин не любил. Споря с «идейными» накануне «великой чистки» на совещании начсостава, будущий маршал И.С. Конев бросил весьма неосторожную фразу: «Если настанет час испытаний, то с чем будем воевать — с винтовкой или с марксизмом?»¹

Как ни парадоксально, но репрессии положительно отразились на образовательном уровне высшего начсостава РККА.

В первой половине 1930-х гг. доля советских военачальников, имеющих высшее военное образование, колебалась от 30 до 40%. Перед началом репрессий только 29% имели академическое образование. А в 1938 году таких командиров стало уже 38%, в 1941 году 52% .

«...с 1 мая 1937 года по 15 апреля 1938 года, из 3 арестованных заместителей наркома обороны ни один не имел академического образования, 2 из назначенных его имели. Из командующих войсками округов: арестовано 3 «академика», назначено — 8; заместители командующих округами: соответственно арестовано 4 с высшим военным образованием, назначено — 6; начальники штабов округов — арестованные не имели академического образования, 4 из 10 назначенных его имели; командиры корпусов — арестовано 12 с высшим военным образованием, назначено 19; начальники штабов корпусов — арестовано 14 «академиков», назначено 22. И так по всем должностям, за исключением командиров дивизий. 33 арестованных комдива имели академи-

¹ Черушев Н.С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003. С. 15.

ческое образование, а среди назначенных таких было только 27. В целом по высшему командному составу количество назначенных, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45%. Таким образом, репрессии не снизили образовательный уровень затронутых ими категорий офицеров, они повлияли на уровень образования старших и средних офицеров, которые выдвигались на вышестоящие должности. Архивные данные свидетельствуют о том, что это были, как правило, наиболее высокоподготовленные командиры»¹.

Почему? Да потому, что «великая чистка» уничтожила бонапартиков, получивших высшие посты, своевременно примыкая к победителям в Гражданской войне. А заменили их люди, которые много лет служили в РККА, не вступая в ВКП(б). И вступили в нее, уже будучи начполками и начдивами. Сперва военная карьера, потом уже вступление в ВКП(б): когда ситуация потребует.

Судите сами: вот время вступления в ВКП(б) жертв репрессий: Гамарник — 1916, Примаков — 1914, Тухачевский — 1918, Уборевич — 1917, Федько — 1917, Якир — 1917, Корк — 1918, Эйдеман — 1918, Путна — 1917.

А вот сроки вступления в ВКП(б) тех, кто пришел им на смену: Василевский — 1938, Жуков — 1919, Конев — 1918, Малиновский — 1926, Рокоссовский — 1919, Толбухин — 1938.

Разница очевидна. На смену идеологам пришли прагматики.

ОПЯТЬ ОБ АТМОСФЕРЕ В АРМИИ

Итак, репрессии вовсе не были катастрофическими по масштабам. Тем более, они вовсе не «осиротили» войска. Возможно, «чистки» следует считать гениаль-

¹ Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937—1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999, № 1. С. 48—49.

ным политическим ходом Сталина. Одновременно он устранил «корсиканскую опасность»: перспективу военного заговора, избавился от очередной порции революционного разгильдяйства и поднял уровень высшего командования армии.

В этом смысле все просто замечательно.

Но как должна была отнестись к «чисткам» армия? Ее офицерский состав? Ведь что получается: внезапно «берут» генералов и офицеров. Пытают их. Уничтожают под предлогами, которые совершенно неочевидны. Процессы закрытые. Если и был заговор — то где его доказательства? Неопровержимых доказательств виновности высшего комсостава нет. Есть только неясные слухи, которые можно трактовать, как угодно.

Вроде бы для среднего и младшего офицерского звена репрессии по отношению к начальству даже выгодны: после того как армия лишается своей верхушки, появляется много вакантных должностей. Появляется шанс сделать феерическую карьеру. Да... но:

Во-первых, воинская дисциплина от этого не повышается, потому что многие младшие командиры начинают задумчиво посматривать на старших... А старшие начинают заискивающе улыбаться комиссарам, комсомольцам и вообще подчиненным.

Во-вторых, всякий получивший повышение думает не столько о воинском долге, сколько о том, когда же за ним придут, что могут поставить ему в вину и как бы ему уцелеть.

Карьера есть... А как насчет уверенности в прочности своего положения? И не только служебного, а вообще своего положения советского офицера?

Путем репрессий и «снятия» верхушки армии правительство может обезопасить себя, уничтожить опасных крамольников и напугать следующих. Путем таких репрессий, может быть, армия и «очищается» от никчемных и авантюрных людей. Спорить не буду. Но построить таким образом профессиональную, по-настоящему сильную армию невозможно.

И в самих репрессиях, и в том, как они проводились,

ярко сказывается главное отрицательное качество РККА и всей советской системы: игнорирование личности, внутреннего мира, патологическое неуважение к человеку.

Нельзя исключить, что Сталин провел гениальную систему подготовки РККА к войне. Вполне может быть, он сумел сделать армию лучше, а ее высший командный состав профессиональнее, образованнее, умнее, надежнее. Может быть.

Но одновременно он сделал этот высший командный состав менее уверенным в себе, меньше доверяющим своему правительству, менее смелым и менее готовым класть живот свой на благо своего государства. С 1937 года любой военачальник просто обязан был жить, постоянно нервно озираясь. Ведь в любой момент за ним могли прийти... А за что — сыщут. Система непредсказуема. Они уже истребили часть своих людей, руководствуясь какими-то не очень понятными соображениями. На основании каких «соображений» придут за тобой — никогда не известно. И не понятно. Просчитать — невозможно. Понять — невозможно. Остается только ходить и все время нервно озираться.

В.Суворов описывает Красную Армию 1941 года как огромную по численности, величайшую в мире армию. Эта армия владеет самой передовой для того времени техникой. У нее больше всех в мире самых крупнокалиберных пушек, самых могучих танков, самых быстроходных и самых эффективных самолетов.

Полагаю, описание В. Суворова верно... но оно недостаточно.

Красная Армия была укомплектована плохо подготовленными, малоквалифицированными людьми, которые не умели распорядиться военной техникой, плохо умели взаимодействовать и мало доверяли как друг другу, так и правительству своей страны.

Что еще хуже, в РККА неукоснительно действовал принцип: «дело важнее человека» и «механизмы важнее человека». Получив приказ, солдаты и офицеры РККА вполне мотивированно предполагали, что их безопас-

ность никого не волнует. И проявляли осторожность — потому что спасение утопающих было делом рук самих утопающих.

РККА все время контролировали, создавая сразу несколько механизмов контроля: особые отделы, комиссары, комсомольские организации, массовые «чистки» армейской верхушки.

Красная Армия была армией запуганной, неуверенной в себе и в своих силах. Ее служащие от солдата до маршала были неинициативны, боялись принимать самостоятельные решения.

Такая армия надежна в том смысле, что она вряд ли устроит военный переворот. Но она не надежна в бою.

И с этой армией Сталин собирался завоевать мировое господство? Создать Земшарную республику советов?

О СРОКАХ

Итак, обе стороны планировали нападение. И нацисты, и коммунисты. Подготовка к войне никогда не проходит открыто. Но и по имеющимся данным хорошо видно, как готовятся к войне и РККА, и Вермахт. На языке военных это называется «встречное стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил стран-противников».

Могли ли нацисты планировать нападение не на 22 июня, а на более поздний срок? Вполне... И на более ранний тоже. Раньше нападать даже лучше, потому что тогда больше будет времени наступать летом, в теплое время года.

Рихард Зорге несколько раз передавал сроки нападения Третьего рейха на СССР: 15 апреля... 1, 15, 20 мая... 15 июня... Ни одна дата не подтвердилась, но это уже второй вопрос.

Мог ли СССР нанести удар первым? Да. Если такие действия входили в его планы, то однозначно — да.

И это тоже мог быть любой срок. Суворов считает вероятным сроком 15 июля. Для построения модели —

что могло быть при первом нападении СССР, такой срок не лучше и не хуже любого другого. Будем исходить из него как из «вероятного» или даже «возможного».

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: 15 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

13 июля 1941 года перебежчик Иван Иванов переплыл Буг и прибежал в расположение нацистской части. На ужасном немецком он громко кричал, что знает великую тайну, и «Сталин капут!». Кричал так, что разбудил часового. Часовой сначала хотел пристрелить Иванова, но потом просто дал ему пинка и велел убираться. Иванов до утра слонялся вокруг расположения части и громко кричал. Утром его сдали в разведку, и там он поведал о планах Сталина напасть на Третий рейх утром 15 июля.

— Откуда у вас такие сведения?

— В бане ребята рассказали.

— Откуда это знают «ребята»?

— У одного из них роман с любовницей лейтенанта спецчасти, она и рассказала.

Иванова не отдали обратно, но никто, конечно, ему и не думает поверить. Ну откуда рядовой может знать планы командования и руководства государством?!

Еще до этого как бы журналист, а на самом деле двойной шпион СССР и рейха Гриша Заботник из Аргентины, передал информацию о том, что СССР готовит нападение на Третий рейх. Он уже передавал такие сообщения несколько раз: о нападении СССР на Третий рейх 15 апреля... 1, 15, 20 мая... 15 июня...¹. Заботнику тоже не верят, что-то в его информации крупно «не так».

¹ Рихард Зорге действительно несколько раз передавал сообщения о разных сроках нападения Третьего рейха. Все сообщенные им даты оказались неверными. О причинах такой неточности сообщений спорят до сих пор, то ссылаясь на «предвоенную атмосферу, когда все было пронизано ожиданием войны», то на сознательно подсунутые Зорге «дезы».

И наступает ночь на 15 июля 1941 года... Уже с 10 июля у каждого командира дивизии есть два конверта: желтый и зеленый. В 10 часов вечера 14 июля командиры дивизий получили приказ: вскрыть желтый конверт. По прочтении текст немедленно съесть.

Комдивы прочли и вызвали к себе комполков. Военная машина пришла в непонятное пока, ей самой неясное движение.

12 часов ночи. Сонные танкисты сидят в танках: приказано ждать.

Летчики прогревают моторы. Они догадываются, что начинается, но тоже ждут приказа.

В ноль часов 30 минут командиры дивизий разрывают зеленый конверт и читают приказ. При чтении присутствуют командиры полков. Приказ получен, и 15 июля в 1 час ночи по московскому времени Красная Армия, колоссальный фронт от Балтики до Черного моря приходит в движение. 3,3 млн вооруженных до зубов, снабженных невероятным количеством военной техники человек идут, едут плывут, летят на запад. Мосты и дороги разминированы, ничто не мешает.

Поднявшись со своих аэродромов, самолеты Красной Армии через считанные минуты оказываются над территорией рейха.

В 4 часа утра страшный бомбовый груз обрушивается на «мирно спящие» аэродромы Третьего рейха, его гарнизоны и воинские части.

В 5 часов 30 минут Красная Армия пересекает границу. Она легко смяла пограничные части, начинает углубляться в территорию Третьего рейха.

Примерно в половине четвертого ночи 15 июля 1941 года в Берлине советский посол Деканозов, стоя перед министром иностранных дел Третьего рейха Риббентропом, зачитывает текст советской декларации о «военных контрмерах против Третьего рейха». По указанию Сталина в декларации было запрещено упоминать слова «война» и «нападение».

Позже Риббентроп напишет в своих мемуарах, что когда Деканозов читал текст декларации, его голос дро-

жал, а глаза были полны слез. Выслушав посла, министр долго молчал, а затем тихо произнес: «Это война? Вы считаете, мы ее заслужили?» Едва сдерживаясь, советский посол пробормотал, что не одобряет решение своего правительства.

В то же самое время в Москве нарком иностранных дел Вячеслав Молотов вручает послу Третьего рейха фон Шуленбургу декларацию об объявлении войны. Пораженный посол довольно быстро пришел в себя и резко заявил: «Вы пожалеете о том, что совершили это нападение! Вы за это дорого заплатите!» Он поднялся, поклонился и, не подавая руки Молотову, направился к двери. Провожая посла, Молотов прошептал: «Я был против этого нападения».

Потом в Третьем рейхе будут распространять пропагандистские сказочки, что СССР напал на Третий рейх без объявления войны. Эти байки в Третьем рейхе будут повторять до 1991 года, то есть до самого времени крушения и распада Третьего рейха.

В 12 часов дня 15 июля 1941 года Геббельс выступил по радио с официальным обращением к гражданам Третьего рейха, сообщив о нападении СССР на Третий рейх и объявив о начале войны.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: НАПРАВЛЕНИЕ УДАРОВ КРАСНОЙ АРМИИ

Разумеется, все направления ударов проектируются очень условно. Представим себе некую схему, чтобы проще было строить модель... И совершенно не настаивая, что планы были бы такими и только такими.

Итак, войска Одесского округа идут на Румынию, Венгрию, Словакию. Сокрушив эти малые страны, они должны начать движение на Вену и Швейцарию.

Войска Киевского округа наносят удар на Краков, потом на «подбрюшье» собственно Германии: Мюнхен, Маннхайм, Франкфурт-на-Майне.

Войска Белорусского округа бьют на Варшаву, по-

том на Бреслау, Франкфурт-на-Одере, — и в перспективе прямо на Берлин.

Прибалтийский округ вторгается в Мемель и Восточную Пруссию, потом идет на Данциг и дальше на Шлезвиг и Остемюнде. Закончить эту часть кампании он должен в Гамбурге и в Рурском районе

ЧЕТЫРЕ СЮРПРИЗА

Каковы бы ни были планы высшего руководства СССР, Красную Армию неизбежно ожидает четыре великих сюрприза.

Первый сюрприз: собственная внутренняя слабость.

Любая пропаганда, любые идеи «освобождения пролетариев от ига буржуазии» не могут скрыть главного: Красная Армия совершает акт агрессии.

Есть колоссальная разница в моральном духе войск, которые идут по чужой земле и которые защищают свою землю.

В реальности Красная Армия изначально оказалась армией-защитницей. А когда она в 1944 году начала воевать за границей, она уже имела опыт двух с половиной лет войны на СВОЕЙ территории. К тому времени она уже однозначно считала себя морально правой, а Советский Союз — жертвой агрессии.

В нашей виртуальности 15 июля Красная Армия напала на Третий рейх. В нашей реальности Красная Армия в 1941 году бежала и сдавалась в плен.

На протяжении считанных недель весь первый стратегический эшелон Красной Армии оказался уничтожен. Красная Армия была «полностью разгромлена, вся боевая техника брошена в лесах, большая часть личного состава оказалась в плену или погибла, немногие уцелевшие в течение нескольких недель или месяцев выбирались мелкими группами из окружения»¹.

¹ *Солонин М.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2008. С. 103.

Если в реальности эта армия бежала, с какого бодуна теперь начнет бешено воевать за Сталина? Во время наступления бежать и сдаваться в плен невозможно или очень трудно. Но армия воюет вяло. Она выполняет приказы — но без напряжения, без готовности выполнять боевые задачи любой ценой. Части Красной Армии упускают множество возможностей, в каждом конкретном случае делают лишь часть возможного.

К тому же Красная Армия морально напряжена... Если начнутся серьезные трудности — будет переходить на сторону противника.

Второй сюрприз: готовность Германии и немецкого народа к войне.

Имеется в виду не только и не столько более высокая подготовка.

Красная Армия сталкивается с бешеным сопротивлением: война для немцев — оборонительная. Данциг и Восточная Пруссия — это своя земля для немцев. Родина. Земля отцов. Психология тех, по чьей земле идет враг — это психология русских, по чьей Смоленщине и Псковщине катят германские танки с черным крестом на броне.

Точно так же немцы считают своей землей многие города и области в Польше и Литве. Данциг, Бреслау, Вильно, Львов-Львів-Левенбург — немецкие города. Поляки, литовцы, украинцы считают их своими — но это совершенно не мешает немцам считать точно так же. Ведь и города Киев и Минск — это столицы Украины и Белоруссии — что совершенно не мешало русским считать эти города своими и воевать за них как за часть своей Родины.

С первых же часов войны Красная Армия идет по землям коренной Германии. Уже поэтому для Вермахта и всей Германии это оборонительная война.

Третий сюрприз: война оборонительная для всех народов, по территории которой идет Красная Армия. Поляки, украинцы, венгры, словаки, румыны имеют все основания считать себя жертвами советской агресс-

сии. Ни один народ не любит, когда по его земле идет вражеская армия, и сопротивляется нашествию.

В нашей реальности народы Восточной Европы сначала испытали все «прелести» нацистской оккупации, а потом уже имели дело с Красной Армией. За время войны у них очень окрепло коммунистическое подполье, для которого Красная Армия была племенем дорогих партейгеноссен. И даже многие националисты готовы были поддерживать Красную Армию или, по крайней мере, не воевать с ней. Пусть «русские» бьют и гонят «немцев», все равно ничего хуже «немцев» быть не может.

В 1944 году не все, но многие польские патриоты готовы были поднять восстание в тылу нацистов, помогая Красной Армии.

Кстати, полная аналогия в Прибалтике и на Украине: после двух лет советской оккупации литовцы, латыши, западные украинцы и эстонцы готовы были помогать Вермахту. Из тех же соображений: что ничего хуже советской оккупации быть не может.

Приобрести готовность поддерживать Красную Армию тем труднее, что народы Восточной Европы цивилизационно ближе к Центральной Европе, чем к России. Для сербов и карпатороссов Красная Армия еще могла быть армией «своих» по культуре, но никак не для поляков и не для литовцев. Чтобы поддержать Красную Армию, им нужна была долгая и жестокая оккупация Третьего рейха.

В нашей виртуальности нападения СССР ничего подобного еще нет. Разве что оккупированная в 1938 году Чехия может быть готова поддержать Красную Армию. И в Польше отдельные части Армии Крайовой.

В целом же Красная Армия — агрессор не только для немцев, но и для всех народов Восточной Европы.

Сюрприз четвертый: слабость коммунистической «пятой колонны» в местах, захваченных Красной Армией. Разумеется, с движением Красной Армии из подполья будут выходить коммунисты и все вообще леваки, начинать войны со своими правительствами.

Но! В реальности коммунисты Европы начали Сопротивление против нацистской оккупации. Они выступали как патриоты своих стран и потому имели такую колоссальную поддержку. Во Франции, в Югославии, в Польше, в Греции целые районы были освобождены коммунистическими партизанами. Для того, чтобы коммунисты стали сильны, потребовалась опять же долгая и жестокая нацистская оккупация. И чтобы сами коммунисты поднялись, и чтобы население их признавало. В Югославии коммунистическая армия Тито стала важным фактором не раньше 1942 года. Французские и греческие красные партизаны — не ранее 1943-го.

В нашей виртуальности местные коммунисты выступают как предатели, помогающие армии-завоевательнице. Это смущает и их самих, и тем более остальное население.

В любом случае невозможно представить нападение СССР аналогом нападения Третьего рейха: с такими же масштабами развала и разрухи, массового бегства и нежелания воевать.

Не будет бегства нацистской армии, не желающей воевать. Танки Красной Армии не будут двигаться со скоростью 30 км в день. Не будет массовой сдачи солдат противника в плен.

Красную Армию ждет очень трудная, крайне жестокая война, в которой ей придется вести бои за каждый населенный пункт. И прийти в роли освободителей к народам Восточной Европы тоже не получится. Брать Краков и Белград будет означать войну и с Вермахтом и с местными армиями и ополчениями. Оккупация будет означать оставление в тылу Красной Армии людей, которые охотно и при первой возможности нанесут удар в спину.

Все четыре сюрприза касаются только одного аспекта войны: военно-стратегического. Это очень важный аспект, но есть и другие, их тоже необходимо учитывать.

АСПЕКТЫ ВЕДУЩЕЙСЯ ВОЙНЫ

Исход Второй мировой войны определил четыре фактора:

- военно-стратегический;
- военно-дипломатический;
- революционный;
- англосаксонский.

Военно-стратегический и революционный аспекты — явно не в пользу Красной Армии.

Военно-дипломатическая ситуация тоже не в пользу СССР.

Для всех континентальных европейцев от Испании до Польши Красная Армия — очень пугающий политический фактор. Тем более пугающий фактор: своя Гражданская война, которой Красная Армия будет активно помогать. Пусть выходящие из подполья коммунисты немногочисленны и не имеют массовой поддержки. В нашей виртуальности стоило напасть СССР — и в воздухе запахло гражданскими войнами и Мировой революцией.

В нашей реальности мобилизационные возможности Третьего рейха оказались намного меньшими, чем у СССР. В нашей виртуальности это не так, потому что континентальные державы будут выступать как союзники Гитлера. Причем как союзники не за страх, а за совесть.

В реальности Франко прислал одну дивизию добровольцев. А ведь мог двинуть почти всю свою армию. И Французская держава маршала Петена может двинуть армию до миллиона штыков. И Италия может воевать совершенно иначе. И даже страны, уже завоеванные нацистами.

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ФАКТОР

В реальности Британия и США стали громадным фактором победы СССР. Во-первых, Британия воевала с нацистами в Северной Африке, оттягивая значитель-

ные силы. Во-вторых, Закон о ленд-лизе, принятый Конгрессом США 11 марта 1941 года, предусматривал, что Президент может помогать любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для США. Изначально СССР в ленд-лиз не входил.

Только после начала войны между Третьим рейхом и СССР, 26 июня 1941 года, Вашингтон заявил, что закон о нейтралитете не распространяется на помощь Советскому Союзу. И тут же советское правительство представило американской и британской стороне перечень необходимых поставок! Мгновенно.

Но до принятия решения Рузвельт послал в Европу своего доверенного человека, мистера Гарри Гопкинса. После того как Гопкинс счел результаты переговоров со Сталиным «в высшей степени позитивными», 2 августа 1941 года между СССР и США состоялся обмен нотами. В своей ноте американская сторона заявила о решении оказать максимальное экономическое содействие СССР. 9 августа Рузвельт и Черчилль, пообщавшись у берегов Ньюфаундленда, направили послание Сталину, заверяя, что он получит помощь. И предлагая созвать конференцию в Москве, специально для обсуждения этой помощи СССР, 1 октября 1941 года Рузвельт одобрил подключение к ленд-лизу СССР.

Главное для американцев было — готов ли СССР сражаться с Третьим рейхом до победного завершения войны? Сомневаться в этом у них были веские основания.

Программа ленд-лиза (от lend — «давать займы» и lease — «сдавать в аренду, внаем») — это система, по которой Соединенные Штаты Америки, в основном на безвозмездной основе, передавали своим союзникам во Второй мировой войне боеприпасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье.

Поставленные ценности не подлежали оплате, если были утрачены и использованы во время войны.

Имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, должно быть опла-

чено, но не сразу. Для оплаты США дадут долгосрочные кредиты.

США были единственной страной мира, обладавшей достаточными производственными мощностями для оказания такой поддержки в достаточно сжатые сроки, чтобы успеть оказать влияние на ход боевых действий в 1942 году.

Из общей суммы поставок в 50,1 млрд долларов (около 700 млрд долларов в ценах 2008 года) больше всех получила Британия: 31,4 млрд долларов (440 млрд в ценах 2008 года). На втором месте — СССР — 11,3 (160 млрд) долларов. Франция получила 3,2 млрд (порядка 45 млрд), Китай — 1,6 (22) млрд.

За рубежом утверждалось, что победа над Германией была определена западным оружием и что без ленд-лиза Советский Союз не устоял бы¹.

В советской историографии обычно утверждалось, что размер помощи по ленд-лизу СССР был довольно мал — всего около 4% средств, затраченных страной на войну, а танки и авиация поставлялись в основном устаревших моделей. Отстаивать другую позицию считается очень непатриотичным.

Но если поставки по ленд-лизу были такими мало-важными, то почему Сталин придавал им такое колоссальное значение? Он много раз самым настойчивым образом обращался к Черчиллю и Рузвельту, буквально вымогая поставки.

4 сентября Сталин направил очередное послание Черчиллю, в котором писал, что если союзники не откроют второй фронт на Балканах или во Франции и не будут ежемесячно поставлять СССР 400 самолетов и 500 танков, СССР не будет в силах помогать союзникам, а то и вообще вскоре будет разбит.

Союзники отказали. Тогда Сталин просил послать 25—30 дивизий в Архангельск или перебросить их через Иран. Ведь скоро придется сдать центральную часть

¹ См.: Jones R. H. The Roads to Russia: United State Lend-Lease to the Soviet Union, Oklahoma, 1969.

страны и организовывать новый фронт за Волгой... И вообще судьба Москвы висит на волоске.

На советско-англо-американской конференции в Москве 29 сентября — 1 октября 1941 года Сталин прямо ставил готовность СССР воевать в зависимости от поставок. Давайте поставки — или мы проиграем войну! А тогда и вам станет плохо! Шантаж? Может быть... Но судя по всему, не только шантаж. О необходимости ленд-лиза говорили и Жуков, и Микоян¹.

Ленд-лиз буквально вымогал советский посол Иван Майский. Он все время требовал помощи большей, чем физически могла предоставить Великобритания, и недвусмысленно намекал, что в случае отказа в поставках СССР вполне может проиграть. Однажды У. Черчилль заявил:

«Вспомните, что еще четыре месяца назад мы на нашем острове не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас»².

Если СССР в июле 1941 года первым нападет на Третий рейх, маловероятно, что ему будут поставлять что бы то ни было. В такой виртуальности англосаксы могут занять две позиции:

- помогать Третьему рейху;
- занять позицию полного нейтралитета.

В любом случае англосаксы помогать СССР не будут.

СССР И БЛИЦКРИГ

Рассуждая о блицкриге как основной военной доктрине нацистов, историки упускают из виду: в основе

¹ См.: *Зенькович Н. Я.* Маршалы и генсеки. М., 1997. С. 161—162.

² См.: *Руге Ф.* Война на море 1939—1945. М., 1957. С. 209.

советской доктрины лежал точно такой же «блицкриг». «Малой кровью и на чужой территории» — разве это не блицкриг чистой воды? Все известные нам планы предполагают завоевание Европы на протяжении буквально 1—2 месяцев ведения боевых действий.

В реальности СССР не мог выиграть затяжной войны без поставок англосаксов, то есть без ресурсов Британской империи и США. А говоря еще циничнее — без ресурсов Западного полушария и Британской колониальной империи. В нашей виртуальности СССР тем более «не потянет» затяжной войны.

СССР может рассчитывать только на блицкриг: в точности, как и Третий рейх. Третий рейх не смог осуществить блицкриг летом—осенью 1941 года, до начала морозов — и тем самым оказался обречен на поражение.

А на блицкриг у СССР еще меньше шансов, чем у Третьего рейха. СССР не противостоит ни армия, не желающая воевать, ни население, желающее прекратить безумные коммунистические эксперименты.

При нападении на Третий рейх никакого блицкрига не будет. Не приходится всерьез говорить о «малой крови» армии-муравейника, с чудовишно низким уровнем подготовки наличного состава. Даже блестящие победы 1944—1945 годов в Восточной Пруссии и в Германии, при абсолютном превосходстве Красной Армии в артиллерии, танках, авиации, военной технике, обходились в сотни тысяч погибших солдат и офицеров.

Захват Восточной Пруссии и вступление Красной Армии на территорию Германии летом-осенью 1941 года обойдутся в еще большее число погибших: у Красной Армии не будет того опыта.

Война на чужой территории для СССР — неизбежно затяжная война. Эта война будет вестись при несравненно худших военно-дипломатических, политических, экономических условиях, чем в реальности. СССР имеет больше ресурсов, чем Третий рейх, он дольше «протянет» затянувшуюся войну. Но и для него такая война — обреченность на поражение.

Степень неуспеха этой войны зависит от политического расклада. Он может быть более или менее удачным для планов Сталина и в этом смысле более или менее «хорошим». Все варианты рассмотреть физически невозможно, да и не нужно. Рассмотрим два крайних случая: расклад самый «хороший» и самый «плохой».

ВИРТУАЛЬНОСТЬ САМОГО «ПЛОХОГО» РАСКЛАДА

В этом раскладе Гитлер умен, европейцы храбры, Коминтерн безобразен как истинное дитя Троцкого, а англосаксы — дельные и хитрые.

1) В первые же часы, максимум — дни, войны Гитлер дает государства полякам и украинцам. Он объявляет, что идет война европейской цивилизации с напавшими на нее гуннами, монголами... кем угодно. Словом, с напавшими на невинную Европу варварами.

Вермахт воюет за всех! Но и все пусть помогают ему. Государству поляков — быть. Признание эмигрантского правительства в Лондоне, обращение к полякам: мы дадим вам широкую автономию, как в Австро-Венгрии. Мы уже ее даем! Пусть польские части в польской же форме, под командованием своих офицеров, по приказам своего правительства идут в бой на орды большевиков.

Бандеру и его людей выпускают из тюрьмы. Перед ними извиняются. Им говорят: у вас уже есть свое государство. Третий рейх подписывает с вами мирный договор как с суверенным правительством. Только воюйте.

Форма — своя. Офицеры — свои. Планирование операций — совместно с генштабом Третьего рейха.

Это сразу же даст сотни тысяч, вскоре и миллионы штыков и сабель. Разумеется, для принятия таких решений Гитлер из революционера и позера должен сделаться хитрым, умным, реалистичным политиком, спо-

собным просчитывать на три хода вперед. Он должен сделаться Сталиным! Вариант практически невозможный, но и его надо просчитать, как некую почти невероятную крайность.

Еще более невероятно, но даст не меньший эффект: прекратить антисемитскую политику. Даже не отказываясь от расовой теории как таковой. Разворот примерно в таком духе: среди евреев много происходящих от арийцев... Было же много смешений, принятия гиюра еще в Средние века, много браков... Теперь эта кровь сказывается! Лозунг: еврей, воюющий за рейх, тоже ариец! Берлинским и франкфуртским раввинам торжественно выдают «сертификаты крови». Расовая комиссия удостоверяет, что они — нордические типы.

Это совершенно не исключает репрессий по отношению к нелояльным элементам и всем, кто поддерживает врага. Но репрессии-то идут не по расовому, а по политическому принципу. Виновен тот, кто работает против своего государства, а не кто родился с другой формой носа.

Для населения Германии это знаменует сплочение перед лицом восточного врага. Много новых солдат, причем в большинстве — квалифицированных и активных. Солдат, которые будут доказывать свое право на это новое к ним отношение.

Для всего мира — по крайней мере, длительное обалдение. Из рук врагов рейха выбито важное оружие, они лишились существенного аргумента.

Для евреев Восточной Европы — сомнение в неизбежности поддерживать любого врага Третьего рейха.

2) Коминтерн не поднял в тылу врага ни одной самой завалящей революции. Европейские коммунисты малочисленны, слабы. Они не в силах внести смуту в жизнь своих стран, тем более — активно помогать СССР.

В результате:

— народы Европы сплочены;

— слабость коммунистической идеи становится всем очевидна;

— гражданские войны начинаются только там, куда приходит Красная Армия. Что служит лишним доказательством того, что ее ни в коем случае нельзя пускать на свою территорию.

3) Франция, Испания, Италия, Венгрия дружно идут против СССР. Даже малые страны Европы выставляют контингенты своих войск. Численность союзных войск сравнима с численностью Вермахта.

4) Англичане сначала нейтральны. Потом, когда Красная Армия продвигается в глубь Польши, они и американцы подписывают с Гитлером перемирие и начинают поставлять горючее и оборудование.

И при таком раскладе Красная Армия имеет шанс продвинуться на запад. Вопрос — далеко ли? Возможно, Красная Армия возьмет Варшаву и Краков. Безумные атаки польской Армии Крайовой, безнадежное рыцарство которых заставляет весь мир говорить о героизме «маленькой Польши» и зверстве «русских», давящих эту страну.

Возможно, удастся захватить всю Немецкую Прибалтику: Мемель, Восточную Пруссию, Данциг. Это утвердит весь мир в представлении об СССР как о страшном агрессоре, которому надо противостоять любой ценой.

Захват Восточной Пруссии и в нашей реальности сопровождался чудовищными зверствами. В нашей виртуальности вряд ли может быть иначе. Еще один аргумент Вермахту биться до последнего, а всему миру — помогать Вермахту, действовать против СССР.

Вступление Красной Армии на территорию Болгарии и Сербии может произойти сравнительно легко. Сравнительно малой кровью — при нейтральности ко-

ренного населения. А Вермахт и тут будет драться отчаянно. Но бои на территории Словакии, Словении и Венгрии будут идти и с Вермахтом, и с национальными армиями. Если эти страны и удастся захватить, то ценой долгих боев и громадных потерь.

При этом:

- морального оправдания для агрессии у СССР нет;
- наступает Красная Армия — армия Мировой революции. Для всех ее движение подобно рейду Красной Армии 1920 года: «На Варшаву! На Берлин!»

Первоначально Финляндия не собиралась захватывать Ленинград. В нашей виртуальности реальна ее готовность участвовать в штурме города.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: ВЕРОЯТНЫЕ ТЕМПЫ НАСТУПЛЕНИЯ

Во время зимне-весенней кампании 1944 года за 4 месяца Красная Армия продвинулась на 250—450 км.

Блестящая Люблинско-Брестская операция (18 июля — 2 августа 1944 г.) была успешнее: за 16 дней — 260 км.

Другая аналогия. 30 августа 1944 г. началось Словацкое национальное восстание, в котором участвовало много коммунистов: против пронацистского режима Словацкой Республики во главе с Йозефом Тиссо. Советское руководство хотело помочь восстанию. Для этого 8 сентября 1944 года советские войска начали Карпато-Дукельскую операцию. Но продвигались войска так медленно, что в начале ноября 1944 года нацисты подавили восстание еще до того, как советские войска смогли оказать ему реальную помощь.

Только во время Висло-Одерской операции, начавшейся 12 января 1945 года, советские войска на протяжении 20 суток продвигались на расстояние до 20 км в день.

Вопрос — за счет чего? Во-первых, как всегда, убитых не считали: минные поля проходили штрафные батальоны. Во-вторых, в ходе артиллерийской подготовки на километр фронта стояло до трехсот орудий. Расстоя-

ние от одного орудия до другого было всего три или четыре метра¹.

В нашей виртуальности нереально было бы восстание словаков. А поляки активно воевали бы с Красной Армией.

Ведь в реальности во время Люблинско-Брестской операции Красная Армия действовала совместно с поляками. Правительство в Лондоне поставило перед Армией Крайовой задачу восстановить государственность ДО прихода Красной Армии. По мере отступления Вермахта Армия Крайова овладевала освобожденными районами в Западной Белоруссии, Западной Украине, Литве, Польше. Наступавшие советские войска уже заставляли там сформированный аппарат власти, поддержанный вооруженными отрядами, подчиненными эмигрантскому правительству.

Это было очень удобно для Красной Армии: она вела бои с Вермахтом, имея союзника и проводя с ним совместные операции, а тыловые части оказывались на территории союзного государства. Позже офицеры АК арестовывались, а бойцы разоружались и мобилизовывались в просоветское Войско Польское генерала Берлинга. Естественно, шли туда не все. При попытках разоружать аковцев они уходили в леса. Захватывая, аковцев накапливали в нацистских лагерях, в том числе в Майданеке, а с 23 августа 1944 года отправляли в лагеря в Россию.

А ведь в реальности Армия Крайова рождалась в подполье. С ноября 1939-го «Звензек вальки збройней» («Союз вооруженной борьбы» — ЗВЗ) постепенно подчинял военные конспиративные организации, действующие на территории Польши, поддерживавшие правительство в Лондоне².

Если бы нацисты вооружали Армию Крайову, она

¹ См.: *Конец И. С.* Сорок пятый. — М.: Воениздат, 1970.

² См.: *Малиновский М., Павлович Е., Померанский В., Шпегонский А., Виллош М.* Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. М., 1968. С. 45.

была бы и многочисленнее, и лучше вооружена. Если бы такая армия вместе с Вермахтом воевала с Красной Армией, темпы наступления были бы намного более низкими.

От советско-нацистской границы июля 1945 года до Вроцлава-Бреслау, Вены, Праги и Братиславы, до Белграда — примерно одинаковое расстояние: порядка 400—500 км.

Такой путь — это 3—5 месяцев непрерывного наступления, то есть безостановочных наступательных боев. Причем коммуникации ненадежны, никто ничего не отдает и не продает, население враждебно, в лесах и горах — вооруженные отряды партизан.

Если не заниматься демагогией про то, что «наши всех всегда все равно побеждали» — не вижу ни малейшей возможности проделать этот путь... А ведь речь идет только о половине расстояния до западных областей Германии.

КРАСНАЯ АРМИЯ И ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Война и в реальности оказалась весьма неожиданной для солдат и офицеров Красной Армии. Их-то готовили к такому веселому и победоносному патриотически-классовому наступлению, в ходе которого пролетарии из армий противника сдаются в плен, а буржуи неизменно будут повержены.

Но в реальности они могли объяснить происходящее «вероломным нападением» нацистов. Даже у поражения было горькое, но укрепляющее душу соображение: мы не готовились. На нас внезапно напали. Мы медленно запрягаем, но потом быстро поедem.

Враг шел по территории России... Это делало войну морально оправданной, и уже не так важно, кто на кого собирался напасть. Мы правы, потому что мы жертвы агрессии. Надо изгнать врага с нашей территории, потом разберемся.

Наступательная война в июле 1941 года оказалась бы еще более неожиданной и к тому же лишалась всякого

нравственного оправдания. То есть оправдание можно найти — историческая неизбежность Мировой революции. Был даже контингент арбатских мальчиков, готовых за Мировую революцию умирать. Только много ли их было, красноштаных детишек Арбата? Мальчиков из прикормленных властью, сытых московских семей, в домах которых место икон заменили портреты Маркса, Ленина и Сталина? История показала: Тимуров Гайдаров и Паш Коганов — единицы. Они и сгнули к зиме 1941 года потому, что это была не их война. Они войны хотели, но совершенно другой.

Если нацисты проиграли войну — то именно потому, что для миллионов россиян 120 национальностей они выступили как ОККУПАНТЫ. Как враги, которых надо бить независимо от политического строя как Отечества, так и их, оккупантов, государства. Нацисты потерпели поражение, потому что раздел мира Сталиным и Гитлером обернулся для России Отечественной войной.

В виртуальности Красная Армия с самого начала идет по чужой земле. На каждый чих Красной Армии Вермахт огрызается огнем. Его солдаты не сдаются в плен, никто не собирается «бить буржуев» вместе с красноармейцами. Рядом с солдатами Вермахта сражаются какие-то другие люди в совершенно незнакомой форме. Люди в деревнях и городках уходят с неприятельской армией или разбегаются. Чужая земля полыхает огнем, встречает пустая, молчаливая, разоренная. В лес заходить опасно, кто вышел из расположения части — не вернулся. Оставшиеся не отвечают на вопросы, стараются не смотреть в глаза.

Конечно, в условиях наступательной войны не сбежишь в леса и не помчишься от противника на восток. Но стоит фронту стабилизироваться...

В реальности в плен сдались за годы войны 5,7 млн солдат и офицеров Красной Армии. Из них более миллиона воевали в составе Вермахта, а сотрудничали с нацистами более полутора миллионов.

В числе пленных — 79 генералов. 13 генералов убито нацистами за отказ сотрудничать, 4 генерала бежало,

возвращаясь в Красную Армию или прибываясь к партизанам.

Но 23 других генерала Красной Армии после победы СССР были расстреляны или повешены, а 10 — получили приличные сроки. За сотрудничество с противником.

В виртуальности на запад идут те же самые красноармейцы и те же самые генералы. Почему они будут вести себя как-то иначе?

ВИРТУАЛЬНОСТЬ «РУССКОЙ ПОЛИТИКИ»

В реальности Вермахт не раз создавал русские национальные части и охотно включал в свой состав перебежчиков. А политическое руководство рейха всячески препятствовало этому. Мы рассматриваем виртуальность «умного Гитлера», и потому просто обязаны предположить: 25 июля в Кракове создается правительство Русской республики. Ну хорошо, пусть будет Русской национал-социалистической республики. Правительство создается 1 августа 1941 года и временно находится в Кракове. Вскоре ему придется переехать во Вроцлав.

Такое создание альтернативного «правительства» будет означать ровно одно: Сталина накормили собственной кашей. Коммунисты регулярно создавали «альтернативные правительства» государств, с которыми вели войну. В зависимости от расклада эти правительства или потом забывали как страшный сон, или превращали в правительство страны-сателлита.

Первый случай — Терийокское правительство, созданное 1 декабря 1939 года. «Народное правительство» создали в поселке Терийоки (ныне Зеленогорск), к северу от Петербурга. «Правительство» «возглавил» старший член Коминтерна, большевик Отто Куусинен. После поражения СССР в Зимней войне о правительстве просто забыли.

Второй случай: 21 июля 1944 года в Хелме польскими коммунистами и их союзниками был создан Польский комитет национального освобождения — времен-

ное просоветское правительство Польши. У Польши имелось законное правительство — Польское правительство в изгнании.

Тем не менее в советизации Польши именно «Хелмское правительство» сыграло большую и зловещую роль и сделалось основой будущего правительства Польской «Народной» Республики.

Итак, возникает правительство Русской национал-социалистической республики.

Листовки над позициями Красной Армии. Листовки можно собирать, не давать их читать, расстреливать за хранение. Но по ночам возле расположения частей Красной Армии на хорошем русском языке кричат то же самое: «Вы умираете за Интернационал! Вы — орудия в руках комиссаров!»

Даже в официальных писаниях типа творения Жукова «Воспоминания и размышления» есть упоминания о том, что перед войной приказы наркома обороны С.К. Тимошенко из Москвы саботировались в ряде военных округов. Особенно открыто этот саботаж произошел в Белоруссии, в ЗапОВО, где командовал генерал армии Д. Павлов.

Уже в июле 1941 года вся верхушка Западного фронта, включая командующего фронтом Павлова, расстреляна за «трусость, безынициативность и паникерство, создавшие возможность прорыва фронта противником»¹.

Спасся только замначальника фронта Болдин: когда расстреливали начальника и сослуживцев, он был в окружении. А вышел уже в августе 1941-го. К тому времени кадровая армия практически полностью погибла, и уцелевших не расстреливали. Болдина повысили в звании, дали под командование 50-ю армию. Он пережил войну и даже написал мемуары. О том, как «войска вы-

¹ Материалы следствия и суда над генералом Д.Г. Павловым // Неизвестная Россия. Сборник документов. Кн. 2. М., 1992.

нуждены были отступить и разрозненными группами разбрелись по лесам»¹.

В нашей виртуальности Павлова расстреливать не за что, он честно завоевывает Европу. Но он что, больше хочет воевать, чем тот же самый Павлов в реальности?

15 сентября над бруствером окопа показывается белая тряпка. Молчание. Между линиями окопов движутся парламентарии Красной Армии. Генерал Павлов со своим штабом переходит на сторону нацистов. И он ли один? В реальности генералов-коллорабационистов было 23, а сдавшихся в плен солдат и офицеров — 5,7 млн. Этого уже более чем достаточно для создания Русской освободительной армии. В нашей реальности РОА создали только в 1944 году. В данной виртуальности ее создают в сентябре 1941-го. Громадная РОА не только раскалывает фронт, заставляет откатываться назад верные Сталину части. Она создаст двусмысленную ситуацию: в России оказываются две армии, два правительства.

Разумеется, англосаксы не будут поддерживать национал-социалистическую Республику Россия. А — Республику Россия? Если дипломаты этой Республики 1 октября 1941 года приедут в Лондон? Тут открываются совершенно удивительные возможности...

ВИРТУАЛЬНОСТЬ ОТСТУПЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Когда окончательно остановится нашествие на Европу 120 языков? Где? Произойдет ли это под Краковом, 1 октября 1941-го, через два месяца войны? Под Варшавой, на третий месяц войны, 1 ноября 1941 года? Или Красная Армия встанет и не сможет двигаться дальше только на залитом человеческой кровью, заваленном обрывками живых и мертвых берегу Дуная 15 октября? Дойдет ли Красная Армия до Бреслау и встанет только на его окраинах 15 декабря 1941 года?

В любом случае неизбежен момент, когда она вста-

¹ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961.

нет. Кто-то еще будет рваться вперед, насиловать танковые двигатели, упорно идти, бежать, ползти, перебежать навстречу лилово-дымным вспышкам выстрелов, наводить артиллерийские стволы на еще не вспыхнувшие домики польских крестьян. Но армия — встала. Потеряв миллионы солдат, окончательно утратив понимание смысла своих действий, Красная Армия встанет, и больше не сможет.

Как нацисты не смогли под Сталинградом, так коммунисты не смогут под Варшавой. Под Сталинградом Красная Армия накормила Вермахт его же кашей: взяла 22 дивизии в «котел»: как нацисты не раз и не два брали в «котлы» советские армии.

В виртуальности 15 октября под Варшавой замкнулось кольцо. Морозов нет, хотя для одетых в летнее солдат уже прохладно. Но главное — в «котле» очень голодно. И безнадежно. Воевать и раньше не хотелось, теперь расхотелось окончательно. К 20 октября окруженные солдаты, перебив комиссаров и не желающих сдаваться офицеров, толпами бегут к окопам нацистов, подняв руки. Их прогонят по улицам Берлина, демонстрируя всему миру.

С 16 октября Красная Армия покатится назад на юге и в центре. Только под Данцигом она зацепилась и стоит. С этого дня вопрос только в том, когда именно откатывающийся на восток фронт дойдет до Москвы. И когда финны двинутся на Петербург.

ПРОБЛЕМА ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ

Проблема зимней кампании? Да, в реальности правительство Третьего рейха не велело готовиться к зимней кампании. Потом генералы рейха в своих мемуарах будут описывать ужасный «генерал Мороз», который их и победил. Конечно, победил, если никто не готовился с ним воевать. Если не заготовлена ни зимняя смазка, ни зимнее обмундирование, ни теплые обувь и белье. Если официально сказано, что блицкриг должен закончиться к сентябрю.

В нашей виртуальности Гитлер и его окружение умны и проницательны. К зимней кампании они готовы.

Среди сказочек про Европу в России очень полюбились и такую: что европейцы очень боятся морозов. В действительности из-за повышенной влажности в Европе даже «слабые», по понятиям России, морозы переносятся намного тяжелее. Чем суше, тем переносимость морозов выше. Минус 5 в Берлине переживается как минус 25 в Москве и минус 35 в Новосибирске.

По крайней мере, для жителей Северной Европы «русские морозы» до 25—30 градусов вполне комфортны. В той же степени, что минус 5—10 на родине.

НЕИЗБЕЖНЫЙ РАЗГРОМ

Нашествие врагов на СССР осенью 1941-го или весной 1942-го в виртуальности намного страшнее того, что было в реальности:

— на СССР идет армия, намного более грозная, чем была в реальности 1941-го.

— это действительно «сборная Европы»: в реальности, а не в воспаленном воображении «патриотов» из официозной тусовки;

— война легко становится гражданской для народов СССР, в том числе и для русского народа.

Если рухнет фронт, раскинувшийся от Балтики до Дуная, дальнейшее может пойти темпами Гражданской: то есть скорость движения Вермахта может стать 30—40 км в сутки. Даже больше, если ехать по железным дорогам, выбрасывая в населенных пунктах воинские команды.

Когда Вермахт и его союзники войдут в Москву? Произойдет ли это 9 ноября 1941-го? Или 1 мая 1942-го? Честно говоря, не вижу принципиальной разницы.

Если нацисты совсем умные и создали Русскую республику и Русскую Освободительную Армию, штурм Москвы и не нужно. При приближении Вермахта к Мо-

скве новая Красная Армия, сформированная на Урале и в Сибири, сделает то же самое, что сделала ее предшественница в июне—сентябре 1941-го: частью разбежится, частью сдастся в плен.

ПОРАЖЕНИЕ СССР... НАДОЛГО ЛИ?

Тут тоже вопрос умного и глупого оккупанта. Но рассматривать разные перспективы оккупации я не вижу особой необходимости. Это тема особой статьи.

Скажу коротко: БЕЗ русского национального государства оккупация длится ровно столько, сколько времени нужно для начала крупномасштабной народной войны.

Если СУЩЕСТВУЕТ Русское национальное государство, Русская республика — тогда результаты войны могут стать окончательными. Через какое-то время оккупанты могут выводить войска, Россия навсегда перестала быть очагом Мировой революции.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: САМЫЙ ХОРОШИЙ РАСКЛАД

Но рассмотрим противоположный вариант!

В этом варианте все очень удачно для Сталина: Гитлер особенно глуп, европейцы особенно трусливы, Коминтерн, на удивление, эффективен, местные коммунисты храбры, англичане и американцы исключительно недальновидны.

1) Гитлер ничего не дает союзникам, настаивает на святости и незыблемости расовой теории. Он не дает им ни оружия, ни полномочий, ни снаряжения для ведения самостоятельной политики. То есть фактически мешает украинцам и полякам воевать с СССР, потому что они расово нечисты.

2) Европейцы раскалываются внутри самих себя, у них идет гражданская война.

В Польше, Венгрии, Чехии, Франции, странах Северной Европы коммунисты выходят на поверхность с первыми залпами нашествия. В результате:

— в странах, где идут военные действия, Красная Армия получает мощного и активного союзника, многочисленную местную агентуру;

— правительства стран, отделенных от театра военных действий территорией Третьего рейха, парализованы этими внутренними беспорядками и не могут активно помогать Третьему рейху, даже если этого хотят.

Исключения — Испания, где коммунистов и анархистов в 1939 году подавили прочно и надолго. И Италия, где социальную программу коммунистов благополучно осуществляет Муссолини.

3) Европейцы не хотят и боятся воевать на стороне Гитлера.

Для Дании, Нидерландов, Франции, Бельгии, Чехии наступает момент ослабления завоевавшего их врага. Они стараются не поддерживать Гитлера, тормозят поставки в Вермахт, не посылают своих частей или нарушают сроки выступления, препятствуют вербовке добровольцев.

Союзники Третьего рейха, Италия и Испания, не уверены в его победе. Они выжидают. По мере продвижения Красной Армии они все больше убеждаются в правильности своей политики.

4) Англичане и американцы нейтральны.

Не будем даже рассматривать вариант англо-американской помощи СССР. Англосаксы нейтральны. Они выжидают, глядя, как СССР громит вчерашнего союзника.

Широко известно выступление в Сенате сенатора-демократа Гарри Трумэна (с 1944 года вице-президент США, с апреля 1945-го по январь 1953-го — президент США): **«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях»**¹.

Допустим, англосаксы поступают не так, как запове-

¹ New York Times. 24.06.41.

дал им великий Трумэн. Они не помогают проигрывающему Гитлеру. Выжидают. Наиболее вероятно, что они открывают Второй фронт в последний момент.

Тогда к зиме или, максимум, к весне 1942 года Красная Армия оккупирует и Восточную Европу, и Третий рейх. Берлин переименовывают в Сталинград. Гитлеру и его окружению частью удастся бежать в Южную Америку, часть высших гитлеровских бонз погибает.

Возможен и переход на сторону красных части руководства Третьего рейха. Ведь в 1945—1953 годах Бухенвальд продолжал работать, и многие труженики Третьего рейха из его охраны продолжали трудиться на прежних местах. В штатах в ГДР было немало людей, потрудившихся в СС и в гестапо.

Итак, 15 октября 1941 года возникает Польская Народная Республика. Ее армия воюет с нацистами. В Румынии, Венгрии, Болгарии, Словакии, Чехии — такие же «народные» правительства.

15 декабря 1941 года или 1 мая 1942-го Берлин капитулировал. Немецкие коммунисты и примкнувшие к ним вспоминают революции 1918—1919 и 1923 годов и «Рот Фронт». Отощавший, но живой Эрнст Тельман сажает в Майданек тех, кто его только что там держал. Геббельс истерически кричит по радио о пропасти, в которую завел высшую расу... то есть в смысле пролетариев Германии, проклятый режим Гитлера—Бормана.

Можно переименовать Берлин в Сталинштадт, Мюнхен — в Жуковхайм, Гамбург — в Ленингретц, а Дрезден — в Марксдорф. Полная коммунистическая идиллия.

Но даже и это ведь вовсе не означает завоевания не то что мира... Не означает даже завоевания Европы.

Возникает советская империя в расширенных масштабах, в которую входит вся или почти вся Германия. Не в 1945-м, а в 1942-м. И это все.

Остальная Европа не завоевана. К западу от Хорватии и к югу от Германии лежат Франция, Италия и Испания. Их тоже предстоит завоевать.

Тут два варианта, прямо зависящие от того, что и как

будут делать англосаксы. Если они нейтральны, то СССР предстоит новая страшная война. Представим себе эту войну как прямое продолжение войны с Третьим рейхом. Итак, весной 1942 года части Красной Армии и армии новых государств Восточной Европы, в том числе Красной Армии Германии, форсируют Рейн, начинают наступление в Арденнах. Одновременно другие части Красной Армии идут в Северную Италию. Новая затяжная война.

Допустим, осенью 1942 года передовые части Красной Армии, наступая в Португалии, увидели перед собой валы Атлантического океана. Другие еще летом маялись животами, поедая апельсины и виноград Южной Италии.

Но это ведь вовсе не завоевание мира. Это даже не завоевание Европы, потому что есть еще Скандинавия, и есть еще Британия, по-прежнему неуязвимая на своих островах.

Это вариант первый, если англосаксы не вмешаются. Как сидели в стороне, так и сидят.

Второй вариант — англосаксы приходят в движение ДО того, как СССР все завоюет.

АНГЛОСАКСЫ В РОЛИ НЕСОЮЗНИКОВ

Есть историческая легенда, согласно которой Гарри Трумэн объяснил своему сыну: народы Европы — это игроки на поле войны. А мы — запасные игроки, мы пойдем на поле, когда остальные устанут. Цинично? Да вроде бы Сталин тоже что-то такое говорил...

Вопрос в том, когда именно и в какой форме англосаксы сыграют свою историческую роль.

Вариант первый: они открывают Второй фронт ДО разгрома Третьего рейха. Допустим, они опоздали делить побежденную Германию. 9 ноября 1941 или 1 мая 1942 года на Рейне встречаются британско-американские и советские солдаты. Но встречаются не как в нашей реальности: не как соратники! Через Рейн пере-

смаатриваются, хорошо, если не перестреливаются, не-союзники... Хорошо, если пока не враги.

В этом случае не очень понятно, состоится ли новый виток Второй мировой войны: завоевание Западной и Южной Европы. Потому что воевать еще и с англосаксами СССР явно не готов. В принципе. Эту деталь как-то не рассматривают наши бравые «патриоты», а зря...

В этом варианте завоевание ВСЕЙ Европы не состоится. СССР может, если ему охота, пополниться Греческой ССР, Польской ССР, Венгерской ССР, Словацкой ССР, Чешской ССР и прочим ССР. Он может расчленить Германию и украсить себя Верхненемецкой ССР, Рейнской ССР, Баварской ССР, Саксонской ССР, Пфальцской ССР.

Что изменится, если англосаксы вмешаются позже? В смысле — если они вообще не будут мешать Сталину завоевывать Европу? Тогда, во-первых, умрет на несколько миллионов человек больше. Во-вторых, тогда СССР пополнится еще Каталонской ССР, Сицилийской ССР, Пикардийской ССР и Бретонской ССР. Допустим, в составе СССР будет не 30, а 50 «советских социалистических республик». Допустим, границы СССР будут простирались от Тихого океана до Атлантики... И что?

ДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС

Деликатный вопрос, который никогда не задают наши горе-«патриоты»: вопрос о том, почему СССР так скромно вел себя после Второй мировой войны. Осмелюсь напомнить: потому что только у США было атомное оружие. Примеров несколько... Приведу только один. Сталин пытался оттяпать у Ирана весь Азербайджан. Даже не завоевать Иран, а поскромнее — отторгнуть у Ирана примерно треть территории и населения. Никакие уговоры не действовали, разумеется.

Остановить Советский Союз могли только США, обладавшие в то время монополией на атомное оружие. В марте 1946 г., когда азербайджанский кризис достиг высшего накала, президент Трумэн грозился приме-

нить против СССР атомное оружие, если Сталин не выведет оккупационные войска. И это подействовало: вывел.

В нашей реальности удалось украсть атомный секрет руками супругов Розенберг. Последняя акция незабвенных коминтерновских времен удалась потому, что у части американских евреев еще существовало сентиментальное отношение к СССР как бывшей Родине и как к победителю страшного врага еврейства — Гитлера.

В нашей виртуальности агрессор — СССР, нет у него славы спасителя. И маловероятно, что похищение атомного секрета состоится.

В нашей реальности англосаксы позволили создать советскую империю... но строго определенного размера. В нашей реальности они сочли нужным не пустить дорогого союзника Сталина на большую часть территории Германии и тем более в Западную Европу. А если бы даже и пустили?

Разумеется, карта мира выглядела бы иначе... На этой карте мира была бы громадная Советская империя, но тоже строго определенного размера. Этот размер был бы гласно или негласно, но оговорен, и Сталин соблюдал бы эти договоренности, никуда бы он не делся.

Завоевывать Британскую империю и ее сателлитов никто бы ему не позволил.

ПОСЛЕДСТВИЯ «ХОРОШЕЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ» ДЛЯ СССР И США

...На самом деле они для СССР только скверные. Вся историю СССР разные страны Европы и США были для него источником высоких технологий. СССР мог играть на противоречиях противников. Если Европа превратилась в часть СССР, с ней происходит то же самое, что произошло с самой Россией, а потом со странами «народной демократии»: она перестает быть источником высоких технологий. В реальности США очень выиграли на том, что в конце 1940-х Европа ле-

жала в руинах. В нашей виртуальности для США все еще лучше. Они превращаются в ЕДИНСТВЕННЫЙ на Земле центр сложного промышленного производства.

А СССР вынужден иметь дело с США как единственным владыкой Земли, монополистом на атомное оружие, единственным покупателем добытого в СССР сырья. И притом его «пятая колонна» в самих США намного слабее, чем в реальности.

Для Британии завоевание континента — тоже совсем не плохо: если на месте Франции возникло несколько «советских республик», ее колонии легко «прихватизируют» британцы. Надолго ли? Пусть разбираются сами.

СТАЛИН В РОЛИ ГИТЛЕРА

Рассуждая о перспективах «Земшарной республики советов», наши теоретики и аналитикоманы проявляют, во-первых, сказочное невежество. Они просто не представляют, как громаден и сложен мир.

Во-вторых, они оказываются не способны на самое элементарное действие, вроде бы обязательное для аналитика. Они не просчитывают события дальше одного первого хода. Впрочем, это у них общее со Сталиным.

У нас до сих пор полагается считать Сталина «великим государственным деятелем» и чуть ли не гением. Вот и Суворов считает... Хотя сам же пишет, как просчитался Сталин, как он ошибся во всех расчетах.

Действительно: готовился создать нечто Земшарное, даже Дворец Советов собирался построить в 100 этажей. Для этого делил мир с Гитлером, но не получал того, на что рассчитывал. «Ледокол революции» не сумел выполнить своей «исторической миссии» и даже напал на самого Сталина.

Он снова стал делить мир, уже с правителями «загнивающих буржуазных лжедемократий», и тем же самым способом — с помощью тайного сговора.

Но что самое интересное — дважды находя союзников, дважды начиная делить с ними мир, в обоих случаях Сталин обманулся в своих планах и прогнозах. Вели-

кий государственный деятель? Но он каждый раз ухитрялся совершить невероятные усилия и получить за них неоправданно мало. В том числе, похоже, и потому, что он совершенно не понимал психологии своих союзников, не видел, что для них действительно приоритетно, за что они готовы сражаться не на шутку.

В нашей реальности Сталин не сумел даже в Европе сыграть роль «запасного игрока», который пришел на поле боя последним. Гитлер в последний момент его опередил. Но и в нашей реальности не Сталин, а англосаксы вышли на поле последними. У них получилось! Англосаксы сыграли со Сталиным в ту же игру, в которую он играл с Гитлером.

Сталин и Гитлер на пару оказались «ледоколами гегемонии США». Разнесли Европу вдребезги, а тут и пришли «доблестные союзники» и все прибрали к рукам.

В «хорошей» виртуальности изменяется только одно: Сталин становится единственным «ледоколом господства США». Он играет ту же роль в истории, которую сам уготовил Гитлеру.

Причем по многим параметрам послевоенная империя Сталина заметно ХУЖЕ той, которая возникла в реальности.

ПЕРСПЕКТИВА СССР ОТ ОКЕАНА ДО ОКЕАНА

Судите сами...

Во-первых, на завоевании этого «СССР от Тихого до Атлантического» русский народ и другие народы «первого СССР» надорвутся еще больше, чем надорвались в нашей реальности.

Во-вторых, в завоеванной Европе сразу же возникает множество очагов сопротивления: Литва, Польша, Западная Украина, Венгрия, Югославия, Греция... А уж что делается в Испании с ее традицией Герильи, мне просто трудно себе представить.

Империя никогда не будет замирена. Она никогда не

будет мирной и спокойной. И сколько крови прольется, можно только гадать.

В-третьих, советское господство означает развал как раз тех сложных отраслей хозяйства, которые и сделали Европу хозяйкой мира. Нет ввоза продовольствия и сырья из колоний? Значит, идет упрощение инфраструктуры, растет процент населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве.

В-четвертых, полная зависимость от США, о которой уже говорилось.

В общем, жуткая перспектива.

Рассуждать можно еще много, но это уже другая тема.

Нападение СССР на Третий рейх чревато намного худшими последствиями, даже в случае быстрой победы над рейхом. В реальности состоялся явно лучший вариант истории.

**«ПРЕВЕНТИВНЫЙ»
УДАР КРАСНОЙ
АРМИИ ЛЕТОМ
1941 ГОДА**

История не признает сослагательных наклонений и фраза типа «что было бы, если бы...» не имеет ничего общего с исторической наукой. Также говорят, что спустя десятилетия легко критиковать и видеть чужие ошибки. В то же время конкретные научные знания дают нам право рассуждать, анализировать, прогнозировать.

Уже многие годы актуальным является вопрос, готовил ли Советский Союз нападение на Германию в 1941 году? Советские авторы данный вопрос даже не рассматривали. В постсоветский период мнения разделились. Суворов (Резун) на этот вопрос дает положительный ответ. Другие авторы уклоняются от прямого ответа. Крупный исследователь начального периода войны на Западном стратегическом направлении ведущий сотрудник Института военной истории Вооруженных Сил России В.В. Абатуров пишет, что в «Стратегической разработке оперативного отдела верховного командования вермахта по подготовке и ведению кампании против СССР» от 15 сентября 1940 года немецким военно-политическим руководством прогнозировалось три варианта возможных действий Красной Армии в начале войны. В числе первых рассматривался вариант нанесения Советским Союзом упреждающего удара по развертывающимся немецким войскам. Но, по мнению разработчиков плана, этот вариант отпал из-за неспособности командования и войск Красной Армии нанести мощный удар по Восточной Пруссии и Северной Польше. (Абатуров В. В. На Западном направлении. М., 2007. С. 30).

Но в какой мере планировала советская сторона первой нападать на Германию, ни у кого полностью аргументированного ответа нет. Поэтому и я не буду категоричным при ответе на этот вопрос, но хочу предложить читателю некоторые документы, оперативные выкладки и собственные рассуждения, сделанные на этой основе. После этого каждый сможет принять к сведению понравившиеся ему факты и сделать собственные выводы.

В 1995 году под эгидой Федеральной службы контрразведки Российской Федерации Академией Федеральной службы контрразведки был издан многотомный труд «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», представленный как сборник документов. В первом томе этого труда, предлагающем документы периода ноябрь 1938 — декабрь 1940 года содержится (документ № 94) докладная записка 1-го управления ГУПВ НКВД СССР № 19/47112 в НКВ СССР «О подготовке Германии к войне СССР» от 28 июня 1940 года. В последующие месяцы такая информация периодически поступала из различных источников и тут же докладывалась советскому военно-политическому руководству.

12 января 1941 года в разведывательной сводке № 2 управления пограничных войск НКВД УССР сообщалось, что 9 декабря район города Санок посетил главнокомандующий германской сухопутной армией генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич, который произвел смотр войск и укреплений в данном районе. В этой же сводке сообщалось о прибытии в приграничную полосу новых германских частей, строительстве там казарм для личного состава, бетонированных огневых точек, погрузочно-разгрузочных площадок на железной дороге и аэродромов. (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 5—7.)

Вслед за этим отмечаются частые случаи нарушения германской стороной государственной границы СССР. Так, начальник пограничных войск НКВД БССР 24 ян-

варя 1941 года в своем докладе также сообщает о развертывании в Варшаве штаба армии, а на территории пограничных уездов — штаба армейского корпуса, восьми штабов пехотных и одной кавалерийской дивизий, 28 пехотных, семи артиллерийских, трех кавалерийских и одного танкового полков, двух авиационных школ.

Ниже сообщалось: «С момента заключения Конвенции по 1 января 1941 года всего на границе с Германией возникло 187 различных конфликтов и инцидентов... За отчетный период зафиксировано 87 случаев нарушения границы германскими самолетами... Три немецких самолета после перелета через границу были приземлены... которые впоследствии были выпущены в Германию.

Один немецкий самолет 17 марта 1940 года на участке 10-й заставы Августовского пограничного отряда в результате применения оружия был сбит». (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 20—21).

Следовательно, об агрессивных планах Германии против СССР в Наркомате обороны СССР и Генеральном штабе РККА знали и должны были реагировать на них соответствующим образом, то есть готовиться либо к обороне, либо к нанесению по противнику упреждающего удара.

Для подведения итогов 1940 года в конце декабря в Москве состоялось совещание высшего командного и политического состава РККА. На нем присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники центральных управлений, командующий, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых корпусов, дивизий — всего более 270 человек.

Главным докладчиком по теме «Характер современной наступательной операции» выступил командующий войсками Киевского Особого военного округа Г.К. Жуков. В начале своего доклада Г.К. Жуков под-

черкнул значение наступления как вида военных действий войск и указал на факторы, от которых зависит его успех. Он ратовал за проведение наступления с решительными целями и неудачи испанского руководства в гражданской войне объяснял именно с причин его неумения вести наступление.

Затем он остановился на характере боевых действий в военном конфликте на реке Халхин-Гол. Он заявил: «Генеральная наступательная операция... является современной операцией, достаточно поучительной как с точки зрения ее организации, материального обеспечения, так и с проведения». Затем он достаточно глубоко и всесторонне описал эту операцию.

Уделяя большое внимание вопросу достижения внезапности, Г.К. Жуков отметил, что усилия советского командования «сводились к тому, чтобы создать у противника впечатление, что мы не готовимся наступать, а готовимся обороняться».

Говоря о наступательных операциях советско-финляндской войны, он отметил, что первые из них были сорваны по причине «совершенно неудовлетворительной подготовки».

Затем Георгий Константинович перешел к наступательным операциям начавшейся Второй мировой войны. Он раскритиковал поляков за их неумение вести не только наступательные, но и оборонительные операции и отметил высокое военное искусство германского командования. «Кто играл главную роль в проведении этой стратегической операции? — спрашивал Георгий Константинович и сам же отвечал: — Главную роль, как видите, играет авиация и мотобронетанковые соединения, которые своими глубокими и стремительными ударами терроризовали, по существу, всю польскую армию, управление и всю страну».

Далее он указал, что проведению наступательной операции германскими войсками «предшествовала заблаговременная выработка мощной сети шпионской агентуры и диверсионных групп». Он подчеркивал умение немцев добиваться непрерывности операций.

Охарактеризовав таким образом уже имевшие место наступательные операции, Георгий Константинович перешел к главному вопросу — выработке взглядов на проведение такой операции в будущем. Он отметил, что фронт должен наступать в полосе 400—450 километров на глубину до 200—300 километров с темпом 25—30 километров в сутки. Указал на возрастание роли нанесения главного удара на узком участке фронта и маневра во фланг и тыл обороняющимся войскам. (Русский архив. Т. 12(1). С. 129—151.)

В прениях по докладу Г.К. Жукова выступил начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант П.С. Кленов. Он подверг критике книгу Иссерсона «Новые формы борьбы», в которой автор утверждал, что начального периода современной войны, основываясь на агрессии Германии против Польши, не будет, что война начнется с вторжения уже развернутой группировки. «Я считаю такой вывод преждевременным, — резюмировал П.С. Кленов. — Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск». (Русский архив. Т. 12(1). С. 153.)

Затем в развитие доклада Г.К. Жукова выступили командир 1-го механизированного корпуса Ленинградского военного округа генерал-лейтенант П.Л. Романенко, командующий войсками Дальневосточного фронта генерал-полковник Г.М. Штерн, заместитель начальника Генерального штаба РККА — начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, начальник штаба Дальневосточного фронта генерал-майор М.А. Кузнецов, командующий войсками Орловского военного округа генерал-лейтенант Ф.Н. Ремизов, начальник Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенант П.В. Рычагов, начальник Главного управления противовоздушной обороны РККА генерал-лейтенант Д.Т. Козлов и многие другие.

Вскоре после этого доклада состоялась известная

оперативно-стратегическая игра на картах, в ходе которой Г.К. Жуков переиграл генерала Д.Г. Павлова, а еще спустя несколько дней Георгий Константинович был назначен на должность начальника Генерального штаба вместо осторожного и рассудительного генерала К.А. Мерцкова. Об истинных причинах этого назначения только можно догадываться, но то, что Г.К. Жуков в то время считался крупным специалистом в области наступления, сомневаться не приходится. Правда, о своей работе в этом направлении в последние предвоенные месяцы в своих мемуарах он ничего не пишет.

Тем не менее историкам хорошо известен такой документ, как «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» от 15 мая 1941 года. В нем, в частности, говорится: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии — поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест — Демблин, и выход к 30-му дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разбить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении выйти на рубеж р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезать Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении на Варшаву, Демблин с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки.

Данный документ был опубликован в Военно-историческом журнале № 2 за 1992 год. При этом его автор, крупный военный историк В.Н. Киселев, указывает, что документ написан от руки А.М. Василевским, но не подписан ни Г.К. Жуковым, ни С.К. Тимошенко и, тем более, не утвержден И.В. Сталиным. Любой здравомыслящий человек понимает, что без этих подписей он не имел никакой силы и может рассматриваться только как предложения по одному из вариантов действий.

В то же время необходимо учитывать, что к концу мая 1941 года в каждом западном округе были разработаны планы обороны на период от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, которые впервые были опубликованы в Военно-историческом журнале № 2,3,4 и 6 в 1996 году. В этих планах ставились задачи по прикрытию государственной границы каждой армии и каждому соединению резерва, определялись задачи военно-воздушным силам округа, рассматривались вопросы оперативного оборудования театра военных действий, организации тыла, вопросы управления и многое другое. На основании окружных планов были разработаны армейские, в которых определялись задачи и порядок действий войск вплоть до стрелкового батальона. Разработка и наличие этих оперативных документов лучше всего подтверждают истинные намерения Советского руководства на 1941 год.

Полной противоположностью советской стороне в первой половине 1941 года была работа высшего руководства Вооруженных сил Германии. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки Военный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Герма-

нии генерал-полковника Ф. Гальдера. С чисто немецкой пунктуальностью он описывает работу при подготовке к агрессии не только генерального штаба, но и всех подчиненных ему структур. (*Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2, 3. М., 1971.*)

В то же время наличие «Соображений» от 15 мая 1941 года многим позволяет рассуждать о том, что было бы, если бы Советский Союз первым нанес удар по войскам Вермахта, сосредоточенным у его границ, и перешел в решительное наступление на избранных направлениях.

В то время советской военной теорией была разработана и отработана на практике в ходе учений глубокая наступательная операция. Согласно этой теории армия, имея в своем составе два стрелковых, один механизированный корпуса и одну-две авиационных дивизии, была в состоянии, наступая в полосе 50—80 километров, прорвать подготовленную оборону противника на участке 20—30 километров стрелковыми соединениями и, введя в бой механизированный корпус (две танковых и одна механизированная дивизия, всего по штату 1031 танк), могла за 7—10 суток продвинуться на глубину до 100 километров. (*Война и военное дело. М., 1933. С. 554—556; Варфоломеев Н. Ударная армия. — М., 1932. С. 176—185.*)

Для наращивания усилий в распоряжении командующего фронтом было еще несколько механизированных корпусов и стрелковых дивизий.

Теперь перейдем от теории к фактам. К июню 1941 года конфигурация советско-германской границы создавала два выступа в западном направлении, один — в районе Белостока (Западный Особый военный округ), второй — в районе Львова (Киевский Особый военный округ). В Белостокском выступе находились 3-я и 10-я армии, в Львовском — 6-я и 26-я армии. В составе 3-й и 10-й армий было 7 стрелковых, 2 кавалерийские, 6 танковых, 2 моторизованных дивизии, в составе которых насчитывалось более 170 тыс. личного состава, почти 1000 танков, свыше 2 тыс. орудий и минометов, около

300 самолетов. В составе 6-й и 26-й армий имелось шесть стрелковых, 1 кавалерийская, 4 танковых, две механизированных дивизии, в составе которых насчитывалось более 200 тыс. личного состава, 2232 танка, около 2500 орудий и минометов, свыше 500 самолетов.

Также нужно учитывать, что между белостокской и львовской группировками находились 4-я и 5-я армии достаточно мощного состава. В составе 4-й армии находился 14-й механизированный корпус, а в составе 5-й армии — 22-й механизированный корпус, танковые соединения которых при необходимости можно было быстро перебросить в полосы наступления ударных армий. Кроме того, в резерве у командующего Западным Особым военным округом еще имелись 7-й, 13-й, 17-й, 20-й, 23-й и 25-й механизированные корпуса, а у командующего Киевским Особым военным округом — 9-й, 15-й, 16-й, 19-й и 24-й механизированные корпуса. С учетом этих сил и средств в Западном Особом военном округе было 2900 танков, 14 249 орудий и минометов, 1785 боевых самолетов. В Киевском Особом военном округе — 5465 танков, 14 756 орудий и минометов, 2059 боевых самолетов.

В военном деле принято подсчитывать плотности сил и средств во всей полосе наступления и на направлении главного удара. Если предположить, что в случае начала войны со стороны СССР каждая ударная армия будет наступать в полосе 80 километров, то плотности сил и средств в полосе 3-й и 10-й армий Западного Особого военного округа, с учетом использования фронтовых резервов, могли составить менее 20 километров на стрелковую (кавалерийскую) дивизию, и на каждый километр фронта наступления до 14 танков, до 100 орудий и минометов, до 13 боевых самолетов. В полосе действий ударной группы Киевского Особого военного округа стрелковая (кавалерийская) дивизия могла наступать на фронте до 15 километров, а на каждом километре могли действовать до 34 танков, около 95 орудий и минометов, 13 боевых самолетов. Но в связи с требованием решительного массирования сил и средств на на-

правлении главных ударов, эти плотности могли быть значительно выше.

Теперь оценим противника. Против Белостокского выступления располагались войска 9-й полевой армии и 3-й танковой группы из состава группы армий «Центр». Против Львовского выступления находились 17-я полевая армия и 1-я танковая группа из состава группы армий «Юг». Полевые армии состояли исключительно из пехотных дивизий, в составе которых не было ни одного танка, но имелось 212 орудий и минометов, 75 противотанковых пушек и 96 противотанковых ружей. 3-я танковая группа (командующий генерал Г. Гот) состояла из четырех танковых и трех механизированных дивизий. 1-я танковая группа (командующий генерал Э. Клейст) состояла из пяти танковых и трех механизированных дивизий. В 1941 году танковая дивизия Вермахта состояла из двух моторизованных, артиллерийского и одного танкового полка. В этом полку насчитывалось 209 танков. В моторизованной дивизии также ни одного танка не было. Следовательно, против Белостокского выступления противник имел 827 танков, против Львовского — немногим более одной тысячи.

Несколько южнее Белостокского выступления находилась 2-я танковая группа (командующий генерал Г. Гудериан), в составе которой было пять танковых и четыре механизированных дивизии. Если предположить, что при необходимости эта группа могла быть выведена в резерв Главного командования и переброшена на направления главных ударов противника, то это еще 1045 танков. Таким образом, к началу операции соотношение в танках против Белостокского выступления, с учетом использования 2-й танковой группы в полном составе, могло быть 1:1,5 в пользу советских войск, против Львовского — 1:5,4 в пользу советских войск.

Теперь по авиации. В полосе группы армий «Центр» противник имел 1677 боевых самолетов, в том числе 530 истребителей и 980 бомбардировщиков. В составе войск Западного Особого военного округа имелось 1150 боевых самолетов, в том числе 408 бомбардировщиков.

В полосе группы армий «Юг» у немцев было 2010 самолетов, а войска Киевского Особого военного округа располагали примерно таким же количеством самолетов, из которых 466 были бомбардировщиками. Некоторое превосходство, казалось бы, на стороне противника. Но в случае достижения внезапности начала военных действий и неожиданного нанесения ударов по вражеским аэродромам это соотношение за короткое время может резко измениться. Достаточно вспомнить те многие сотни самолетов, которые потеряли советские войска на земле 22 июня 1941 года.

Рассмотрим вопрос инженерного оборудования театра военных действий немецкими войсками. Как известно, в отличие от Советского Союза, немецкое командование в 1941 году не тратило силы на возведение на своей территории укрепленных районов. Полевая оборона также практически не готовилась. Поэтому в случае перехода в наступление советские войска не должны были встретить упорного сопротивления непосредственно по рубежу государственной границы, а контрудары танковых дивизий Вермахта также не смогли бы существенно повлиять на общую оперативную обстановку.

Исходя из наличия сил и средств, характера обороны противника, можно спрогнозировать соотношение потерь сторон в операции. При наступлении на неподготовленную оборону советские войска тем не менее должны были понести вдвое больше потерь, чем обороняющиеся немецкие войска. При отражении неподготовленных заранее контрударов немецких танковых дивизий потери сторон могли быть примерно равными. Но уже с началом отхода немецких войск их потери должны были значительно превысить потери соединений Красной Армии, ведущих фронтальное преследование. При переходе к преследованию на параллельных маршрутах с учетом фланговых ударов потери обороняющейся стороны по отношению к наступающей могли составить 3:1. Но если учесть, что такое преследование нередко завершается окружением противника, то

можно вести разговор о полном разгроме противостоящей вражеской группировки при сравнительно небольших потерях среди наступавших войск.

Таким образом, в теоретическом плане реализация плана превентивного удара, предложенного Генеральным штабом РККА в середине мая 1941 года, была вполне возможной.

Но это только теория. На практике все могло быть иначе.

От утвержденного замысла стратегической наступательной операции до отдачи непосредственного боевого приказа войскам, как свидетельствует практика, требуется не менее полугода. Столько времени германскому командованию потребовалось для подготовки к реализации плана «Барбаросса» в 1941 году. Столько же времени потребовалось и советскому командованию на подготовку Маньчжурской стратегической наступательной операции в 1945 году. 15 мая 1941 года план нанесения превентивного удара, предложенный Генеральным штабом РККА, подписан и утвержден не был. Это значит, что не было контрольной точки отсчета начала его реализации и не было самой реализации, сопровождающейся лавиной директив, приказов и других боевых документов. По крайней мере, противнику, разгромившему штабы Юго-Западного фронта, нескольких армий, десятка корпусов и многих десятков дивизий, не удалось получить ни одного такого документа, а о его наличии Геббельс не стал бы молчать. Это говорит о том, что таких документов не было, и о том, что Советский Союз в 1941 году не готовился к нападению на Германию и не готовил стратегической наступательной операции.

Теперь даже вопреки фактам допустим, что такая операция готовилась, и поговорим о ее шансах на успех. Вопрос очень не простой и требует рассуждений параллельно по нескольким направлениям.

Во-первых, нельзя было скрыть от противника многомесячную подготовку столь масштабной операции. Уверен что, узнав об этом, германское командование

предприняло бы соответствующие ответные меры, прежде всего в плане создания глубокоэшелонированной обороны, хорошо развитой в инженерном отношении, насыщенной противотанковыми средствами. На легкий и быстрый прорыв такой обороны рассчитывать уже не приходилось.

Во-вторых, в германской армии были хорошо отработаны приемы оперативной и тактической маскировки. Накануне вторжения с этой целью на уровне Генерального штаба сухопутных войск Германии был разработан особый план. Это должно было резко снизить эффективность первых авиационных и артиллерийских ударов противника и сохранить свои войска для последующих действий.

В-третьих, Вермахт значительно превосходил РККА по количеству и качеству средств управления, что являлось одним из определяющих факторов, прежде всего, в наступлении, когда практически невозможно было полагаться на проводные линии связи. Фашисты широко и достаточно умело использовали радиосвязь в звене от генерального штаба до отдельного танкового экипажа. Советские войска же испытывали острый недостаток в радиостанциях, а командующие, командиры и штабы не были обучены работать с помощью этих средств управления. Существовала своеобразная радиобоязнь у одних, другие же грешили передачей боевых распоряжений и донесений открытым текстом. В первом случае управление войсками нарушалось до прокладки проводной линии связи, во втором передаваемая информация нередко становилась достоянием врага. Это в полной мере проявилось в июне 1941 года и неоднократно давало о себе знать и в последующем.

В-четвертых — человеческий фактор. Многие генералы Вермахта к июню 1941 года имели не только хорошее военное образование, большую практику управления войсками, но и опыт наступления, полученный во время польской кампании и на Западе в 1939—1940 годах. Например, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер

работал в этом высшем органе оперативного управления около 25 лет, все командующие группами армий, полевыми армиями и танковыми группами имели за спиной академическое образование и прослужили в этих должностях от 5 до 10 лет.

Состояние офицерского корпуса РККА было далеко не лучшим. Безусловно, сказались репрессии 1937—1938 годов. По неполным данным, в это время были репрессированы три Маршала Советского Союза, 14 командармов 1-го и 2-го ранга, 60 комкоров, 136 комдивов. Также нужно помнить, что в последние предвоенные годы резко возросла численность РККА: если в 1935 году в ее рядах насчитывалось 930 тыс. человек, то на 1 января 1941 года под ружьем уже стояло 4,2 млн человек. За счет массового призыва были развернуты новые объединения, соединения и части.

Для покрытия нехватки в командных кадрах высшего звена летом 1940 года по ходатайству наркома обороны С.К. Тимошенко были пересмотрены дела более трехсот репрессированных военачальников. В итоге почти 250 командиров было возвращено в строй. В их числе были К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов, А.И. Тодорский, А.В. Голубев и другие. К 1 января 1941 года на военную службу возвратилось более 12 тыс. командиров и политработников, в основном из числа тех, кто не был арестован в 1937—1938 годах, но находился под наблюдением НКВД. (*Португальский Р.М.* Командные кадры Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны. М., ВАФ, 1991. С. 6—10.)

В то же время нужно признать, что профессиональный уровень подготовки высшего начальствующего состава РККА был невысок. Нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков военное образование имели на уровне академических курсов. Командующий Западным Особым военным округом генерал армии Д.Г. Павлов на должность был назначен в июне 1940 года, имея за спиной опыт командования танковой бригадой. Командующий войсками

Киевского Особого военного округа генерал-полковник М.П. Кирпонос на должность был назначен в феврале 1941 года. До этого он с 1934 по 1939 год был начальником Казанского пехотного училища, во время советско-финляндской войны полгода покомандовал дивизией, в 1940 году два месяца прокомандовал стрелковым корпусом, после чего был назначен сразу командующим Ленинградским военным округом, а еще через полгода переводится командующим в самый крупный — Киевский Особый военный округ. Столь же стремительными были карьерные взлеты и большинства командующих армиями, очень многих командиров корпусов и дивизий. При этом надо отметить, что, получив высокие должности, они не имели опыта в подготовке и проведении фронтовых и армейских наступательных операций, наступательных боев стрелковых и, прежде всего, механизированных (танковых) соединений.

Не лучшим было состояние командных кадров и на уровне полков, батальонов и рот. Почти 70 процентов командно-начальствующего состава имели опыт работы в занимаемой должности от одного до шести месяцев. До 50 процентов командиров батальонов, почти 68 процентов командиров рот и взводов имели лишь шестимесячную подготовку на курсах. (ЦАМО. Ф. 4. Оп. 14, д. 2371, л. 37.)

Кроме относительно низкого профессионального уровня высшего командного состава РККА, отмечается значительный некомплект штатной численности. К середине мая 1940 года он составлял 35 процентов.

Крайне низкой была военная подготовка офицеров запаса. Из этой категории лиц, которые в случае войны должны были занять ответственные должности, только 0,2 процента имели высшее военное образование, 10 процентов закончили военные училища, а остальные почти 90 процентов — краткосрочные курсы офицеров запаса.

Если учесть все эти отрицательные моменты, то вызывает вполне обоснованное сомнение способность РККА в 1941 году подготовить и провести стратегическую наступательную операцию с целью разгрома про-

тивостоящей группировки немецких войск. Ведь такая операция кроме «революционного» порыва требует очень многого, чего в то время Красная Армия практически не имела. Это вовсе не значит, что высшие военачальники считали себя ущербными. Уверен, в случае получения соответствующего приказа С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, Д.Г. Павлов, М.П. Кирпонос, подчиненные им командармы, комкоры и комдивы повели бы свои войска в наступление. Другой вопрос — чем бы закончилось это наступление? Опыт советско-финляндской войны показал, что рассчитывать на легкую победу Красной Армии было очень трудно. Но что было бы на самом деле, сегодня сказать с полной уверенностью невозможно.

В настоящее время, благодаря развитию компьютерной техники, в военно-учебных заведениях различных стран практикуется моделирование результатов боевых действий по сумме различных показателей. Рассчитать же по такой модели исход стратегической наступательной операции очень сложно, а точнее, даже невозможно. Объективные показатели сливаются с субъективными настолько плотно, что расчеты не поддаются сухому математическому анализу. Если же к ним еще добавить фактор времени, то с такими прогнозами не справится ни одна, даже самая совершенная, электронно-счетная машина.

И еще один очень важный момент. Советское руководство, которое в начале 1941 года имело только «Договор о дружбе и границах с Германией» от 28 сентября 1939 года, но не имело подобных договоров ни с Польшей, ни с Великобританией, ни с Францией, ни с другими европейскими странами, ни с США, хорошо понимало, в какой международной изоляции окажется СССР в случае нанесения превентивного удара по немецким войскам, расположенным на территории Польши.

Когда осенью 1939 года войска Белорусского и Украинского фронтов вступили в Польшу, правительство и главное командование этой страны, оценивая реальные события, были вынуждены констатировать, что Польша

ша не находится в состоянии войны с Советским Союзом. Вместе с тем нужно помнить, что правительство этой страны эмигрировало не в СССР, а в Англию, с которой у Польши был соответствующий союзный договор. И если бы советские войска нанесли удар по германским войскам, находящимся на территории Польши, СССР автоматически был бы объявлен агрессором и оказался бы в состоянии войны с Польшей и Англией. При переходе советских войск в наступление на территорию оккупированной немцами Чехословакии СССР автоматически становился противником чехословацкого эмигрантского правительства и Франции.

И, наконец, не следует забывать о той позиции, которую в то время занимали правительства Англии и США, являвшиеся самыми активными сторонниками передела мира с целью получения новых источников сырья, дешевой рабочей силы и самых обширных рынков сбыта своей продукции. Для решения этих проблем требовалось, прежде всего, максимально ослабить Германию и Россию, которые в то время были самыми быстро развивающимися странами Европы. Затяжная война между этими странами была лучшим выходом в решении этой проблемы. Оставалось только найти достойный повод для начала такой войны. Нападение СССР на германские войска, расположенные на территории Польши, Венгрии, сразу же решило эту проблему. Более того, после объявления СССР агрессором США и другие страны развязывали себе руки в плане оказания поддержки и помощи пострадавшей стороне, а Англия и Франция получали возможность самого свободного политического маневра в последующем.

План изменения соотношения сил и обстановки в Европе в результате войны Германии против СССР полностью удался. Война практически разорила многие ведущие государства Европы.

Германия проиграла войну, войска стран антигитлеровской коалиции с огнем и мечом вошли на ее территорию, разоряя все на своем пути. Особенно пострадала восточная часть Германии, где немецкие войска оказы-

вали ожесточенное сопротивление Красной Армии и практически каждый город приходилось брать штурмом. Западная часть Германии, где наступали союзники, практически не была разрушена. Общие потери Германии убитыми и пропавшими без вести составили 9,4 млн человек. В ходе войны была истощена промышленность Германии, разрушено 25% жилого фонда, инфраструктура страны. 20% промышленных предприятий оказались непригодными к восстановлению. По мощностям производства Германия была отброшена на уровень 1936 года, а по некоторым отраслям и на более ранний период.

Союзные Германии Румыния и Венгрия также были достаточно сильно обожжены пламенем войны, потеряв соответственно 475 тыс. и 809 тыс. человек. При этом Румыния даже умудрилась накануне неизбежного поражения резко изменить свой статус и из побежденной страны завершить войну среди стран-победительниц.

Достаточно сильно пострадала Польша. Фашисты разрушили около 40% национального богатства этой страны, почти 65% промышленных предприятий. В годы войны погибло более 4 млн поляков.

Но больше всего пострадал Советский Союз, ставший основной ареной ожесточенных военных действий. В 1941 и 1942 годах германские войска с боями захватили значительную часть Советского Союза. При этом инфраструктура этой части разрушалась не только наступающими германскими, но и отходящими советскими войсками. В 1943 и 1944 годах советские войска с боями изгнали противника со своей территории. И снова инфраструктура на этой территории разрушалась наступающими советскими и отходящими германскими войсками. Если же учесть, что во время оккупации советской территории фашисты беспредельно грабили находившиеся там ценности, уничтожали и эксплуатировали мирное население, то без преувеличения можно сказать, что европейская часть от западной границы до Волги и Северного Кавказа в 1941—1944 годах претер-

пела не менее пяти опустошительных нашествий. Общие людские потери страны составили 26,6 миллиона человек. 25 миллионов человек остались без крова. Было разрушено 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, 6 млн зданий, 32 тысячи промышленных предприятий, 4100 железнодорожных станций, около 63 тысяч километров железнодорожных путей, 1870 железнодорожных мостов и других сооружений. (Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2005. С. 548—550.)

Затем последовали операции Красной Армии за пределами территории Советского Союза. Только безвозвратно (убитыми, умершими от ран и болезней) советские войска потеряли в Польше — 600,2 тыс. человек, в Чехословакии — 139,9 тыс. человек, в Венгрии — 140 тыс. человек, в Румынии — 69 тыс. человек, в Австрии — 26 тыс. человек, в Югославии — 8 тыс. человек, в Болгарии — 997 человек, в Норвегии — 3,4 тыс. человек, в самой Германии — 102 тыс. человек. Всего было безвозвратно потеряно более 1 млн человек, еще более 2 млн человек при освобождении территорий этих государств получили ранения и стали калеками. (Подсчитано на основании: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. 2001. С. 449.)

Что же произошло после завершения Второй мировой войны?

США, более пяти лет строившие на войне в Европе большой бизнес и утроившие за эти годы свое национальное богатство, в годы Второй мировой войны на различных театрах военных действий потеряли 405 тыс. человек. Потери войск Великобритании составили 375 тыс. человек, Франции — 600 тыс. человек. При этом инфраструктура США совершенно не была разрушенной, разрушения на территории Великобритании и Франции были незначительными. Под контроль эти страны получили малоразрушенную западную часть Германии и средства, которые начали вкладывать в развитие собственной экономики и повышение благосостояния собственного народа. СССР, который в войне

понес самые большие людские и материальные потери, получил под свой контроль сильно разрушенные территории стран Восточной и Центральной Европы, для восстановления которых начал вкладывать новые огромные средства в ущерб собственному народу. Вторая мировая война, теперь уже в экономической форме, продолжилась еще на долгие годы...

Но вернемся к событиям июня 1941 года, от которых отделяют нас без малого 70 лет. Многие события того времени стали известными, отдельные все еще являются «белым пятном» книги истории. Благодаря наличию этих «белых пятен» у некоторых исследователей появляется возможность фальсифицировать историю, выдвигать смелые гипотезы, делать предположения. Только полное снятие грифа секретности со всех документов, касающихся начала Великой Отечественной войны, сможет поставить точку во многих, все еще актуальных, вопросах.

Что касается подготовки СССР к нападению на Германию летом 1941 года и возможного развития превентивной стратегической наступательной операции РККА, то это остается в области гипотез, домыслов и рассуждений. При этом неоспоримым является факт, что 22 июня 1941 года именно германские войска всеми силами вторглись в пределы Советского Союза, нанесли сокрушительный удар не только по армиям прикрытия государственной границы, но и по мирному населению и развили стремительное наступление на большую глубину в соответствии с реально существовавшим планом «Барбаросса». В связи с этим агрессия Германии против СССР стала фактом, оспорить который никто и никогда уже не сможет.

КАК ЭТО БЫЛО БЫ В ИЮЛЕ 1941 ГОДА, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ, ТАК И ОСТАВШАЯСЯ БЕЗЫМЯННОЙ

Как известно, одной из моделей боевых действий является игра в шахматы. В шахматах при анализе партий принято разбирать как фактически сделанные ходы, так и другие (нереализованные) варианты. Так выявляются сомнительные ходы, а также упущенные возможности. В военной истории детальный разбор unreализованных вариантов развития событий делать не принято под предлогом «история не терпит софистического наклонения». Но без этого детального разбора многое в событиях того времени остается непонятным, в первую очередь относительное влияние различных причин на поражения РККА в начальном периоде войны.

В данной статье разбирается предполагаемое развитие событий в случае, если бы РККА успела отомобилизоваться, развернуться на ТВД и первой нанести удар по Германии.

Сразу скажу, что все написанное ниже является моей фантазией и к реальности лета 1941 года отношение имеет весьма отдаленное. Однако я считаю полезным сделать такой подробный разбор предполагаемого развития событий, поскольку в рассуждениях вроде «Красная Армия наносит удар и орды танков БТ, круша все на своем пути, устремляются на Берлин» либо «Красная Армия наносит удар, теряет в наступлении все свои танки, и немецкие танковые дивизии отрезают и уничтожают ударные группировки РККА в Восточной Польше» теряются в первую очередь детали. А именно в де-

талях в данном случае и скрыты многие причины возможного успеха Красной Армии при нанесении ею первого удара.

Итак, начнем.

25 июня в СССР объявляется скрытая мобилизация под видом Больших Учебных Сборов (БУС). К 1 июля соединения ПриОВО, ЗапОВО, КОВО и ОдВО получают автотранспорт, тягачи и вооружение для формируемых механизированных корпусов, артполков РКК, противотанковых артбригад, инженерных частей РКК. Всего мобилизовано 80—100 тыс. автомашин и 8—10 тыс. тракторов — по сравнению с общим количеством автомашин и тягачей в РККА на 1 июня цифра совсем небольшая. Тем не менее войска, принимающие участие в первом ударе, обеспечены автотранспортом и средствами тяги. Механизированные корпуса второго эшелона получают в танковые полки вместо танков артиллерийские орудия калибра 45 и 76 мм. 1 июля вводятся в действие планы прикрытия, дивизии прикрытия занимают предполье. Стрелковые корпуса второго эшелона западных военных округов сосредотачиваются в 30—40 км от границы. Авиация внутренних округов, предназначенная к переброске на запад, уже сосредоточена на полевых аэродромах вблизи границы. Самолеты новых типов обеспечены экипажами, а самолеты старых типов перебазированы в тыл. В укрепленных районах на границе разворачиваются новые пулеметные батальоны.

15 июня производится досрочный выпуск курсантов военных училищ, к 1 июля выпускники прибывают в войска. К этому же сроку заканчивается переподготовка 24 тыс. человек рядового состава на должности младших командиров.

Все войска, выделенные для участия в первом ударе, 1 и 2 июля дополучают необходимое вооружение и снаряжение в районах сосредоточения, производится реформирование соединений по новому штату. 3 июля стрелковые дивизии вторых эшелонов западных военных округов начинают движение к границе, а механи-

зированные корпуса, выделенные для участия в ударе (6-й, 13-й, 14-й, 20-й в ЗапОВО и 4-й, 8-й, 9-й, 15-й, 19-й, 22-й в КОВО), начинают выдвижение в районы сосредоточения. Кроме этого, к отвлекающим ударам готовятся 21-й стрелковый и 11-й механизированный корпуса в ЗапОВО, 16-й механизированный и 55-й стрелковый корпуса в КОВО. На севере в районе Аллакурти сосредотачивается 1-й мехкорпус, в районе Выборга — 10-й мехкорпус.

В КОВО к 28 июня закончена выгрузка 63-го, 66-го стрелковых корпусов, 18-й стрелковой дивизии из ПрибВО, после чего начинают выгрузку 30-й и 33-й стрелковые корпуса из ОрВО. К 4 июля соединения ОрВО, а также 2-й мехкорпус из ОдВО заканчивают выгрузку, прибывшие войска сосредотачиваются в районах Ковеля, Львова и Станислава.

К вечеру 5 июля все войска выходят в назначенные районы. В ЗапОВО 4-й стрелковый корпус занимает Гродненский УР, 1-й стрелковый корпус — Осовецкий УР, 5-й стрелковый корпус — Замбрувский УР, 28-й стрелковый корпус и вновь прибывший 2-й стрелковый корпус — Брестский УР. В КОВО стрелковые корпуса второго эшелона сменяют дивизии прикрытия государственной границы. 31-й стрелковый корпус занимает Владимир-Волынский УР, 36-й стрелковый корпус — Струмиловский УР, 37-й стрелковый корпус — Рава-Русский УР, 49-й стрелковый корпус и часть 8-го стрелкового корпуса — Перемышльский УР.

Теперь вспомним заключительную речь маршала Тимошенко на совещании в декабре 1940 года и его рассуждения о формах оперативного прорыва. Нас интересует последняя, третья, форма:

«И третья форма предусматривает нанесение нескольких взаимно увязанных ударов... и образование отдельных армейских прорывов на нескольких операционных направлениях (прообразом такой формы прорыва является брусиловское наступление в 1916 году; немцы применили ее при наступлении в Польше).

Эта форма прорыва также вполне современна. Она

применима при наличии относительно крупных сил и средств, достаточных для того, чтобы обеспечить производство каждого из оперативных прорывов до необходимых размеров.

Эта форма прорыва более соответствует театрам с относительно слабо развитой сетью путей сообщения. Она облегчает скрытность подготовки, сокращает (продолжительность) перегруппировки; наступление развивается на широком фронте, в пределах которого противник будет потрясен и скован, резервы его разгромлены и наступающему облегчается ведение концентрического удара, благоприятствующего окружению противника»¹.

Распределение войск по фронтам и армиям, согласно записке Ватутина, соответствует именно этой схеме. Впоследствии Красная Армия так будет наступать, например, в Смоленском сражении (удары пяти армейских групп в 20-х числах июля) и в операции «Багра-тион».

Итак, что же представляли бы собой ударные армейские группы Красной Армии образца июня — июля 1941 года? Их примерный состав приведен в следующей таблице:

СОСТАВ УДАРНЫХ ГРУПП РККА, НАЧАЛО ИЮЛЯ 1941 Г.

Армия, фронт	Состав ударной группы
13-я армия Западный фронт	44-й стрелковый, 13-й механизированный, 6-й кавалерийский корпуса, 6-я ПТАБР, 2—3 артполка РГК
4-я армия Западный фронт	47-й стрелковый, 6-й, 14-й механизированные корпуса, 7-я ПТАБР, 4—5 артполков РГК
5-я армия Юго-Западный фронт	15-й, 63-й стрелковый, 22-й, 9-й механизированные корпуса, 1-я ПТАБР, 4—5 артполков РГК

¹ Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. <http://militera.lib.ru/docs/da/sov-new-1940/>

Армия, фронт	Состав ударной группы
20-я армия Юго-Западный фронт	27-й стрелковый корпус
6-я армия Юго-Западный фронт	6-й, 66-й стрелковый, 4-й, 15-й механизированные корпуса, 2-я ПТАБР, 4—5 арtpолков РГК
26-я армия Юго-Западный фронт	30-й стрелковый, 8-й, 19-й механизированные корпуса, 18-я стрелковая дивизия, 3-я ПТАБР, 3—4 арtpолка РГК
21-я армия Юго-Западный фронт	8-й (частично), 33-й стрелковый, 2-й механизированный, 5-й кавалерийский корпуса, 5-я ПТАБР, 2—3 арtpолка РГК

Дадим еще одну цитату из речи маршала Тимошенко:

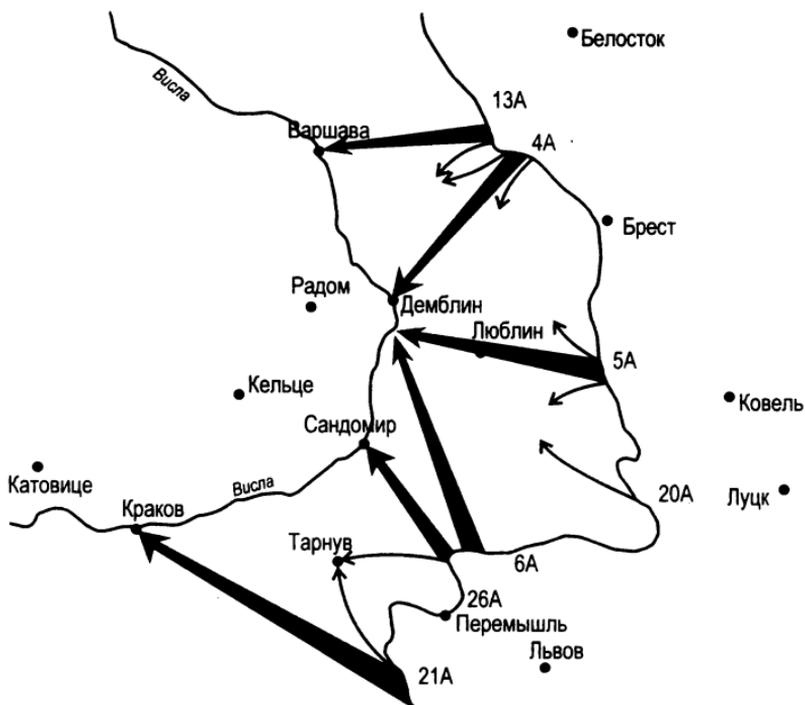
«Возникает вопрос: как же лучше совершать оперативный прорыв, в каких боевых порядках направлять войска? Учитывая структуру обороны и средства наступления, это является актуальным вопросом сегодняшнего дня.

Прорыв обычно может быть осуществлен, исходя из состава современных ударных армий, следующими типовыми вариантами:

1-й вариант — стрелковые соединения, поддержанные мощным эшелонем танков ПП, после мощной артиллерийской подготовки под прикрытием огневого вала и массовой авиации ближнего действия взламывают тактическую оборону противника и создают условия для броска в тыл подвижных соединений... Этот вариант применим в условиях сильно развитой обороны противника и когда рубеж обороны проходит по танко-недоступной местности.

Опасность этого варианта заключается в том, в чем она заключалась для прорывов в течение Первой мировой войны, — они заглухали, так как темпы наступающего не превосходили темпов сосредоточения оперативных резервов обороны.

2-й вариант применим в условиях, противополож-

План первой операции Красной Армии на западе

ных первому варианту. Он состоит в том, что подвижные механизированные соединения не резервируются в начальном этапе операции, а бросаются вперед и, поддержанные мощным огнем артиллерии и авиации, на широком фронте разрушают оборону противника ...

Такую форму прорыва мы видели на бельгийской границе и на р. Сомма летом 1940 года.

Такая форма прорыва дает большой оперативный эффект; она отвечает характеру современных вооружений»¹.

В июле 1941 года мехкорпуса, вооруженные танками новых типов, предполагалось использовать по 2-му варианту — они не резервировались на начальном этапе, а выделялись в первую линию.

¹ Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. <http://militera.lib.ru/docs/da/sov-new-1940/>

В резерве в ЗапОВО находятся 17-й, 20-й мехкорпус, 50-я, 155-я стрелковые дивизии, в КОВО — выгружаемые начиная с 3 июля в районах Ковель, Броды, Львов, Станислав семь стрелковых дивизий Харьковского военного округа (45-й и 67-й стрелковые корпуса, 214-я стрелковая дивизия), а также 24-й мехкорпус. Дивизии ХВО распределяются следующим образом — по две дивизии в 21-ю и 26-ю армии, по одной дивизии в 5-ю, 20-ю и 6-ю армии. Кроме того, в резерве Юго-Западного направления (Юго-Западный и Южный фронты под общим командованием Г.К. Жукова) находятся четыре дивизии 7-го стрелкового корпуса (116-я, 147-я, 196-я, 206-я стрелковые дивизии).

Каждой ударной группе придаются корпусные части стрелковых корпусов, артиллерия, инженерные и другие части РГК. Таким образом, в каждой группе (кроме группы 20-й армии) насчитывается 8—12 дивизий, плюс дополнительно 30—40 артиллерийских дивизионов калибра 76 мм и выше (в ПТАБР, корпусных артполках и артполках РГК, корпусных зенитных дивизионах стрелковых корпусов), 1—2 мотоциклетных полка (в мехкорпусах), инженерный или понтонно-мостовой полк РГК, 4—5 саперных, минно-саперных и инженерных батальонов (в стрелковых, мехкорпусах и ПТАБР).

С 26 июня начинается формирование пятнадцати стрелковых (или мотострелковых) дивизий НКВД (из них трех — в Закавказье) и десяти кавалерийских и горно-кавалерийских дивизий (пять — в СКВО, две — в ОдВО, одна — в ХВО, одна — в ОрВО, одна — в САВО).

После 1 июля немецкое командование начинает получать сведения о концентрации советских войск на границе. По дипломатическим каналам советской стороне доводится озабоченность немецкого правительства и просьбы объяснить происходящее. В ответ 4—5 июля под Москвой проводятся показательные учения 7-го механизированного, 69-го стрелкового корпусов, под Киевом — 34-го стрелкового, 25-го механизированного и 2-го воздушно-десантного корпусов. В учениях участ-

ует более 1 тыс. танков и большое количество артиллерии и авиации.

Помимо этого, под каким-либо предлогом (провокации, немецкая агентура, перемещения войск) предъявляются претензии к Финляндии, Турции и Ирану и «засвечиваются» 1-й, 10-й (на советско-финляндской границе), 26-й (переброшенный в Закавказье), 27-й и 28-й механизированные корпуса и кавалерийские дивизии ЗакВО и САВО. Дается понять, что на границе с Финляндией, Турцией и Ираном находятся существенные силы РККА, в том числе около 3 тыс. танков.

Немецкая сторона узнает (и в этом ей помогают), что участвующие в учениях и сосредоточенные на границах с Финляндией, Турцией и Ираном танковые и механизированные войска — наиболее подготовленные в Красной Армии (и это в отношении 1-го, 7-го мехкорпусов, 6-й и 9-й танковых дивизий, в общем-то, соответствует действительности).

В итоге становится понятным, что более 4 тыс. танков Красной Армии находятся на большом удалении от советско-германской границы и в ближайшие дни в ударе принять участие не смогут. По предвоенным оценкам немецкого командования, общее количество танков в Красной Армии составляло порядка десяти тысяч, то есть 4 тыс. — это 40% от предполагаемого общего числа. А если такое количество танков и в том числе наиболее подготовленные танковые дивизии находятся не на советско-германской границе, то как без них наносить удар? В итоге опасения немецкой стороны относительно ситуации на советско-германской границе развеиваются (по крайней мере, на время), а внимание ее переключается на ситуацию вокруг Финляндии, Ирана и Турции. В Германии на всех уровнях управления обсуждается, как отреагировать на претензии (требования) СССР к этим странам. Советская сторона предлагает обсудить эту ситуацию 7 июля (первый рабочий день недели), для чего в Берлин должен вылететь Молотов.

Тем не менее немецкие войска успевают развернуться на ТВД и занимают построение для ведения оборо-

нительных операций — основная часть пехотных дивизий занимает позиции на границе и вблизи нее, танковые, моторизованные и некоторая часть пехотных дивизий находятся в резерве в 50—150 километрах от границы.

К утру 6 июля все готово к удару РККА.

Как и летом 1944 года, отобилизованная и сосредоточенная на границе Красная Армия превосходит Вермахт примерно в два раза, а в авиации — примерно в пять раз. Ранним утром советская авиация пересекает границу и наносит удары по немецким аэродромам, мостам, складам и местам расположения частей. Одновременно начинается артиллерийская подготовка.

На рассвете советские воздушно-десантные войска высаживают группы по 50—100 человек для захвата аэродромов. Атакуются аэродромы под Кросно, Модоровкой, Хостыне, Дубом, Свидником, Бяла-Подляской, Седлецом, Кржевицей, Праснышем. Для уничтожения самолетов используются ранцевые огнеметы десантников.

Через 1—2 часа ударные механизированные группировки пересекают границу на узких участках прорыва (по три километра на дивизию). Немецкие пехотные дивизии прикрытия, расположенные на участках прорыва, несут огромные потери, поскольку против каждой из них развернуто как минимум четыре советские дивизии, усиленные 3—5 артполками и поддержанные авиацией. К концу дня фактически уничтожены 137-я, 131-я и 167-я пехотные дивизии группы армий «Центр», 1-я горнострелковая и 56-я, 68-я, 71-я пехотные дивизии группы армий «Юг», кроме того, серьезные потери понесли 257-я и 62-я пехотные дивизии. В тылу немецких войск высаживаются советские десанты, захватывающие аэродромы, железнодорожные станции, мосты, шоссейные развязки. Советский 4-й механизированный корпус во второй половине дня сталкивается с 97-й немецкой легкопехотной дивизией, выдвигающейся к границе. Поскольку удар 4-го мехкорпуса поддержан

1—2 артполками РГК и как минимум одной авиационной дивизией, 97-я легкопехотная дивизия не может остановить продвижение советских танкистов и несет большие потери. Советский 6-й механизированный корпус Западного фронта обходит немецкий 47-й танковый корпус, к исходу дня передовые части 6-го мехкорпуса в районе Лукува сталкиваются с 46-м танковым корпусом группы армий «Центр». Советские ударные группировки к концу дня продвигаются на 30—40 километров в глубь немецкой (бывшей польской) территории. На остальных участках фронта советские войска также атакуют. В районе Рава-Русской против трех немецких пехотных дивизий вместо одной советской 41-й стрелковой дивизии теперь развернуто три дивизии 37-го стрелкового корпуса. Три советские дивизии как минимум вынуждают к отходу 262-ю немецкую пехотную дивизию, возможно, на этом участке фронта у немецких войск случились бы и более крупные неприятности. На ряде других участков (в первую очередь на участке 27-го стрелкового корпуса между Струмиловским и Владимир-Волынским укрепрайонами) советские войска также продвигаются, но незначительно. Тем не менее активность советских войск не позволяет немецкому командованию снять с фронта хотя бы несколько пехотных дивизий для выведения их в резерв.

На правом крыле Западного фронта 21-й стрелковый (две дивизии) и 11-й механизированный корпуса 3-й армии при поддержке 8-й ПТАБР и 1—2 артполков РГК атакуют немецкую 162-ю пехотную дивизию. Немецкое командование усиливает этот участок 57-м танковым корпусом (12-я и 19-я танковые и 18-я моторизованная дивизии). Однако до его подхода 162-я пехотная дивизия успевает понести значительные потери. К вечеру продвижение советских войск остановлено.

На правом крыле Южного фронта 55-й стрелковый и 16-й механизированный корпуса 18-й армии при поддержке 4-й ПТАБР и 1—2 артполков РГК переходят границу и сталкиваются с румынскими войсками. Немецкие дивизии в Румынии не готовы ни к обороне, ни

к наступлению и не образуют сплошного фронта. К исходу дня находящиеся у границы румынские войска разбиты, советский 16-й механизированный корпус выходит на оперативный простор. Из данных разведки следует, что немецкие и румынские войска не только не способны нанести удар во фланг Юго-Западному фронту в направлении Проскурава, но их сил недостаточно даже для организации устойчивой обороны. Вечером 18-й механизированный и 2-й кавалерийский корпуса 9-й армии получают задачу нанести удар из района юго-восточнее Ясс навстречу ударной группе 18-й армии. Кроме того, Южному фронту передаются две стрелковые дивизии 7-го стрелкового корпуса, которые начинают погрузку в эшелоны.

К исходу первого дня войны немецкое командование еще не осознает масштаб катастрофы и приходит к выводу, что ситуация не так уж плоха — прорвана оборона только семи-восемью пехотных дивизий, в прорыв вошли мехчасти неустановленной силы. Однако, исходя из довоенных оценок немецкой разведки, эти силы не могут быть очень большими (тем более что большие силы РККА находятся на границах с Финляндией, Турцией и Ираном). Исходя из этих данных, для отражения удара и разгрома вторгшихся соединений планируется собрать две ударные группировки. Одна, в составе группы армий «Центр», — 24-й и 47-й танковые корпуса, 1-я кавалерийская дивизия, должна ударить на северо-запад вдоль течения Западного Буга и срезать под основание прорвавшиеся советские мехчасти. Другая, в составе группы армий «Юг», — 3-й, 48-й танковые корпуса, должна срезать наступающую советскую группировку 6-й армии ударом из района Томашува на запад. Против советской группировки 5-й армии, наступающей из района Любомля, выдвинуты 267-я, 255-я пехотные, 99-я легкопехотная дивизии и резервный 14-й танковый корпус. Ударная группа 26-й армии не адекватно оценена немецким командованием, этот удар решено парировать использованием трех дивизий резерва, расположенных в районе Жешува. Ударная группа 21-й армии

вообще остается незамеченной. Подвижные группы 21-й армии к исходу дня соединяются с высаженными десантными группами и захватывают на аэродромах под Кросно 40 исправных бомбардировщиков Ю-88.

Второй день боевых действий.

На самом южном участке советско-германской границы, практически не встречая сопротивления, наступают советские 2-й механизированный и 5-й кавалерийский корпуса. Утром они занимают Кросно и движутся далее, в направлении Тарнува и Кракова. За ними на запад продвигается 33-й стрелковый корпус. 19-й мехкорпус, наступая на северо-запад, выходит к Жешуву, где сталкивается с 125-й пехотной, 100-й легкопехотной и 4-й горнострелковой дивизиями. За город разгораются ожесточенные бои, к вечеру в этот район выходит 30-й стрелковый корпус. Юго-восточнее Жешува соединяются советские 49-й и 8-й стрелковые корпуса. Немецкие 101-я легкопехотная и 257-я пехотная дивизии попадают в окружение. 8-й мехкорпус наступает вдоль реки Сан на Сандомир, вечером 12-я танковая дивизия занимает город. Вслед за 8-м мехкорпусом движется 18-я стрелковая дивизия. 4-й механизированный корпус наступает севернее в направлении Пулавы — Аннополь.

Части 6-го стрелкового корпуса блокируют остатки 97-й легкопехотной дивизии, две дивизии этого корпуса движутся вслед за 66-м стрелковым корпусом. Советский 15-й механизированный корпус движется на Люблин. 66-й и часть сил 6-го стрелковых корпусов разворачиваются фронтом на северо-восток для парирования возможных контрударов из района Замостье. Южнее располагается подвижный резерв — 24-й механизированный корпус. Войска укрепленных районов, дивизии 37-го, 36-го, 27-го, 31-го стрелковых корпусов сковывают противостоящие немецкие пехотные дивизии на фронте от Рава-Русской до Любомля. Против тринадцати немецких дивизий развернуто двенадцать советских, советские дивизии поддерживаются корпус-

ной артиллерией и пулеметно-артиллерийскими батальонами укрепленных районов. Действия советских войск не позволяют немцам снять с этого отрезка границы ни одной дивизии, поскольку на ряде участков немецкие войска отходят, как 262-я дивизия в первый день боевых действий.

Утром немецкие 3-й и 48-й танковые корпуса атакуют 6-й и 66-й стрелковые корпуса. Советские войска усилены 5-й ПТАБР и 5—6 артполками, против шести немецких дивизий и приданных 15—20 дивизионов артиллерии развернуто пять советских дивизий, которым придано 30—35 дивизионов артиллерии. Во второй половине дня оборона советских стрелковых частей дополнительно усилена одной дивизией 24-го мехкорпуса, остальные части 24-го мехкорпуса начинают движение вслед за 15-м мехкорпусом в направлении Люблина.

На участке 5-й армии 9-й и 22-й механизированный корпус занимают Хелм и на подходе к Люблину сталкиваются с немецким 14-м танковым корпусом. Поскольку немецкий корпус является резервным, ему не придано практически никаких резервов, тогда как советские мехкорпуса усилены тремя артполками РГК и инженерными частями. 15-й стрелковый корпус повернут фронтом на север и отражает атаки немецких 267-й и 255-й пехотных дивизий. 63-й стрелковый корпус продвигается на юг и сталкивается с подошедшей 97-й легкопехотной дивизией. 1-я ПТАБР остается в резерве в районе Хелма. К исходу дня к Люблину подходит советский 15-й мехкорпус.

В 4-й армии 6-й механизированный корпус в районе Лукува ведет бой с немецким 46-м танковым корпусом. Немецкий корпус является резервным, состоит из двух дивизий и одного усиленного полка, в то время как 6-й мехкорпус, состоящий из трех полноценных дивизий и корпусных частей, дополнительно усилен двумя артполками РГК. Советские войска имеют преимущество в силах, но существенно продвинуться в течение дня не могут. 47-й стрелковый и 14-й механизированный корпуса разворачиваются фронтом на юго-восток для па-

рирования возможного удара из района Бяла-Подляска. Утром немецкие 47-й и 24-й танковые корпуса и 1-я кавалерийская дивизия атакуют 47-й стрелковый и 14-й механизированный корпуса. Поскольку советские войска усилены 7-й ПТАБР и 5—6 артполками, прорвать советскую оборону не удастся. После того как в этот район дополнительно подтягивается 20-й механизированный корпус, продвижение немецких дивизий окончательно остановлено.

В 13-й армии 13-й механизированный корпус движется в направлении Варшавы, за ним следует 6-й кавалерийский корпус. За подвижными частями продвигается 44-й стрелковый корпус. 13-й мехкорпус сталкивается с немецкой 78-й пехотной дивизией, против него разворачивается также 17-я пехотная дивизия.

Двум дивизиям 5-го стрелкового корпуса и частям Замбровского УР противостоят четыре боеспособные немецкие пехотные дивизии (23-я, 7-я, 268-я, 263-я). К вечеру с этого участка снимаются две немецкие дивизии, которые совместно с 258-й пехотной дивизией готовятся контратаковать 13-й мехкорпус. Шести дивизиям 2-го и 28-го стрелковых корпусов и частям Брестского Ур противостоят шесть немецких пехотных дивизий (292-я, 252-я, 134-я, 31-я, 45-я, 34-я). Советские дивизии, как и в полосе Юго-Западного фронта, поддерживаются корпусной артиллерией и пулеметно-артиллерийскими батальонами укрепленного района. С этого участка немецкое командование ни одной дивизии снять не может.

На левом участке Западного фронта советские 21-й стрелковый и 11-й механизированный корпуса ведут бои с немецкими 162-й пехотной дивизией и 57-м танковым корпусом. Советские войска имеют превосходство в силах, к вечеру немецкое командование дополнительно перебрасывает на этот участок 20-ю моторизованную дивизию.

После того как стало понятно, что советские 2-й 8-й, 4-й и 15-й мехкорпуса вышли на оперативный простор, 5-й мехкорпус и 57-я танковая дивизия начинают вы-

движение в район Кременец, Броды. Остальные соединения 16-й армии готовятся к погрузке в эшелоны.

Из семи дивизий, перевозимых из Харьковского военного округа, две дивизии 45-го и 67-го стрелковых корпусов к вечеру переходят границу в полосе 21-й и 26-й армий, еще две дивизии — на пути к границе. Три оставшиеся дивизии еще находятся в эшелонах.

Советские воздушно-десантные войска (1-й, 2-й, 4-й ВДК) захватывают переправы на Висле от Сандомира до Варшавы. Воздушно-десантным войскам передается вновь сформированный особый отряд транспортной авиации на самолетах ПС-84, мобилизованных в РККА из Аэрофлота. Высаженные для захвата аэродромов десантные группы частью уничтожены, частью перешли к партизанским действиям. Результатом их действий являются более 300 уничтоженных и захваченных исправными немецких самолетов, в результате чего боевая мощь 2-го и 4-го немецких воздушных флотов значительно ослаблена.

Вечером немецкое командование принимает решение — 3-й танковой группе в составе четырех танковых, трех моторизованных и трех пехотных дивизий перейти в наступление в направлении Сувалки — Брест, 4-й танковой группе в составе трех танковых, двух моторизованных и двух пехотных дивизий сосредоточиться в районе Варшавы и нанести затем удар в направлении Варшава — Брест навстречу 2-й танковой группе.

Третий день боевых действий.

Утром 18-й механизированный и 2-й кавалерийский корпуса 9-й армии Южного фронта начинают наступление на соединение с ударной группой 18-й армии. Советским войскам противостоят румынские дивизии, оборона которых прорвана за несколько часов. К вечеру передовые отряды 18-го и 16-го мехкорпусов соединяются в тылу немецких и румынских войск.

В середине дня 2-й мехкорпус занимает Тарнув. Южнее продвигается 5-й кавкорпус, который выходит к ре-

ке Дунаец и движется дальше. 12-я танковая дивизия 8-го мехкорпуса внезапным ударом овладевает Кельце, две другие дивизии 8-го мехкорпуса форсируют Вислу в районе Сандомира и юго-западнее. Вечером к Сандомиру подходит также 18-я стрелковая дивизия. В районе Жешува советские 19-й механизированный и 30-й стрелковый корпуса блокируют немецкие 125-ю пехотную, 100-ю легкопехотную и 4-ю горнострелковую дивизии. 8-й и 49-й стрелковые корпуса продолжают блокировать немецкие 101-ю легкопехотную, 257-ю пехотную дивизии в районе Ярослава, утром две дивизии 8-го стрелкового корпуса начинают движение к Жешуву. 4-й механизированный корпус выходит к Висле на участке Пулава — Аннополь. При этом части корпуса занимают круговую оборону у мостов через Вислу, не образуя сплошного фронта. Основные силы корпуса — в районе Пулавы готовятся к удару на Демблин в тыл немецкому 46-му танковому корпусу.

Остатки немецкой 97-й легкопехотной дивизии окончательно разбиты, блокировавшая их дивизия 6-го стрелкового корпуса соединяется с основными силами корпуса. Немецкие 3-й, 48-й танковые корпуса продолжают атаковать 66-й, 6-й стрелковые корпуса и одну дивизию 24-го механизированного корпуса. Атаки безуспешны. Две дивизии 24-го механизированного корпуса продолжают движение в направлении Люблина.

Советский 15-й мехкорпус внезапным ударом занимает Люблин. Части немецкого 14-го танкового корпуса оказываются в окружении. 63-й стрелковый корпус, отбрасывая немецкую 99-ю легкопехотную дивизию, продвигается на юг.

6-й механизированный корпус продолжает атаковать немецкий 46-й танковый корпус. Дивизию СС «Рейх» приходится отвести в район Демблина для парирования угрозы с юга, в итоге 6-й мехкорпус выбивает немецкие войска из Лукува.

Немецкие 47-й и 24-й танковые корпуса, усиленные 1-й кавалерийской дивизией, продолжают атаковать советские 47-й стрелковый, 14-й и часть сил 20-го меха-

низированных корпусов. Атаки безуспешны. Две дивизии 20-го мехкорпуса движутся на запад севернее 6-го мехкорпуса. За 20-м мехкорпусом в прорыв входит 155-я стрелковая дивизия.

44-й стрелковый и 13-й механизированный корпуса ведут бои с пятью немецкими пехотными дивизиями. 6-й кавалерийский корпус сталкивается с резервом группы армий «Центр» — 293-й пехотной дивизией.

В район Радома и Кракова выбрасываются советские десанты.

5-й механизированный корпус и 57-я танковая дивизия получают приказ — двигаясь форсированным маршем, через сутки выйти в район Радзехува. Остальные соединения 16-й армии грузятся в эшелоны.

Наступление 3-й танковой группы терпит неудачу. Против восемнадцати немецких дивизий развернуто одиннадцать советских. Советская оборона опирается на укрепленные районы — Гродненский и Осовецкий, в которых развернуто 16 пулеметно-артиллерийских батальонов. В качестве полевого заполнения укрепленные районы занимают шесть стрелковых дивизий, усиленных корпусной артиллерией. Между укрепленными районами действует ударная группировка — две стрелковые дивизии и подвижная группа в составе 11-го мехкорпуса, 8-й ПТАБР и 1—2 артполка РГК. Подтверждаются теоретические построения — с помощью укрепленных районов сдерживаются в полтора раза превосходящие (в дивизиях) силы противника.

Фронтные резервы Западного фронта расположены: 50-я стрелковая дивизия — Лида, 17-й мехкорпус — Волковыск. 22-я армия походом двигается в стык Западного и Северо-Западного фронтов. Продвижение колонн 4-й танковой группы не остается незамеченным — 17-й мехкорпус вечером получает приказ выдвигаться в полосу 13-й армии, а 7-й мехкорпус 28-й армии готовится к комбинированному маршу в район Барановичи. Остальные дивизии 28-й армии готовятся к погружке в эшелоны. Кроме того, к погружке готовится и 19-я армия.

К вечеру становится очевидным тяжелое положение фактически окруженной группировки немецких 4-й, 6-й армий, 1-й и 2-й танковых групп. Немецкая сторона принимает решение — окруженным войскам прорываться на запад. В районе Радома решено создать группировку из соединений резерва ОКХ для содействия деблокированию окруженных войск. Немецкие подвижные соединения начинают испытывать недостаток горючего.

Четвертый день боевых действий.

Советская сторона выдвигает Румынии ультиматум — прекратить сопротивление и интернировать немецкие войска, находящиеся на румынской территории. Вечером Румыния принимает ультиматум, румынские войска прекращают сопротивление.

2-й мехкорпус занимает Краков. Южнее за ним движется 5-й кавкорпус. 33-й стрелковый корпус выходит на реку Дунаец. 19-й мехкорпус и 30-й стрелковый корпус продолжают блокировать немецкие 125-ю пехотную, 100-ю легкопехотную и 4-ю горнострелковую дивизии в районе Жешува. К городу подходят две дивизии 8-го стрелкового корпуса, что позволяет во второй половине дня снять с кольца окружения 19-й мехкорпус, который начинает движение к Висле. Окруженные в районе Жешува немецкие войска получают приказ — превратить город в крепость и держаться до последнего. Окруженные немецкие 101-я легкопехотная, 257-я пехотная дивизии разгромлены. Это позволяет снять с внутреннего фронта окружения еще две стрелковые дивизии, которые также начинают движение на запад. Остатки окруженных в районе Ярослава немецких войск продолжают блокировать две дивизии 49-го стрелкового корпуса.

Немецкие войска сосредотачиваются для прорыва.

Во второй половине дня в район восточнее Пулавы выходит 24-й мехкорпус без одной дивизии, который совместно с одной танковой дивизией 4-го мехкорпуса

атакует с тыла немецкий 46-й танковый корпус. Немецкие войска во избежание окружения переправляются на левый берег Вислы, но продолжают удерживать Демблин. 6-й кавалерийский и часть сил 20-го механизированного корпуса блокируют немецкую 293-ю пехотную дивизию и передовыми отрядами выходят к Висле. Три дивизии 2-го стрелкового корпуса совместно со 155-й стрелковой дивизией блокируют немецкие 292-ю, 252-ю и 134-ю пехотные дивизии.

Советские 6-й, 4-й, 20-й и 24-й механизированные корпуса завершают окружение немецких 4-й, 6-й армий, 1-й и 2-й танковых групп. При этом окруженные немецкие войска разделены на два «котла» — северный (в районе Бреста) и южный (в районе Замостье).

К исходу дня окруженный втрое превосходящими силами немецкий 14-й танковый корпус фактически уничтожен. Продвижение 63-го стрелкового корпуса остановлено подошедшими с юга частями 3-го и 48-го танковых корпусов. 1-я ПТАБР переведена в район Люблина.

Против вышедших к Висле четырнадцать советских танковых, механизированных, кавалерийских и стрелковых дивизий, двух ПТАБР, 7—9 артполков немецкое командование к исходу четвертого дня боевых действий может противопоставить шесть дивизий резерва ОКХ, успевших выгрузиться в районах Катовице, Ченстохова, Радома и Лодзи. Кроме этого, продолжают выгрузку еще четыре дивизии (в том числе единственная моторизованная — 60-я). Возникает вопрос использования этих дивизий — создавать новый фронт западнее Вислы или сосредотачивать войска для деблокирования окруженной в районе Люблина группировки? В результате некоторые немецкие дивизии резерва ОКХ занимают опорные пункты — Катовице, Ченстохов, Лодзь, частично сосредотачиваются в районе Варшава — Радом. Превосходства над советскими механизированными частями, образующими внешний фронт окружения, они не имеют. Высокая подвижность советских мехкорпусов (по сравнению с немецкими дивизиями резерва ОКХ)

дает возможность, находя бреши в немецкой обороне, выбрасывать подвижные отряды к западу от Вислы. Эти отряды (корпусные мотоциклетные полки 2-го, 8-го, 4-го, разведывательные батальоны танковых дивизий) поддерживаются воздушными десантами, им удается в нескольких местах перерезать железные и шоссейные дороги в тылу немецких войск, что задерживает сосредоточение дивизий, предназначенных для деблокации окруженной группировки.

К вечеру для прорыва сосредотачиваются по два танковых корпуса в «северном» и «южном» котлах. За ними, прикрываясь сильными арьергардами, следуют пехотные дивизии. Советская сторона реагирует симметрично — снимаются с внутреннего кольца окружения «северного» котла и выдвигаются на юг 14-й мехкорпус, 7-я ПТАБР, 3—4 артполка.

Пятый день боевых действий.

Советский Северный фронт начинает наступление в Финляндии. В составе фронта создается две ударные группировки — одна в районе Аллакурти (1-й мехкорпус), вторая — в районе Выборга (22-й стрелковый и 10-й механизированный корпуса). Советские войска встречают упорное сопротивление финских и немецких дивизий, к вечеру их продвижение остановлено.

Немецкая 11-я армия окружена в Румынии. Стрелковые войска 18-й и 9-й армий (всего 12 стрелковых дивизий) движутся в глубь румынской территории для смены подвижных соединений. Советская сторона выдвигает Румынии требование обеспечить коридор для прохода советских войск в направлении Болгарии.

Атаки немецкой 3-й танковой группы по-прежнему безуспешны. К вечеру в район Гродно выходит 21-й механизированный корпус 22-й армии, после чего положение на правом фланге Западного фронта окончательно стабилизируется.

Для отражения удара немецкой 4-й танковой группы в районе Варшавы и северо-восточнее развернуты 13-й

механизированный, 44-й стрелковый корпуса и вся приданная артиллерия 13-й армии. К утру в этот район выходит 17-й механизированный корпус. 4-я немецкая танковая группа в составе трех танковых и двух моторизованных дивизий (пехотные дивизии группы еще не подошли), совместно с действовавшими здесь ранее пятью пехотными дивизиями атакуют войска 13-й армии. Против десяти немецких дивизий развернуто девять советских, советские войска, как и на остальных участках фронта, усилены сильной артиллерией. В немецких танковых дивизиях часть танков и автотранспорта осталась на дорогах из-за поломок. В итоге немецкие атаки терпят неудачу.

Окруженные в районах Бреста и Замостья немецкие войска идут на прорыв. Против «северной» ударной группы разворачивается советский 24-й мехкорпус с 1-й ПТАБР, против «южной» — 9-й механизированный и 63-й стрелковый корпуса. Все усилия советской авиации сосредоточены на прорывающихся немецких войсках.

С утра из района Сокаля в направлении Замостья атакует созданная накануне ударная группа советской 20-й армии — 27-й стрелковый корпус и подошедшие 5-й мехкорпус, 57-я танковая, 232-я стрелковая дивизии. Немецкие арьергарды не выдерживают удара, к исходу дня ударная группа 20-й армии продвигается на 20 км. В тылу «южной» немецкой группировки начинается паника, все попытки прорыва ее ударной группировки (3-й и 48-й танковые корпуса) неудачны.

Немецкая «северная» группа первоначально добивается некоторого успеха и продвигается на 10—15 км к Демблину. Однако во второй половине дня с севера во фланг немецкой группировки наносят удар 14-й мехкорпус, 7-я ПТАБР и приданные артполки, после чего продвижение немецких танковых корпусов остановлено.

К вечеру немецкие подвижные соединения начинают ощущать недостаток боеприпасов.

Советский 19-й мехкорпус форсирует Вислу и стано-

вится связующим звеном между 2-м и 8-м мехкорпусами. Восточнее Кельце сосредотачивается 18-я стрелковая дивизия, одна резервная дивизия 26-й армии подходит к Сандомиру, другая движется юго-восточнее вдоль реки Сан (обе дивизии из Харьковского военного округа). 8-й мехкорпус готовится к удару на север во фланг Радомской группировке противника. Советские 2-й, 19-й мехкорпуса, 2-й кавкорпус не ведут активных боевых действий и начинают приводить себя в порядок для ведения последующих операций.

Продолжается сосредоточение немецких войск к западу от Вислы. Их сосредоточению мешают действия советских подвижных частей в районе Кельце — Радом. Окруженные в районе Жешува 125-я пехотная, 100-я легкопехотная и 4-я горнострелковая дивизии разгромлены, две дивизии 30-го стрелкового корпуса начинают движение на запад. К вечеру в районе Радома сосредотачивается немецкая группировка из двух-трех пехотных и одной (60-й) моторизованной дивизий. Против них в районе Пулавы сосредотачиваются основные силы 4-го и 6-го мехкорпусов.

33-й стрелковый корпус подходит к Кракову. Против одиннадцати дивизий 2-го, 19-го, 8-го механизированных и 5-го кавалерийского корпусов действует 3—4 немецкие пехотные дивизии, которые не образуют единого фронта и не связаны единым командованием. Немецкое командование пытается организовать тыловой оборонительный рубеж по линии Катовице — Ченстохова — Радом.

Шестой день боевых действий.

На советско-финляндской границе продолжаются упорные бои.

Смененные стрелковыми дивизиями 16-й, 18-й механизированные и 2-й кавалерийский корпуса начинают движение в направлении румыно-болгарской границы. В Румынии происходит государственный переворот.

Окруженные в районе Ярослава немецкие войска капитулируют. Две дивизии советского 49-го стрелкового корпуса начинают движение на запад.

С утра из района Кельце во фланг Радомской группировке начинается наступление 26-я армия в составе 8-го мехкорпуса, 18-й стрелковой дивизии, 3-й ПТАБР и 3—4 артполков. С севера навстречу 8-му мехкорпусу наступают одна механизированная дивизия 20-го мехкорпуса и 6-я кавалерийская дивизия 6-го кавкорпуса. Из четырех сосредоточившихся в районе Радома немецких дивизий три приходится поворачивать фронтом на юг, одну — фронтом на север. Для деблокирования окруженных в районе Люблина войск сил уже не остается.

Атаки 4-й танковой группы из района Варшавы по-прежнему безуспешны.

Немецкие 292-я, 252-я, 134-я, 293-я пехотные дивизии разбиты. 155-я стрелковая дивизия и 14-я кавалерийская дивизия 6-го кавкорпуса начинают движение к Висле.

Советские десанты высаживаются в районах Томашува и Катовице. Атаки из района Люблина ослабевают, поскольку у окруженных войск практически не остается горючего и боеприпасов. Кроме того, окруженные немецкие войска фактически разрезаны на три части ударными группами 5-й и 20-й армий.

Немецкое командование принимает решение для создания нового фронта западнее Вислы перебросить на юг 3-ю танковую группу в составе трех танковых и двух моторизованных дивизий. Кроме того, на юг из состава 16-й и 18-й армий группы армий «Север» перебрасывается десять пехотных дивизий. В составе немецких войск к северу от Остроленки остается одна танковая и одна моторизованная дивизии.

В Германии объявлена тотальная мобилизация. Готовятся к передислокации на восток пять пехотных дивизий, находящихся во Франции и Норвегии. Формируются новые десять пехотных дивизий, которые вооружаются зенитной артиллерией, переданной из

ПВО рейха. Больше дивизий Германия сформировать не может — не хватает лошадей, автомашин и тягачей.

Седьмой день боевых действий

Севернее Ленинграда советские 22-й стрелковый и 10-й механизированный корпуса медленно продвигаются в направлении Хельсинки. Еще севернее советский 1-й механизированный корпус, сломив сопротивление финских войск, продвигается в направлении Ботнического залива.

Окруженные в районе Жешува немецкие войска капитулируют. Три дивизии 8-го и 30-го стрелковых корпусов начинают движение к Висле и Дунайцу. К Висле выходят две дивизии 30-го стрелкового корпуса. В общей сложности у Кракова и на Висле до Сандомира уже находятся семь советских стрелковых дивизий, еще шесть дивизий находятся на марше в одном-трех суточных переходах от Вислы.

2-й мехкорпус и 5-й кавкорпус, в течение двух суток приводившие себя в порядок, имея на флангах подошедшие 33-й стрелковый и 19-й механизированный корпуса, начинают наступление на Катовице. Советским войскам противостоят две немецкие пехотные дивизии, в том числе одна — в Катовице. Северо-западнее города высаживаются советские десанты. К вечеру город с находящейся в нем пехотной дивизией блокирован. За мехчастями движутся стрелковые дивизии 33-го стрелкового корпуса. Немецкому командованию приходится перебрасывать одну танковую и одну моторизованную дивизии из состава 4-й танковой группы на юг. 4-я танковая группа в районе Варшавы переходит к обороне.

Радомская группировка немцев усилена двумя пехотными дивизиями. Советская сторона перебрасывает в район Пулавы по одной дивизии от 14-го и 15-го механизированных корпусов, одну ПТАБР и два артполка РКК. Попытки немецких войск образовать плацдарм на восточном берегу Вислы терпят неудачу. Во фланг не-

мецкой группировке атакуют с севера 20-й мехкорпус и 6-й кавкорпус, с юга 8-й мехкорпус и две стрелковые дивизии. К вечеру под угрозой окружения немецкие войска вынуждены начать отход от Вислы.

47-й стрелковый корпус и 155-я стрелковая дивизия выходят к Висле.

Немецкая 4-я танковая группа усилена тремя пехотными дивизиями. В ответ в стык 13-го мехкорпуса и 44-го стрелкового корпуса перебрасываются 7-я танковая и 29-я моторизованная дивизии 6-го мехкорпуса. Немецкие атаки по-прежнему безуспешны.

Две стрелковые дивизии 16-й армии выгружаются в Перемышле, откуда двумя автотранспортными полками эти дивизии перебрасываются дальше на запад. Железнодорожная колея на захваченных территориях перешивается по советскому стандарту, и выгрузка остальных дивизий 16-й армии намечена в Жешуве и Тарнуве.

Восьмой день боевых действий

Окруженные в районе Люблина немецкие войска капитулируют. Всего в окружении восточнее Вислы гибнет до пятидесяти дивизий Вермахта, в том числе десять танковых.

Советские войска, образывавшие фронт окружения, начинают движение на запад. В первую очередь пополняются и восстанавливаются понесшие небольшие потери 9-й, 22-й и 5-й механизированные корпуса, 57-я танковая дивизия, которые получают задачу сосредоточиться в районе Кельце. Немецкие войска оставляют Радом, который занимает 4-й мехкорпус.

Из района севернее Кракова в направлении Ченстохова начинают наступление 19-й механизированный корпус (двое суток приводивший себя в порядок) и подошедшие две стрелковые дивизии 30-го стрелкового корпуса. Противостоящие немецкие войска (до одной дивизии) отходят.

Девятый день боевых действий

Советские 2-й и 19-й мехкорпуса соединяются в районе Ченстохова, блокируя находящуюся там немецкую пехотную дивизию. Юго-восточнее Ченстохова и в районе Катовице окружено до трех немецких пехотных дивизий. Их блокируют пять дивизий 30-го и 33-го стрелковых корпусов, к Висле подходят три дивизии 8-го и 30-го стрелковых корпусов. 2-й кавалерийский корпус, не встречая сопротивления, движется в направлении Бреслау (Вроцлава). Попытка немецкого командования создать новый фронт по линии Варшава — Катовице терпит неудачу. Дивизии, перебрасываемые из состава 3-й танковой группы и группы армий «Север», приходится перенаправлять на ходу — пунктами назначения вместо Ченстохова, Бреслау становятся Бреслау, Познань.

Начинает наступление вновь созданный Закавказский фронт и 53-я отдельная армия. Против Турции развернуты две армии — 45-я и 46-я.

Состав 46-й армии — 3-й, 40-й стрелковые (пять стрелковых и горнострелковых дивизий), 28-й механизированный корпус, две вновь сформированные в СКВО кавалерийские (или горно-кавалерийские) дивизии, одна вновь сформированная стрелковая (или мотострелковая) дивизия НКВД, 51-й (Батумско-Ахалкалакский) укрепленный район. Задача — во взаимодействии с 45-й армией разгромить турецкие войска в приграничной полосе и затем нанести удар на Анкару и вдоль Черноморского побережья на Трабзон, Самсун.

Состав 45-й армии — 23-й и 64-й стрелковые (четыре стрелковые и горнострелковые дивизии), 26-й механизированный корпус, две вновь сформированные в СКВО кавалерийские (или горно-кавалерийские) дивизии, одна вновь сформированная стрелковая (или мотострелковая) дивизия НКВД, 55-й (Ленинakanский) укрепленный район. Задача — во взаимодействии с 45-й армией разгромить турецкие войска в приграничной полосе и затем нанести удар в направлении Мерсин, Адана и выйти к Средиземному морю.

Одновременно Черноморский флот блокирует турецкий флот в Черном море и высаживает десанты — 106-ю стрелковую дивизию в Стамбуле с задачей захватить и удерживать проливы Босфор и Дарданеллы, а 32-ю кавалерийскую дивизию — в районе Зонгулдака с задачей овладеть Анкарой.

Всего для действий против Турции выделено 23 дивизии, более 350 тысяч человек личного состава, более 1200 танков.

На прикрытие Черноморского побережья выделена 157-я стрелковая дивизия, Крыма — 156-я стрелковая дивизия, на оборону Баку — одна вновь сформированная стрелковая дивизия НКВД.

Против Ирана развернута 44-я армия Закавказского фронта и 53-я отдельная армия, сформированная из войск САВО.

44-я армия включает в себя 63-ю, 76-ю, 77-ю горнострелковые, 24-ю кавалерийскую, 17-ю и одну вновь сформированную в СКВО горно-кавалерийские дивизии. Армия наносит вспомогательный удар в направлении Тебриза.

Состав 53-й армии — 58-й стрелковый (четыре стрелковые и горнострелковые дивизии), 27-й механизированный, 4-й кавалерийский (три горно-кавалерийские дивизии) корпуса. Армия наносит основной удар в направлении Тегерана.

Действия 44-й и 53-й армий поддерживает Каспийская флотилия.

Всего для действий против Ирана выделено 16 дивизий, около 200 тыс. человек личного состава, более 400 танков.

Одна вновь сформированная в САВО кавалерийская дивизия прикрывает границу с Афганистаном.

Продолжаются переброски и сосредоточение армий резерва Главного командования. 22-я армия сосредотачивается между 8-й и 11-й армиями Северо-Западного фронта. 28-я армия сосредотачивается между 3-й и 10-й армиями Западного фронта. 24-я армия остается на месте. Вновь созданная 30-я армия в составе шести

вновь сформированных стрелковых (или мотострелковых) дивизий НКВД, одной вновь сформированной кавалерийской дивизии и выведенного на переформирование понесшего большие потери 14-го мехкорпуса сосредотачивается в районе Люблина. Вновь созданная 31-я армия в составе шести вновь сформированных стрелковых (или мотострелковых) дивизий НКВД, одной вновь сформированной кавалерийской дивизии и выведенного на переформирование понесшего большие потери 13-го мехкорпуса сосредотачивается в районе Барановичи.

Десятый день боевых действий

В Финляндии советские войска вышли к Хельсинки и Ботническому заливу. Финляндия выходит из коалиции стран Оси и начинает переговоры с СССР об условиях перемирия.

Советские войска в Турции и Иране успешно продвигаются.

Советские 16-й, 18-й механизированные и 2-й кавалерийский корпуса переходят румыно-болгарскую границу. Болгарская армия не оказывает сопротивления.

Подошедшие две (танковая и моторизованная) дивизии 4-й танковой группы наносят удар по 2-му и 19-му механизированным корпусам в районе Ченстохова. В ходе ожесточенного боя прибывшим дивизиям удается вывести блокированную в городе немецкую пехотную дивизию. Юго-восточнее Бреслау (Вроцлава) 2-й кавалерийский корпус сталкивается с одной немецкой пехотной дивизией. Продвижение советских войск остановлено, линия фронта на десять дней стабилизируется примерно на линии Оппельн (Ополе) — Ченстохов — Радом — Варшава и далее по линии госграницы. Продолжаются сосредоточение и перегруппировки советских и немецких войск. Советские механизированные (2-й, 19-й, 8-й, 6-й, 20-й, 17-й) и кавалерийские (5-й и 6-й) корпуса сменяются стрелковыми дивизиями и выводятся в тыл на доукомплектование. Кроме того, в ты-

лу приводятся в порядок 15-й и 24-й мехкорпуса. Производится сбор личного состава советских воздушно-десантных корпусов.

У Вермахта на советско-германском фронте остаются боеспособными девять танковых (1-я, 2-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 12-я, 19-я, 20-я) и семь моторизованных дивизий.

Двадцатый день боевых действий

Немецкие войска в Финляндии интернированы. Советские 1-й, 10-й механизированные корпуса и пять стрелковых дивизий перебрасываются на советско-германский фронт.

Турецкие и иранские войска разгромлены. Советские войска удерживают проливы Босфор и Дарданеллы, занимают Стамбул, Анкару, Тегеран, выходят к Средиземному морю. 16-й, 18-й механизированные, 2-й кавалерийский корпуса выходят к греко-болгарской и греко-турецкой границам. Стрелковые дивизии 9-й и 18-й армий выходят на румыно-югославскую границу.

Начинает наступление Прибалтийский и левое крыло Западного фронтов. Основной удар в направлении Данцига (Гданьска) наносит 28-я армия в составе трех стрелковых дивизий, 6-го, 7-го механизированных и 6-го кавалерийского корпусов. Две стрелковые дивизии 28-й армии продолжают выгрузку и находятся в резерве. Левее 28-й армии наступает 10-я армия в составе 1-го, 5-го стрелковых и 20-го механизированного корпусов.

8-я армия наносит удар вдоль побережья Балтийского моря на Кёнигсберг. Ударная группа 8-й армии состоит из 24-го и 28-го стрелковых (четыре стрелковые дивизии) и 3-го (переданного из 11-й армии) механизированного корпусов.

22-я армия Северо-Западного фронта и 3-я армия Западного фронта наносят концентрические удары на Сувалки. Состав 22-й армии — четыре стрелковые дивизии и 21-й механизированный корпус, две стрелковые дивизии продолжают выгрузку и составляют резерв

Последующие операции Красной Армии.

армии. Ударная группа 3-й армии — 21-й стрелковый корпус (две дивизии), 11-й и 17-й механизированные корпуса.

Резерв Северо-Западного фронта — 12-й механизированный корпус. В резерв Западного фронта передается 31-я армия. Кроме того, за Северо-Западным фрон-

том начинают сосредоточение 1-й и 10-й механизированные корпуса, перебрасываемые из Финляндии.

Против тридцати дивизий (в том числе одной танковой и одной моторизованной) группы армий «Север», 3-й танковой группы и 9-й армии группы армий «Центр» сосредоточено (с учетом резервов) семьдесят пять дивизий Северо-Западного и Западного фронтов. Советские войска опираются на укрепленные районы, в состав ударных групп включены четыре противотанковые артбригады, два воздушно-десантных корпуса и большое количество артиллерии РКК. Действия РККА поддерживает Балтийский флот.

На левом крыле Западного фронта против 13-й и 4-й армий в составе 12 стрелковых дивизий и одного мехкорпуса (24-го) развернуто шесть немецких пехотных дивизий.

В первый же день наступления оборона немецких войск прорвана на всех четырех участках прорыва. В районе Данцига высаживается морской десант — бригада морской пехоты Балтийского флота. В этот же район выбрасываются воздушные десанты.

Двадцать второй день боевых действий

Ударные группы 22-й и 3-й армий завершают окружение немецких войск в районе Сувалки. В «котел» попадают четыре немецкие пехотные дивизии. Продвижение ударной группы 8-й армии остановлено. Ударные группы 28-й и 10-й армий продолжают успешно продвигаться. Из состава подвижных резервов группы армий «Центр» выделено три танковые и две моторизованные дивизии, которые должны ударить во фланг ударной группы 10-й армии. Эти дивизии начинают движение на северо-восток.

Начинает наступление левое крыло Юго-Западного фронта. В наступлении участвуют 6-я, 26-я, 16-я, 21-я армии, в составе которых находится 35 стрелковых дивизий и шесть механизированных корпусов (22-й, 9-й, 4-й, 8-й, 19-й, 2-й). В резерв Юго-Западного фронта

передается 30-я армия. Всего против более чем шестидесяти советских дивизий немецкое командование может выставить не более тридцати дивизий, из которых десять ограничено боеспособные.

Против правого крыла Юго-Западного фронта в составе 20-й и 5-й армий (16 стрелковых дивизий и 15-й мехкорпус) развернуто восемь немецких пехотных дивизий (из них две ограничено боеспособных).

Двадцать пятый день боевых действий

Ударными группировками Юго-Западного фронта в районе Бреслау окружено до пяти немецких пехотных дивизий. Немецкие танковые и моторизованные дивизии безуспешно контратакуют, несут большие потери и, оставляя на дорогах танки и другую технику, отходят на северо-запад. Два советских мехкорпуса (2-й и 4-й) стремительно движутся на север по направлению к Данцигу.

Тридцатый день боевых действий

Советские 10-я и 28-я армии выходят к Данцигу, отрезая войска группы армий «Север» и запирая их в Восточной Пруссии. Советская 8-я армия, усиленная 1-м и 10-м мехкорпусами, выходит к Кёнигсбергу. 2-й и 4-й мехкорпуса развернулись фронтом на восток, отрезая пути отхода немецким войскам из районов Варшавы и Лодзи. 8-й мехкорпус занимает Познань. В ходе второго этапа советского наступления окружены и разгромлены до пятидесяти немецких дивизий (из них тридцать — из состава группы армий «Север»).

У Вермахта на Восточном фронте остается не более тридцати пяти боеспособных дивизий, из которых десять танковых и моторизованных. С такими силами противостоять РККА нереально. Начинаются переговоры об условиях капитуляции Германии.

Содержание

Алексей Исаев. СЛУЧАЙНОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ	5
С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий. ЕСЛИ БЫ СТАЛИН НАПАЛ ПЕРВЫМ...	38
Михаил Барятинский. МАЛОЙ КРОВЬЮ, МОГУЧИМ УДАРОМ	50
Михаил Мельтюхов. ГЕРМАНИЯ В СОВЕТСКОМ ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ В 1940—1941 ГГ.	86
Сергей Кремлёв. ЕСЛИ БЫ СТАЛИН УДАРИЛ...	159
Александр Больных. ТИЛЬЗИТСКИЙ ТУПИК	191
Дмитрий Хмельницкий. ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ	213
Андрей Буровский. ДЕНЬ «Ч»	225
Валентин Рунов. «ПРЕВЕНТИВНЫЙ» УДАР КРАСНОЙ АРМИИ ЛЕТОМ 1941 ГОДА	296
Владислав Савин. КАК ЭТО БЫЛО БЫ В ИЮЛЕ 1941 ГОДА, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ, ТАК И ОСТАВШАЯСЯ БЕЗЫМЯННОЙ	316

Трагедия 1941 года оставила в народной памяти настолько глубокую рану, что шрам продолжает болеть даже семь десятилетий спустя – до сих пор не стихают ожесточенные споры о причинах и виновниках катастрофы, а главное, можно ли было ее избежать.

Самую сенсационную альтернативу предложил Виктор Суворов, утверждающий, что летом 1941 года Сталин сам готовился напасть на гитлеровскую Германию и что, если бы Красная Армия успела ударить первой, «поймав немцев на замахе», Вермахт был бы разгромлен за считанные недели. Впрочем, по этому вопросу с Суворовым не согласны даже многие его сторонники, уверенные, что и в случае упреждающего удара советские войска все равно потерпели бы сокрушительное поражение, о чем свидетельствуют неудачные действия РККА против Финляндии.

Чья точка зрения ближе к истине? Привел бы **ПЕРВЫЙ УДАР СТАЛИНА** к триумфу Красной Армии – или разгрому еще более страшному, чем в текущей реальности? И был ли такой удар вообще возможен? На все эти вопросы отвечают ведущие военные историки.

